

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮНЬ
2005**

**ИЯР
5765**

№ 6 (158)

Осталось еще, слава Б-гу, немало евреев, воочию видевших собственную смерть и спасенных Советской армией. Уверен, до последнего дня они будут нести в своих сердцах великую благодарность к воинам-освободителям. Точно такое же чувство должны испытывать и нынешние поколения, ибо советский солдат дал им возможность появиться на свет.

У нас, евреев, чувство благодарности, именуемое в Торе «акарат това» (буквально: «признание добра»), всегда считалось одним из главных положительных свойств человеческой натуры. Если некто помог мне, а я и не помню об этом, совершаю грех, чреватый забвением нравственного закона, потерей человеческого облика.

Вот почему наша благодарность солдатам Великой Отечественной безгранична. В эти дни каждый из нас должен подойти к ветерану войны и выразить ему свою признательность.

Но 9-м мая благодарность не может кончиться. Не может, не должна кончиться и нашим поколением. Родители и деды выжили, потому что советские воины не щадили собственной жизни в те далекие и страшные годы. Благодаря этим воинам живем и мы сами. Наш долг – внушить своим детям ту же неизбывную признательность.

לְעָאֵל וְעַד דַּאָּרְיָ דִּי יִיְיָ אֱלֹהֵי עֲרָאֵל

УЧЕНИЕ РЕБЕ ОБ УЧЕНИИ

(ÈP Í ÛÑÊÈÁ Í ÎÑÊÀÍ ÈB ÈP ÁÀÁÈ×ÑÊÎÁÎ ÐÁÁÁ)

Áðáá Ñáèí ïí

Í ÐÁÎ ÁÐÀÆÁÍ ÈÁ Í ÈÐÎ ÇÁÁÍ ÈB

Í àñðááí èé àíèæáí æèááòü á ó:áí èéá èó:óáá

Раздел Торы, повествующий о выступлении Койраха и его сторонников против Моше и Аарона (Бемидбар, главы 16–18), традиционно называется именем этого возмутителя спокойствия – «Койрах». Нет ли здесь противоречия? Ведь традиционные комментаторы неоднократно указывали, что Койрах олицетворяет собой полную противоположность Моше, а его поведение – неподобающее человеку. Койрах – образец несправедного человека, сжигаемого амбициями: все его устремления были направлены на то, чтобы выделиться среди соплеменников и получить сан первосвященника, предназначенный Аарону. Почему же целый недельный раздел Торы называется по имени этого недостойного человека?

Объяснение, которое дает в связи с этим Ребе, стоит особняком среди множества комментариев к соответствующему разделу Торы.

Согласно его толкованию, желание Койраха возвыситься может быть понято как страстное и в высшей степени достойное желание взойти на высокий духовный уровень. Он желал достичь духовной сферы, не доступной для всех прочих евреев, кроме первосвященника. Напомним, однако, что Ребе всегда подчеркивал: очень высоких духовных ступеней достичь необычайно трудно, двигаясь «только вверх» и не пройдя через умаление, ощущение себя «меньшим из меньших».

Ребе напоминает: Раши в своем комментарии на стих Бемидбар, 16:6 пишет, что в основе ответа Моше Койрахе лежало утверждение: «Я также желал бы получить этот статус, но у нас может быть лишь один первосвященник». В толковании Раши Ребе видит подтверждение своей правоты: и Койраха, и Моше равно отличал пиетет перед высочайшим духовным уровнем, данным первосвященнику, и они оба стремились подняться на эти высоты. Оба они желали духовно сравниться с первосвященником, который в стихе первой книги Царств, 23:13 сравнивается с тем, кто отделен и освящен, подобно Святым Святым. Именно в этом смысле Ребе истолковывает слова Торы, с которых начинается интересующий нас раздел: «И отделился Койрах, сын Ицара...» (Бемидбар, 16:1).

При этом Ребе ссылается и на позицию рабби Шнеура-Залмана из Ляд, который писал (Ликутей Тора, Бемидбар, 546 и далее), что с наступлением эры Мошиаха левиты возвысятся до статуса священников. То есть желание Койраха стать первосвященником можно истолковать как желание немедленно достичь уровня, соотношенного с грядущей эпохой.

потенциал
если мы
через
14:14).
тому, что
человеке

залогом
что
взойти на

подобным
по

прочтения
осуждения. Но эта не вся оценка. Само название раздела должно заставить читающего Тору задуматься – а значит, скорректировать свою инстинктивную оценку. Так изучающий Тору получает стимул к тому, чтобы увидеть позитивные качества даже в таком человеке, как Койрах. Ребе напоминает: сталкиваясь с евреем, проявляющим враждебность к религиозным ценностям, ни на мгновение нельзя забывать, что и он, согласно словам Талмуда, является «потомком Яакова, сыном Израиля» (Сангедрин, 44а) и, несмотря на неподобающее поведение, остается достоянием всей общины Израиля.

Все эти соображения позволяют Ребе предложить свою интерпретацию того обстоятельства, что один из разделов Торы получил название по имени Койраха, не раскаявшегося в своих амбициях и явившего себя полной противоположностью Моше. Вспомним, царем Шломо сказано: «А имя нечестивых сгинет» (Мишлей, 10:7), и Талмуд (Йома, 38б) дает на это особый комментарий, указывая, что имя грешника изгладится из памяти потомков. Почему же имя Койраха сохранено и явлено каждому, читающему Тору и помышляющему о ней? Ребе видит в этом аргумент в пользу того, что само побуждение, толкнувшее Койраха на бунт, было достойно: это взыскание духовной высоты. И в том, что еврейская традиция дала название «Койрах» недельному разделу из Торы, Ребе склонен видеть особо назидательный факт: в основе вызова, брошенного Койрахом, лежало желание достичь, «здесь и сейчас», духовного статуса, реального лишь после наступления эпохи Мошиаха. То есть грех Койраха заключается в нетерпении, пусть и мотивированном благими намерениями. Ошибка Койраха – в неспособности понять, что восхождение, к которому он стремился, возможно только после искупления мира. Изначально в поступке Койраха содержалось стремление к благу, – Ребе ссылался на рабби Йосефа-Иццока Шнеерсона, который утверждал: сердце каждого еврея – даже тех из евреев, которые являются евреями «лишь по названию» и для кого традиция ровным счетом ничего не значит – едино с Б-гом и Торой, независимо от того, как этот человек в данный конкретный момент относится к соблюдению заповедей.

Осознание позитивных качеств, существующих в человеке, крайне важно для процесса, посредством которого этот реализуется. В свете своего опыта наставника Ребе неоднократно подчеркивал: преобразование ближнего достижимо в том случае, исходим из мысли, что в конце концов заблуждающийся пройдет раскаяние, через тшува, ибо «никто не отвергнут Б-гом» (2 Шмуэл, Более того, видя в ком-либо явственно выраженный антагонизм к вы понимаете под благом, следует понимать: это знак того, что в заложен равный антагонизму благой потенциал.

История Койраха – это история «нисхождения», а нисхождение всегда включает в себе возможность того, что впоследствии человек пройдет через раскаяние, которое станет его духовного роста. Восстание Койраха и его враждебность по отношению к Моше и Аарону является, по сути, указанием на то, Койрах желал достичь состояния тшува, которое позволило бы ему уровень, недостижимый даже для цадика (Брохойс, 34б).

Ребе подчеркивал: в противостоянии людям, Койрашу, чье поведение неприемлемо и отмечено враждебностью отношению к религиозным ценностям, это поведение и враждебность необходимо отделять от самой личности человека. Изначальная оценка Койраха, складывающаяся из буквального текста Торы, будет отрицательной. Койрах достоин лишь

Аллюзию, подтверждающую верность его подхода к истолкованию эпизода, связанного с Койрахом, Ребе находит у Раши. Он указывает, что свой комментарий к истории Койраха Раши начинает словами о том, что этот фрагмент «прекрасно истолкован» в комментарии к Мидраш Танхума. Ребе указывает, что в иврите слово «драш», означающее «истолкование», этимологически связано со словом «лидрош», имеющим значение «искать». Поэтому замечание Раши побуждает читателя задуматься о том, что в эпизоде с Койрахом присутствует и «прекрасный», позитивный аспект, заложенный в личности протагониста. Ссылка Раши дает читателю возможность осознать тот факт, что возможно существование такого мидраша, где истории Койраха придается положительный оттенок смысла. При этом сам комментарий Раши, направленный на «высветление» базовых смыслов Торы, указывает исключительно на негативные стороны поведения Койраха. А интерпретация, которую дает этому комментарию Ребе, не

является насильственной или искусственной, так как неоднократно указывалось: Раши, составляя свой текст, с одной стороны, стремился, чтобы тот «был понятен и пятилетнему ребенку», с другой – предполагал возможность кабалистической интерпретации своих слов. Так, рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон называет комментарий Раши к Торе «вином Торы», указывая на его кабалистическую сущность.

Истолковывая тот или иной текст, Ребе всегда стремился увидеть, в чем заключается его актуальность для нас, нашей нынешней ситуации. И в связи с историей Койраха Ребе подчеркивал: сталкиваясь с современными «койрахи», следует искать в ситуации заложенный в ней позитивный потенциал.

Для Ребе «прекрасное разъяснение», к которому отсылает читателей Раши, предполагает существование точки зрения, в рамках которой негативный эпизод не только приобретает позитивный смысл, но и является воплощением наиболее желательного качества. И тут Ребе делает еще один шаг: Раши отсылает к Мидраш Танхума, а в иврите существует связь между словом «нехома» («утешение») и названием «Танхума». Истолкование, направленное на выявление положительных аспектов истории Койраха, дарует утешение, которое является плодом внешне нежелательных событий.

Этот «метафизический оптимизм» всегда был свойственен Ребе. Так, толкуя эпизод Торы, связанный с ниспосланием проказы, Ребе указывал: сущностная порча, постигшая человека, наказанного за прегрешения проказой, на самом деле носит поверхностный характер, не затрагивая ядра его духовной жизни, подобно тому как проказа распространяется лишь по коже больного. Грех поклонения золотому тельцу оказался залогом величайшего покаяния народа Израиля, а то, что Моше разбил первые Скрижали Завета, необходимо вело к дарованию Вторых Скрижалей.

וְדַאֹלְפֵי אֲנֹרִי אֲבִי אֲדַאֲעֵאִי אֶעֱנֹדוֹעֹוֹבֻי יְעִדִי צְאִי עַב

Согласно Ребе, главный вызов, стоящий перед человеком, заключается в том, что каждому из нас необходимо найти оптимальный образ действий, позволяющий реализовать духовный идеал в мире меняющейся реальности. Этот процесс «приложения» идеала к реальному миру можно обозначить как «нисхождение» – своего рода отход от того идеала, каким он виделся нам изначально. Возникает задача трансформировать противостоящие нам силы, которые первоначально видятся прямо противоположными сформированному в сознании идеалу, преобразить их таким образом, чтобы они тоже стали выражением идеала. В этом заключается важнейшая задача наставника.

יִיְהוָה, מִי אֵיִיְבֻעֵי יִאֲאִיעֵא

Бунт Койраха может служить иллюстрацией к тому, как деструктивные силы в конечном итоге служат на благо идеалу. Поражение Койраха и его восстания против первосвященства Аарона воочию явило Израилю тот факт, что священники выделены из всего народа и их статус выше статуса всех прочих.

К размышлениям о том, что нисхождение является необходимым условием подъема, Ребе возвращался не раз и подчеркивал, что этот закон присущ самой системе мироздания.

Останавливаясь на рассказе о сотворении мира в первой главе Торы, Ребе, следуя комментаторской традиции, обращает наше внимание на тот факт, что после описания творения Первого дня сказано: «И был вечер, и было утро: день один» (Брейшис, 1:5). В тексте Торы здесь употреблено количественное числительное «эход» («один»), вместо, казалось бы, ожидаемого порядкового «ришон» («первый»), которое точнее соответствует формулам «день второй», «день третий», которые мы встречаем в тексте дальше. Многие комментаторы размышляли над причиной подобного словоупотребления, и Раши, в частности, говорил: «Почему же написано “один”? Потому что Святой, благословен Он, был один в Своем мире, ибо ангелы не были сотворены до второго дня (и первый день был днем единственности). Так истолковано в Брейшис раба».

Ребе следует толкованию Раши, замечая, что в Первый день мир явился как единственный и единый, и это единство мира было основанием для дальнейшего процесса Творения. Более того, о творении Первого дня сказано: «И увидел Всесильный свет, что он хорош» (Брейшис, 1:4). И лишь после этого сказано: «и отделил Всесильный свет от тьмы». По сути, одобрение относится к целостному единству мира, которое, таким образом, получает особо возвышенный статус, становясь идеалом для всего мироздания.

Второй день Творения отличался от Первого тем, что это уже было схождением к дробности и разделению: «И создал Всесильный пространство, и разделил между водою, которая под пространством, и между водою, которая над пространством» (Брейшис, 1:7). Описывая события этого дня, Тора не упоминает о словах Б-жественного одобрения именно потому, что Второй день внес в мир разъединение, фрагментацию. И хотя всё это входило в намерения Б-га и мир должен был пройти через стадию разделения, само оно не является сущностно положительной категорией – а потому не может получить Б-жественного одобрения. Более того, разделение Второго дня было лишь шагом к трудам следующего дня: именно на Третий день завершились процессы дня Второго. На это, следуя традиции, заложенной Брейшис раба, обращает внимание Раши: «А почему (о сотворенном) во второй день не сказано “что хорошо”? Потому что труд (по созданию) вод не был завершен до третьего дня – он был лишь начат во второй день, – а нечто незавершенное не является целым и добрым (т. е. о таком нельзя сказать “хорошо”). В третий же день, когда был завершен труд (по созданию вод), а также начат и завершен другой труд, Он сказал “что хорошо” дважды: один раз – о завершении труда второго дня, и еще раз – о завершении труда сего (третьего) дня» (Раши на Брейшис, 1:7). Ребе видит в творении Третьего дня преодоление состояния разъединенности, сформированное Вторым днем. Третий день восстанавливает согласие и целостность мироздания, но уже на ином уровне, когда силы, во Второй день друг другу противостоявшие, начинают действовать согласованно и совместно. И дважды высказанное в течение Третьего дня одобрение Творения подразумевает гораздо больше, чем количественное превосходство сотворенного в Третий день над тем, что было создано во Второй, превосходство в числе Б-жественных трудов, которые обрели завершение. Двойное одобрение связано с тем, что в этот день мир взошел на иной уровень сложности, когда в нем присутствуют разные сущности, пребывающие в согласии и друг друга дополняющие.

Это единство Третьего дня носит качественно иной характер, чем гомогенное, непротиворечивое – и потому неполное единство, наблюдавшееся в Первый день творения. Сложное, напряженное единство Третьего дня – единство, разные элементы которого дополняют и уравнивают друг друга, – есть образец подлинного единства.

Другое проявление трехступенчатой парадигмы, в центре которой – нисхождение, ведущее к восхождению, Ребе видит в традиции, связывающей наши праздники и наш год с циклами Луны. Луна убывает, чтобы потом достичь полноты. Перед «молад» – своим новым рождением – Луна становится совершенно невидима, – она как бы погружается в самую глубину тьмы, – но с этого момента начинается ее обновление, и, пройдя через состояние мрака, новая Луна сияет на небосводе. Она символизирует заложенный в каждом человеке потенциал обновления и способность приносить новое в мир и тем самым изменять пути этого мира.

Ī ēñī æāāī ēā āī ēī ŷ āññī æāāī ēŷ è èāāē àè òéē (īāī īōī àēāī ēŷ)

Ребе поясняет: потому евреи и избрали лунный календарь, что умаление Луны, заданное ей Творцом от сотворения мира, является символом всякого самоумаления, о котором должен помнить каждый из нас. Все события нашего года связаны с циклом Луны, чтобы мы постоянно помнили об этом. Согласно Ребе, только самоуничжаясь, человек может играть свою роль и вносить вклад в процесс трансформации мироздания. Только пройдя через тьму, Луна рождается вновь. Только на путях самоумаления человек обновляется и приносит в мир что-то новое.

РАБСТВО, ИМЕНУЕМОЕ СВОБОДОЙ

Áäëí Ýááí-Ëçðäýëü (Òòáéí çäëüü)

Í òñòòñò äéá ðááñò áá

áüá í á íçí á-ááò ñáí áí áü

*Áëááí áý òáí á íðííëçíááááüáü ðñííëíóíð òéáíü ñëí áíéíá íáü-ááá é óáááí ííéé
Í áññáéíü íáí íéé áááá, – áñ, ýòí òáí á ñáí áí áü!*

Выражать свободу могут и простые церемонии, например непринужденные позы свободно раскинувшихся людей, выпивание четырех бокалов вина и повторение мантры «мы – свободные люди!» Однако существо каждого из нас во время сейдера пронизано более глубокой концепцией свободы.

Свободу чаще всего определяют как отсутствие принуждения, – подобно тому, что рабство можно определить как «отсутствие свободы». Но по существу отсутствие рабства само по себе еще не означает свободу. Рабство – состояние, когда человек вечно принужден подчиняться воле другого. А свобода – это способность человека действовать самостоятельно, это возможность самовыражения.

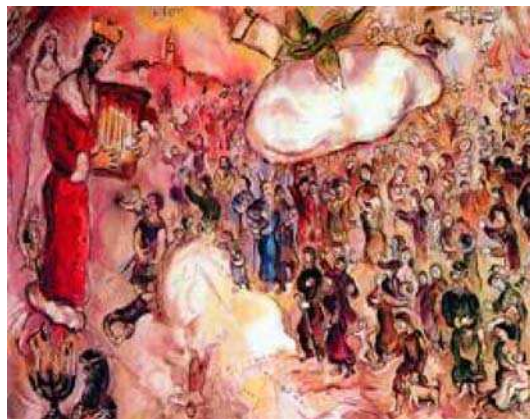
Чтобы человек мог действовать независимо, он должен захотеть выразить свою самобытность. Тот, у кого нет стремления к самовыражению и выполнению своего предназначения – то ли потому, что его дух сломлен, то ли потому, что он так и не развился, – не может считаться свободным. Он не свободен, хотя физически и не порабощен: это всего лишь брошенный раб – раб без хозяина!

Чудо Исхода не завершилось самим Исходом. Евреям нужно было стать свободными людьми, а не просто сбежавшими рабами. Авраам ибн-Эзра так описывает ситуацию:

«На берегах Красного моря евреи искренне желали избавиться от тягот рабства. Однако, прожив всю свою жизнь рабами, они не могли так легко сбросить укоренившуюся в них привычку ориентироваться на своих надсмотрщиков, дававших им задания для выполнения. Лишь после того, как вымерло поколение, рожденное в рабстве, еврейский народ смог войти в землю Израиля и построить государство свободных людей».

Раб несет двойное иго: он вынужден подчиняться хозяину и лишен собственной воли. И наоборот, человека, сознающего свою уникальность, неповторимость, свою индивидуальность, поработить нельзя. Человек же, не имеющий позитивного представления о себе, не может считаться совершенно свободным.

Те же принципы, что делают рабом отдельного человека, приложимы и ко всему народу в его нынешнем изгнании, голусе. Подлинное освобождение – нечто большее, чем просто исход из страны изгнания.

Состояние изгнания подразумевает лишение народа своей воли, коллективное подчинение диктату чуждой власти. Группа людей, покидающая свою страну по собственной воле, однако определяющая свой образ жизни на чужбине сообразно собственным ценностям, не может считаться живущей в изгнании. Эти люди попросту временно живут на чужбине. Пока они имеют возможность сохранять самобытность – они не настоящие изгнанники. Изгнание становится рабством лишь тогда, когда оно препятствует национальному самовыражению и самоопределению, душит его.

Подобно рабству, изгнание в каком-то смысле есть физическое состояние. Однако основная его суть – духовная! Это отречение от своей системы ценностей, духовная капитуляция, признание чуждых ценностей, отношений и нравов, вступающих в противоречие с духом индивидуума и духом родного народа.

Преследуемые евреи пребывали в изгнании на протяжении жизни несчетных поколений, и на протяжении этого времени были принуждаемы отказаться от своего образа жизни. Нация, в основном занимавшаяся земледелием, стала нацией купцов, независимый народ был обращен в рабство и склонился перед иностранным владычеством, завися от всякого недоброго ветра, то и дело подвергаясь гонениям. При всем том, пока евреи держались за свое духовное наследие, за собственный образ жизни и обычаи, они не были поработанным народом.

В годы изгнания и блужданий евреям приходилось мириться с тем, что во многих отношениях они перестали быть хозяевами своей судьбы. Однако изгнание для евреев никогда не было абсолютным, поскольку ни один еврей не считал себя хуже своего хозяина, сохранял свое достоинство. И пока еврей сохранял свое «я», его связь с Б-гом не только утешала его, но и служила ему прибежищем, давала ему то внутреннее достоинство, которое не могло растоптать никакое изгнание.

Подлинное изгнание, как физическое, так и духовное, начинается с ассимиляции. Ассимилированный еврей, теряя свою самобытность, теряет независимость. Пусть даже он пользуется личной свободой, тем не менее его национальное изгнание надо считать тотальным. Его образ жизни уже не определяется его подлинной еврейской сутью. Жизнь ассимилированного еврея – как физическая, так и духовная – определяется чужеземными влияниями.

И даже если ассимилированный еврей живет в такой стране, где чужие люди сейчас уже не диктуют ему, как себя вести, всё равно он находится как бы в изгнании. Он несет в самом себе боль изгнания в самом глубоком смысле этого слова. Он лишен подлинного самосознания, которое ведет к свободе. Даже если чуждая культура не поработает его физически, всё же она продолжает духовно управлять им, отнимает у него его духовное наследие.

В хасидской проповеди говорится: «Легче вывести еврея из изгнания, чем вытравить в нем “психологию изгнанника”».

ИГРЫ В ПАТРИОТОВ

Леонид Радзиховский

Изменения в российском обществе накапливались медленно, незаметно, но если сравнить сегодняшнюю ситуацию с тем, что было несколько лет назад, – разница бросается в глаза.

Из всех «аналитических авторских» передач на ТВ остались две: Леонтьев и Леонтьев... извините, оговорился, Леонтьев и Пушков. Есть, впрочем, еще Караулов. Г-н Проханов превратился (отнюдь не изменив имя, внешность и внутренность!) во вполне желанного гостя на многих ток-шоу – и у Познера, и у Сорокиной. А вот освищенные либералы исчезли со сцены СМИ.

Короче, факты – упрямая вещь: все «демократические партии» пролетели на выборах в Думу; согласно опросам, больше 50% населения поддерживают свежий лозунг «Россия – для русских»; русская интеллигенция испуганно поджала хвост и слова из себя не выдавила в ответ на «письмо 500», а затем «письмо 5000».

В общем, по мере того как зримо уменьшается разруха «в сортирах» (сравните Москву сегодня и 3–4 года назад), незримо (пока – незримо!) растет разруха в головах. Не сама «растет» – ее любовно растят.

Нормальный человек, средне интересующийся политикой, узнает из СМИ следующее. Мы переживаем страшное время (страшно зайти в магазин – глаза разбегаются!). Произошла крупнейшая геополитическая катастрофа – распад СССР (кстати, в 1992–1993 годах рыданий по свежему покойнику было куда как меньше). Россия тоже на грани распада – горло сжимают враги внешние, прежде всего «империя зла» – США, а внутри шустрит «пятая колонна». Относительно «врагов внутренних» обычно не уточняют, кто они такие, но и так идиоту понятно (а не-идиотами можно и пренебречь), что это евреи. Доказательства заговора? Будьте любезны: Украина–Гру-зия–Киргизия–Прибалтика. Причем тут заговор американцев? А кто же еще, позвольте спросить, «все это» организовал?!

Но высокая геополитика («Америка – параша, победа будет наша») – это для гурманов-интеллектуалов. Простого человека волнует экономика. И здесь всё ясно и просто. «У них денег куры не клюют, ну а нам – на водку не хватает».

В самом деле. Вы, облизываясь, видите богатство, которое у вас по усам течет, а в рот не попадает. А «ящик» устами бессребреника Караулова объясняет: воры! Всё украли. Предприниматели, блин?! Что же это они – все эти Фридманы и Вексельберги – «предприняли»?! Получили на халяву нефтяные вышки от пьяницы Ельцина и его дочки и качают себе миллиарды на Запад. А русский Иван-дурак, который эту нефть разведать и нефтепроводы проложил, должен стоять нищим в своей стране и вымирать по миллиону в год. «Голодай – чтоб они воровали, голодай – чтоб в игре биржевой они совесть и честь продавали, чтоб глумились они над тобой». При этом «все знают», что все миллиардеры – евреи (спасибо еще, что не думают, что все евреи – миллиардеры). Нет, ну есть там еще один Потанин...

Люди верят. Да и как не верить! Идейки, прямо скажем, не новые, проверенные веками, отложившиеся в подсознании, значит, далеко не случайные. А не случайные они потому, что идеально соответствуют инстинктам ленивой и плотоядной обезьянки *Homo sapiens* (кстати, совершенно без различия национальностей).

Вы спросите: ну и что же в этой вечной демагогии нового?

Новое то, что всё это в последние годы не встречает никакого сопротивления на ТВ. А поспорить-то нетрудно. Например – нет, не все олигархи «просто воры», произошел естественный отбор, Боровые и Мавроди начала 1990-х ушли. А большинство их тех, кто выжил, умеют не только воровать – поднять разрушенное советское производство совсем не просто. Они эксплуатируют народ – но и народ использует их организационные и финансовые способности. (Ну а уж о такой мелочи, что среди 100 первых богатей России евреев около 30 человек, а не 90, как жарко верит большинство населения, я и вовсе молчу.) Так как никто не пытается объяснить: если кому и выгоден американский миропорядок, то прежде всего – ослабленной России. Ведь если бы «мировой жандарм» не следил за порядком, то тогда в диких джунглях

мировой политики нашлось бы много желающих отхватить куски богатой ископаемыми русской земли. И не факт, что ракетно-ядерное оружие (созданное в немалой степени «еврейскими физическими олигархами») помогло бы – ведь применить его совсем не так просто...

Но ТВ, контролируемое Кремлем, лишь поет всё громче воинственно-патриотические песни и уж точно с ними не спорит. Почему?

Потому, что Кремль так укреплял свою «вертикаль». Опираясь на эти, вечно живые в народе настроения, Путин так поднимал свой «патриотический авторитет». Это было его оружием в борьбе с олигархами.

Отлично. Но за всякое удовольствие надо платить.

Итак, картина мира, которую рисует пропаганда, такова.

Кругом враги – и они сжимают кольцо. Собственность в стране ворованная, абсолютно нелегитимная. И Путин – защита от врагов внешних/внутренних.

Так спланировала власть. Но люди-то смотрят ДАЛЬШЕ. Да, Путин, конечно, лучше «врагов»... Но только почему же он с ними ВСЕРЬЕЗ НЕ БОРЕТСЯ?! «Разбуженный патриот» ждет от разбудившей его власти – ДЕЙСТВИЙ. Против США (ну это – ладно, хрен с ними...), а главное – против воров-олигархов. Что нам один Ходорковский, с этим дурацким судом, тянущимся 2 года...

Россия гибнет, МЕНЯ ЛИЧНО ОБОКРАЛИ – а делать НИЧЕГО НЕ НАДО! И ты сам делать ничего не смей – ВЛАСТЬ ЗАПРЕЩАЕТ. Кремлю нужна «стабильность». Это – чтоб меня стабильно грабили олигархи, а Россию стабильно опускали «америкось»? А Путин стабильно улыбался главному врагу России – Бушу? Так ЧЬЯ у нас власть? Там, в Кремле, часом – НЕ ОБОРОТНИ СИДЯТ?

Вот к каким нехитрым мыслям власть невольно подводит СВОЕГО, ПАТРИОТИЧЕСКОГО избирателя. И эти настроения – СПАСИБО СМИ! – становятся всё более массовыми.

Трудно быть «немножко беременной национализмом» и так за пять лет ничего не родить. Запущенный властью в олигархов «дротик» рискует оказаться БУМЕРАНГОМ. И как же Кремлю его остановить?

ЮЛИЙ КИМ: ПО ЖИЗНЕННОМУ ПУТИ

Беседу вела Татьяна Бек

Как в XIX веке русские народники, так и Юлий Ким значительную часть своей жизни «ходил в народ»: учительствовал в разных уголках страны. Свой в кругу диссидентов-шестидесятников, он был известен в основном как автор и исполнитель собственных песен. Впрочем, этим его творчество не ограничивалось: на его стихи сочиняли музыку композиторы, работавшие в кинематографе, он написал большое количество сценариев, а недавно издал сборник автобиографической прозы «Однажды Михайлов». Беседа с Юлием Кимом – один из последних материалов Татьяны Бек, подготовленных ею для «Лехаима». Не только «по жизненному пути» сумела провести собеседника Т. Бек, но и тонко раскрыть его «творческую лабораторию», его человеческие пристрастия.

– Юлик, мы сначала пойдем по жизненному пути...

– Пойдем!

– ...А потом – проблемы.

– Ага. Проблемы.

– Вы можете назвать миг, когда вы впервые себя помните?

– Память у меня, во-первых, плохая. Я знал людей, которые себя помнили с двух-трех лет – причем очень подробно, а один говорил, что чуть ли не каждый день помнит с тех пор, как себя осознал. Такое свойство памяти. У меня всё – с обратным знаком. Только коротенькие вспышки, связанные с войной. Я помню пролет «мессершмиттов» над домом, где мы жили (дом не помню совершенно), – помню отдаленный лесок, два самолета, и вот мне сказали, как они называются.

41-й год. Мне пять лет. Город Наро-Фоминск. Потом я помню вокзал, темный, и – это уже исторический факт – мы уехали из Наро-Фоминска последним эшелоном.

– Кто это «мы»?

– «Мы» – это я с сестрой, бабушкой, нянькой и теткой, которая жила в Люберцах. И она нас вывезла из Наро-Фоминска перед тем, как туда вошли немцы. Тоже 41-й год, тьма, тетка с каким-то начальником, идут вдоль поезда. И тогда же и в связи с этим – мы пробираемся по вагону, а света ноль, буквально по раненым, которые матерят нас во все дырки. А мы об них спотыкаемся. Чтобы найти какое-то пристанище... Вот это я помню.

И таких вспышек у меня немало. Из моего военного детства, конечно, помню дом в Люберцах, где мы жили... Верней, нет, не Люберцы, а Ухтомка, станция Ухтомская. После Косино идет Ухтомка, а потом Люберцы.

– Вы подмосковный?

– Нет. Родился-то я в Москве. Это четкий факт моей биографии. (Смеется. – Т. Б.) А «час зачатия я помню неточно...» И – час рождения тоже. В 1936-м я родился, а в ноябре 1937-го папу взяли: мне года не было еще. В феврале его расстреляли, а чуть позже взяли и маму. Еще мне не было двух лет – нас с сестрой взяли родственники, хотя над нами уже нависал детский дом, приют... Но нас быстро выхватили дедушка с бабушкой, и мы оказались при них в Наро-Фоминске. А потом тетушка нас забрала накануне немцев: немцы вошли на следующий день после того, как мы уехали. Забрала к себе в Ухтомку, где мы и провели всю войну.

Потом мама вернулась из лагеря и увезла нас с собой в город Малоярославец, за 101-й километр, где мы с Алей провели всё наше отрочество. Аля там закончила десять классов, поехала в Москву учиться на медика, а я (я моложе ее на три года) остался с мамой... Далее мы удалились в Туркмению.

– Как так?

– Так. Сначала тут внутри тоже были свои события – за нехваткой учительских кадров отбывшим срок по 58-й статье позволяли работать в школе и вообще, так сказать, на идеологическом фронте. Например, библиотекарями или, допустим, в РОНО... А в 1948–1949 годах опять закрутили гайки и стали брать повторно 58-ю. Но маме посчастливилось: хотя позже оказалось, что и на нее уже было выписано постановление о повторном аресте, однако что-то там в их бюрократии не сработало, и ее только уволили из школы, где она служила (мы и жили при школе)... С 1949 по 1951 год мы пребывали в совершенно ужасающей нищете. Мама в городе Малоярославце работала учетчицей швейного цеха. И если бы не одна родительница ее бывшего ученика, Лариса Федоровна Чирикова, которая пустила нас за бесплатно в комнату, то мы бы погибли. А это нас спасло – и мы два года кое-как прокантовались...

– А потом?

– А потом мама завербовалась в Туркмению, на строительство Главного Туркменского канала – ей сказали, что в Туркмении посвободнее и полегче, а главное, там всё подешевле... Так оно и оказалось. И мы после голода очутились в Ташаузском краю... Ехали долго. До Ташкента, из Ташкента – в Чарджоу. Из Чарджоу – в теплушке до Ташауза... Так мы вдвоем с мамой добрались до места и получили временное жилье от этой конторы. И зажили мы по-царски, потому что там всё было безумно дешево... Как я помню первое впечатление от среднеазиатского базара! Огромные горы всякой еды – и сырой, и печеной. Всё – пахнет. Горы дынь и арбузов. Невероятного размера помидоры. Всё больше, всё огромнее, чем в России. Даже картошка – огромная.

И особенно хороши были эти самые (как их?) чуреки – лепешки жареные, свежие, горячие – с картошкой... Мы с мамой наслаждались!

– Юлик, а как звали маму и из какой она была семьи (мне всегда интересны не только листья, но и корни)?

– Мама моя – Всесвятская Нина Валентиновна – классическое продолжение русской земской интеллигенции в советское время. И по биографии, и по духу. Ее дед – Василий Павлович Всесвятский – главный священник главной церкви Уготско-Завадского уезда Калужской губернии. Он Жукова крестил! А его сын Николай Васильевич – лечил. А другой сын, Валентин Васильевич, тоже был врач – мой, стало быть, дед. Это был огромный Всесвятский клан, и они много хорошего сделали для уезда. И это

народническое подвижничество было у них в крови, и на моей памяти – большие семейные сборы с бесконечными песнями до- и послереволюционными. Голосисты были Всесвятские, что, без ложной скромности, отчасти и мне перепало.

Àúì áñéí èè òàòàáñéíé èéíéù ñì àì íé è ñáñòðé.

– Скажите, а кто был ваш папа и почему его так стремительно замели и уничтожили (хотя какие могли быть при Сталине «почему»)?

– Мой отец был – как бы это сказать – разнообразно малообразованным культурным человеком. Я сейчас уже забыл основные детали. Он закончил школу на Дальнем Востоке – и сам работал учителем начальной школы, когда ему было лет, по-моему, семнадцать... Мой отец – кореец, но преподавал он русский. Потом он работал в издательстве в Хабаровске, где и встретился с мамой, а мама перевезла его в Москву. Здесь он поступил в ГИТИС на театральный – одновременно работая в издательстве «Иностранный рабочий» (впоследствии «Иностранная литература») переводчиком. С русского на корейский, туда и обратно.

Он был разнообразно талантливый человек, но главное его стремление было стать театральным работником. Он учился режиссуре... Ему было-то всего 34 года, когда его арестовали, – и он исчез с лица земли.

– А что ему инкриминировали?

– Тогда арестовали очень многих корейцев в Москве, и всем им вменяли шпионаж в пользу Японии. Всем, кто из Приморья, впечатали этот «шпионаж». И только сравнительно недавно, благодаря усилиям здешней корейской общины, мы с сестрой оказались на том месте, где лежит его прах...

– Где это?

– Это не точное место – там даже братской могилы нет. Некоторая территория, которая именуется «бывшая дача Ягоды» (сейчас она называется Коммунаркой, почему – не знаю). По Киевскому шоссе – от Москвы километров пятнадцать. Близко. Есть в Москве такой район (вы его знаете, наверное) – Бутово. Там – огромное расстрельное место, где похоронили большое количество расстрелянных священников, русских, православных. Похоронили там и 27 корейцев и еще не счесть кого. Это место более-менее известно, и там наша церковь быстрее всего проявила инициативу о мемориале, о памятнике.

Большая часть корейцев – в Бутове, меньшая – на Коммунарке.

Это и правда была дача Ягоды (гектаров десять), потом она у него была отобрана – и там уже был просто пункт НКВД, куда свозили и где, кажется, прямо и расстреливали. Нам с сестрой показывали поляну, которую местные так и называют: «расстрельная поляна»... Там стоят три памятника: один общий, а отдельно – якутским деятелям и, кажется, башкирским. Поименно. Якуты и башкиры, молодцы, собрались поставить своим памятники, а больше пока никто... В общем, пришли мы с сестрой на «расстрельную поляну» и положили на голый снег наши розы.

– **Вы отца не помните?**

– Нет – мне было два года. Я и матушку-то вспомнил, только когда она вернулась! Сестра постарше меня, но даже она папу помнит очень смутно.

– **Мама долго прожила?**

– Мама прожила, к сожалению, недолго – она скончалась в 66 лет. Я сейчас уже ее старше.

– **Ясно. Я недавно прочла у Дмитрия Быкова, которого почитаю очень ярким и лириком, и прозаиком, и журналистом, что вы, в свою очередь, один из выдающихся поэтов XX столетия, но при этом – «пасынок века». А вы сами как себя ощущаете – как пасынок или как сын, пусть и блудный?**

– Дима, с которым мы друг другу глубоко симпатизируем, талантливейший человек, но он любит поражать и эпатировать. И по телевизору, и в статьях, и где угодно, и даже в своих первых прозаических опытах... Что касается его формулы, то я – абсолютно, конечно, дитя минувшего века. Дитя, сын... Может быть, он такого рода детей всех готов назвать пасынками? В том смысле, что к пасынкам всегда отношение отдельное и пасынки всегда больше страдают... (Смеется. – Т. Б.)

Èèì ×áññáí, íòáá P. Èèì à

– Мне та-а-ак понравилась ваша книга «Однажды Михайлов» (Время. М., 2004) – о детстве, о школе, о юности, о Лубянке! Как там выразительно дано ваше время! Ее надо читать, ее надо пропагандировать...

– Совершенно с вами согласен. (Хохочет. – Т. Б.)

– Из этой книги я узнала, что вы после Московского пединститута работали школьным учителем – причем последовательно в трех разных школах. Что вам дала эта работа с детьми и что из нее вы перенесли на законы литературного (и театрального) творчества в целом?

– Интересное дело. Когда я думаю о стихах Окуджавы, мне всё время мерещится школьный учитель. А мы с Булатом в чем-то шли параллельно... Он ведь тоже учительствовал. Когда я учился в Малоярославце, он учительствовал в школе в Калужской губернии, в соседнем районе. Да. И мне кажется, что у него и стихах, и в песнях постоянно звучит нотка этого учительствования. Слегка назидательная... И я

все время задавался вопросом: а нет ли и у меня такой нотки? Есть, но у меня ее сложнее найти. Она – только в тех стихотворениях, которые относятся к чистой лирике. Не в песенных.

Но вообще, четко ответить на ваш вопрос я никак не могу, потому что интерес учительский всё же совершенно отличен от интереса писательского. Они не соприкасаются.

– А в способе, как говорится, подачи материала?

– Ни малейшего сходства... Я не вижу, в чем бы пересекались учительство и сочинительство. Единственное, что могу сказать: усиленные занятия художественной самодеятельностью в школе, действительно, проложили для меня столбовую дорогу к профессиональной сцене. Безусловно. Тут прямая связь... А в учительстве – свои увлечения. Например, у меня был большой азарт – тащить троечника в отличники. Случались на этом фронте и достижения. Или еще задача – заставить инертную массу 10-го «А» стать более активной, разговаривающей, мыслящей... Ну и так далее.

– Приведите примерчик, господин учитель.

– Помню отлично: в московской школе, не в физико-математической, а в той, где я работал раньше, в 135-й, где я сменил человека, хорошо вам, Таня, наверно, известного... Сашу Аронова.

– Еще бы!

– Да, я Сашу Аронова сменил на его трудном педагогическом пути... Он, конечно, гораздо лучше моего толковал поэзию, знал стихи, учил их любить, но зато совершенно не занимался практической грамматикой... А я, как раз набивший руку на камчатских учениках, привез разветвленную систему практической грамматики, особенно пунктуации... Я эту систему очень хорошо применял, поэтому у меня отпетые двоечники становились твердыми троечниками, а то и четверочниками по грамматике. Я этим весьма серьезно занимался и имел успехи. Я нашел свою логику, а главное, я учил их писать небольшими предложениями. (Смеется. – Т. Б.) Два придаточных – максимум. Я предлагал им хемингуэйевский стиль. (Хохочет. – Т. Б.)

Были, конечно, и стихийно грамотные люди. Хорошо помню: в 135-й школе учился у меня Олег Розанов – он был отличник по всем статьям: от физкультуры до английского. И – комсомольский деятель. Чувство юмора – блеск. Огромный культурный багаж во всех областях. Замечательный был парень. Прямой дорогой шел в МГИМО. И у меня было три темы на выбор, и одна была «Образ Ленина в художественной литературе». А год был 64-й... И я сказал: «Ребята, эту тему я прошу брать только в том случае, если вам действительно есть что сказать. А газетных клише мне не надо... Лучше возьмите “Горе от ума” или “Героя нашего времени”, о которых мы много говорили...» И у меня ленинскую тему взяли два лучших ученика – Оля Пискунова и Олег. Оля потрясающее написала сочинение – она чисто по-человечески отнеслась к Владимиру Ильичу и нашла такие какие-то слова, с сожалением, что он ушел и еще что-то такое... Открываю сочинение Олега – полная тетрадка без единой ошибки. «Руководитель пролетариата», тра-та-та – все клише выдал, зараза. (Смеется. – Т. Б.) А я же просил – без клише. И вдруг я понял, что он упражнялся на эту тему, чтобы в дальнейшем не ударить в грязь лицом при поступлении в любой институт.

Потом он благополучно поступил в МГИМО, и, наверно, у него всё в порядке.

– А ваши бывшие школьные ученики появляются до сих пор в вашей жизни?

– Да, конечно. Из каждой школы, где я преподавал, кто-то всплывает время от времени... Буквально три недели назад здесь, на улице, человек из 135-й школы остановился, и я его узнал. Вспомнил.

Понимаете, я у них в то время появился, когда всё запоминается очень остро.

– Ну, вы теперь знаменитый...

– Я не знаменитый, я им как раз тогда наверняка запомнился... Я же с ними так хорошо работал! Дело даже не в любви, а дело в том, что я призывал их шевелить мозгами, думать, живо обсуждать «Войну и мир», учиться трепаться. И не в духе казенной интерпретации, а в духе живого человеческого восприятия.

– **Ясно. А вы на Камчатку после начала 60-х больше не возвращались?**

– На Камчатку я возвращался шесть раз. Работать после первых трех лет я вернулся через два года. Потому что ностальгия заела. А потом просто наезжал. Приехал с киногруппой – провел полмесяца на съемках. После 1966 года приехал в 1983-м. Приехал с женой и дочерью. Потом был большой перерыв – в 1991-м я приехал один. И еще в 1995-м. И если всё будет хорошо, то седьмой раз поеду на будущий год.

– **Вопрос: что для вас ярче – Камчатка, где вы жили и бывали, или Израиль, где вы нередко живете теперь?**

– Каждое место – по-своему. А сила привязанности и впечатлений – она равна. И в равной степени значительна, хотя по содержанию различна.

– **Теперь у меня будет сложный вопрос – насчет диссидентства.**

– Ничего сложного нет. Для меня существуют только две сложные темы, которых я сторонюсь, – это «я и женщины» (смеется. – Т. Б.) и «я и религия».

– **Поняла. Вы были в гуще лучших людей диссидентства или, если шире, протестного круга. В полюбившейся мне книге «Однажды Михайлов» у вас есть такой фрагмент: «И теперь с великой досадой слышу я, как то один, то другой достойный человек, вспоминая недавнее время, говорит с некоторой даже брезгливостью:**

– **Нет, диссидентом я не был, слава Б-гу!**

Нашел чем гордиться. Ведь, по сути, расписался в трусости. Ведь, как ни объясняй свою позицию, а картина выходит одна: возмущались тысячи – протестовали единицы. Остальные помалкивали. А молчание – знак согласия с властями».

Да, конечно. Ну а теперь? Почему многие из, скажем так, протестных шестидесятников теперь молчаливы и буржуазны? Уроки истории, усталость ли, возраст?

– Всё объясняется чрезвычайно просто. Диссидентство – это не профессия. Это историческое призвание. Обращено оно было ко всему нашему обществу, а откликнулись на этот исторический призыв немногие. Если иметь в виду строго диссидентство – людей, которые сознательно шли «на статью».

– **Например, из бардов «на статью» шел только Галич, да?**

– Из бардов? Да. Немножко – ваш покорный слуга и, конечно, да, Галич. Остальные тоже делали свое дело, и, может быть, кто-то творчески даже лучше Галича, но вот на статью конкретно – с прямыми обвинениями советской власти – тянул он. Остальные – косвенно. Что не означает, будто их подвиг – меньший подвиг. Нет. Потому что каждый делал свое святое дело. Утверждение свободы мысли явочным порядком. Только Галич при этом не стеснялся бранить Советы, а Высоцкий стеснялся, или ему это было не нужно. Скорее всего, опасался. Но это не значит, что он был трус... Цитата, приведенная вами, сказана вскользь – она в контексте того рассказа, где я ее написал. А вопрос о трусости и нетрусости я отдельно разбираю в новелле, которая называется «В гостях у Силиса»...

Теперь еще о диссидентах. Диссидент – это человек, который крикнул: «Не могу молчать!» Или сказал: «Ой-ой-ой-ой-ой!» – не побоялся крикнуть против режима в разгар советской власти. Но это его не обязывает кричать «Ой-ой-ой-ой-ой!» всю оставшуюся жизнь.

Диссиденты тогда кричали: «Дайте сказать!..» И Горбачев им дал.

– **А после Горбачева?**

– А после Горбачева диссидентство кончилось. Кончился этот исторический спрос. И зачем же дальше спрашивать с бывших диссидентов? Все продолжились – кто как может. Один диссидент отвалил в Америку, как Паша Литвинов (правда, он раньше отвалил и стал заниматься своим преподаванием физики). Другой – остался... Лучшее всего продолжила свое общественное служение Таня Великанова: она не могла

уже вернуться в науку, которой прежде занималась (она была структурным лингвистом), а обрела себя в школе. Она пошла в школу, взяла начальные классы и повела до десятого, преподавая им математику и воспитывая их, конечно. Другие, вроде Сережи Ковалева, пошли в политику. Лариса Богораз была в «Мемориале». А Володя Дремлюга, который в 1968-м вышел на площадь, – уж какой он был отчаянный... И вся его отчаянность вылилась в успешное бизнесменство в Нью-Джерси.

Стали жить кто как. В новейшие времена кто может, тот бесчинствует – вроде нашей замечательной Валерии Ильиничны Новодворской. Но и она не диссидентка. Она воплощает собой явную ветвь общественной оппозиции – легально разрешенной. Вот если Владимир Владимирович начнет дальше закручивать гаечки, тогда появится почва для диссидентства. И возникнет опасность уголовного преследования по политическим мотивам... Как при Советах: были две политические статьи, записанные в Уголовном кодексе, – распространение и хранение антисоветской ля-ля-ля... Таких статей, я думаю, не возникнет. Есть у нас, есть одна такая статья: оскорбление Флага (смеется. – Т. Б.).

А еще скажу: многие расхрабрились сейчас, когда стало можно, а мы-то были посмелее, когда было нельзя.

– Пора перейти к творческим делам. Вы пишете автобиографическую прозу и сами ее резко отделяете от прозы художественной. Говорите в предисловии к книге «Однажды Михайлов», что 90% имен – реальные, а не вымышленные. И даже так (цитирую): «До того, чтобы сочинить какой-нибудь уездный город N со своими Петрами Андреичами и Павлами Иванычами, дело у меня пока не дошло...» И всё же многие фрагменты этой книги написаны в третьем лице, про Михайлова, а не про Кима. Объясните внутренний механизм.

– Правильно замечено. Писать о себе в третьем лице – значит, безусловно, переходить в сторону беллетристики. Прием, который позволил мне соединить автобиографическую прозу с беллетристикой. Там есть свои хитрости: я позволил себе немножко передвинуть факты, сдвинуть разные дни в один и всё такое. А есть у меня очерк «Однажды Михайлов с Ковалем» – так это не очерк, а чистая фантазия. Все характеры реальные, но это беллетристика по определению.

– Вы так пишете прозу сознательно или интуитивно?

– В 1999 году, когда я начал писать, то сразу понял, что это будет книга. Серия воспоминаний. Я сразу почувствовал возможности приема и ими воспользовался. Более того, когда я книгу завершал, то было еще несколько новелл камчатских, ранних – я всё равно записал их через Михайлова.

– Вы себя относите к жанру «авторской песни»? Если да, то что этот термин означает?

– Лучше всех на этот вопрос ответил Митя Сухарев, который выпустил огромную антологию авторской песни (если хотите, я вам ее подарю, есть экземпляры) – и там в теоретической части он долго обсуждает, что такое бардовская песня и кто такие барды. И приходит к выводу: барды – это те, кого так называют. (Смеется. – Т. Б.) Если предложить другую формулировку, например: «Бард – человек, который сам сочиняет музыку и стихи и сам их исполняет», – тогда вылетает масса людей и сам Сухарев. Потому что он пишет стихи и сам их исполняет, но не специально, а при случае, как автор стихов... Но он же не выступает с гитарой. Дальше. С другой стороны, вылетают Никитин и Берковский и еще целая куча знаменитых людей, которых принято называть бардами... Дулов качается: он пишет то на свои стихи, то нет... Я тоже начинаю колебаться, потому что у меня много песен, написанных на чужую музыку – Гладкова, Дашкевича... Вроде «Бумбараша» и так далее.

Чистых бардов у нас остается двое – только Вероника Долина и Михаил Щербаков. Больше никого. Нет, я не прав. Еще Высоцкий. Да, Окуджава и Галич – тоже чистые барды.

– Кого вы больше всех любите из бардов?

– Михаила Щербакова, конечно. На меня всего сильнее действует Щербаков, большая часть репертуара Булата и, конечно, очень сильно – Высоцкий. Чрезвычайно хороша и еще недооценена Новелла Николаевна Матвеева. Я всё жду, когда же у кого-то доберутся руки сделать спектакль по ее песням, их все аранжировать. Почему-то Лена Камбурова до этого никак не доходит. Там такое музыкальное богатство! Такой и книжный, и не книжный романтизм – красивый, искренний, гриновский...

– Может быть, дело в том, что Новелла сама такая внешне неактивная?

– А от нее не надо требовать активности – надо быть активными по отношению к ее творчеству.

– **Корни авторской песни, они где – в русском фольклоре, или в городском шансоне, или в романсе, или в блатной песне?**

– Они – везде. Но больше всего (что меня порадовало в открытиях Мити Сухарева) их – в традиции советских песен. В лучших песнях Дунаевского, Блантера, Фельцмана, в стихах Фатьянова. В общем, «На солнечной поляночке...» Моя собственная песня огромным корнем уходит сюда. Например, все мои камчатские песни вышли из советской песни. Из визборовской интонации – тоже, но и она оттуда.

Н.А. Тейтсман.

– Недавно одного хорошего поэта при мне спросили, как он относится к Высоцкому, а он ответил: «Он слишком советский – это для пения ИТР у костра».

– Во-первых, Высоцкого у костра, как ни странно, мало кто поет. Высоцкого, как правило, слушают самого. Вот что интересно. Вроде он такой – из подворотни... А китчевых песен у него почти нет, и хором его поют очень мало.

– **Сколько лет вы уже живете в Израиле, какова ваша «израильская сага»?**

– Ой, я всё думаю, в какой форме эту сагу написать. В первый раз в Израиле я оказался в 1990 году. Это было двухмесячное знакомство... Вообще, я впервые выехал за рубеж в 1988 году, но к тому времени я уже два раза побывал в Париже, два раза в Дании и где-то еще.

Повторяю, в Израиле – в этой экзотической по сравнению с Россией стране – я впервые был два месяца. И уехал оттуда с чувством, что просто побывал в каком-то кусочке России, что в каком-то смысле я не был за рубежом... Знаете, как бы смесь Эстонии с Туркменией! (Смеется. – Т. Б.)

А я к тому времени пожил в Эстонии – три полных летних сезона провел в Пярну и до этого бывал в Прибалтике... А в Туркмении я жил три года своей сознательной жизни – я там заканчивал десятилетку. Потому смесь Европы с Востоком для меня не стала неожиданностью. И на израильские базары я вступал с воспоминанием о туркменских базарах. Короче, израильская экзотика меня не ошеломила. Кроме того, в Израиле было вокруг меня столько русской речи, сколько ее не было ни на каких туркменских базарах.

Уехал оттуда я с чувством, что мог бы спокойно остаться, и даже знал уже, где бы я начал работать... Я пошел бы к Эдику Кузнецову проситься в его газету, и, наверное, он бы меня взял. У меня была абсолютно реальная программа, как я мог бы остаться в Израиле и чем бы я там мог заниматься. Но я совершенно не стремился эту программу задействовать. Тогда я и не думал о том, что я смогу в Израиле остаться жить.

А потом обстоятельства в связи с болезнью моей первой жены Ирины Якир сложились так, что мы переехали в Израиль, она там получила гражданство, а я был при ней... А потом и на меня наехала та же онкология, и она меня задержала в Израиле еще на год – так я прожил в Израиле около двух лет. И оттуда постоянно наезжал в Москву. А теперь я живу в Москве и наезжаю в Израиль.

– Климат, рельеф и, главное, чужой язык, звучащий на улице, – всё это влияет на поэтику русского писателя?

– Нет. На чужом опыте я это не проследил, а на своем говорю категорически: абсолютно нет. Конечно, запас впечатлений пополняется, в жизни появляются новые сюжеты... Правда, я, кроме нескольких песенок, ничего еще об Израиле путного не сочинил. Наверное, это впереди.

– А как с ивритом?

– С ивритом – нет. Никаких отношений. Просто до этого никак не доходят руки. Я там выскочил из-под своей онкологии с ощущением, что каждый год у меня – последний. А к языкам у меня никакой способности нет, и – сидеть полгода учиться? Чтобы в магазине поговорить – хватает моего жалкого английского – на уровне седьмого класса неполной средней школы города Малоярославца.

В Израиле в моем любимом магазине, куда я обычно хожу, половина кассиров – русские. Я к ним обычно и становлюсь. (Смеется. – Т. Б.) А вообще, чтобы закончить эту тему, в Израиле я с самого начала не чувствовал себя за рубежом, а когда я там два года пожил постоянно, эта мысль у меня укоренилась совершенно. Когда я туда еду, у меня ощущение: я возвращаюсь из Москвы, а не еду в гости. А еду из Израиля в Москву – возвращаюсь из Израиля в Москву. Понятно, да?

– Вы – счастливый человек. У вас два возвращения.

– Правда, когда я возвращаюсь в Израиль, они говорят: «Молодец. Приехал в трудную минуту». А когда еду из Израиля, они говорят: «Подлец. Покидаешь нас в трудную минуту».

– В Москве теперь тоже постоянно «трудная минута». Но пошли дальше... Всё в той же мемуарно-художественной книжке есть у вас глава о Викторе Некрасове и Бабьем Яре. И там звучит фраза: «Впоследствии Михайлов навестил Бабий Яр, когда всё-таки там поставили

общенациональную скульптурную группу, – и подивился, как это начальство умудряется даже с помощью интернационализма выразить свой антисемитизм». Поясните.

– Бабий Яр – это катастрофа еврейства. Это в первую очередь часть Холокоста. А они там поставили интернациональный памятник. Чтобы подчеркнуть, что здесь, дескать, «не только евреи». И вместо того чтобы поставить памятник всё же евреям, они поставили памятник разным нациям. То есть: «Не хотим ставить памятник евреям!»

– Откуда в России время от времени это вспыхивающее «Евреи виноваты!»?

– Это касается, наверно, не только России – поиск виноватых вообще и среди евреев в первую очередь. Надо вглядываться в природу антисемитизма вообще. Я так понимаю, что Александр Исаич такого рода изыскание попытался сделать...

– Вы его прочли?

– Нет, я толком не прочел, но еще обязательно доберусь. Традиционный поиск вины... «Есть вина... Часть ее лежит на русском народе, часть на еврейском...» А для меня поиск вины вообще бессмыслен. Надо рассмотреть явление и его корни. А виноватить один народ перед другим не надо. Надо отделять политиков и идеологов от народа. Не русский народ передал китайскому марксизм (это еще давно тот же Солженицын сказал), а идеологи.

Корни русского отношения к евреям, наверно, те же, что корни польского антисемитизма, восточно-европейского антисемитизма... Часто людям хочется искать врага на стороне, чем пользуются политики. Отсюда – фашизм.

Причины нужно искать в истории еврейской диаспоры, голуса... Евреи – народ великой Книги, великой культуры, что всегда отличало его от других народов... Были периоды в истории, когда ислам с иудаизмом вместе противостояли христианству, а сейчас мы видим, что иудаизм вместе с христианством противостоят исламу (или ислам – им). Весы истории – это интереснейшая вещь. А виноватить друг друга глупо.

– Юлик, вы написали ряд независимых и самостоятельных версий (тут и мюзиклы, и ремейки, и вокальные вкрапления в спектакли, и просто пьесы) по мотивам Шекспира и Фонвизина, Островского и Блока, Пушкина, Маяковского и Войновича. Чем вам любезен этот жанр, как происходит выбор первоисточника и каков возможный для вас «угол отклонения»?

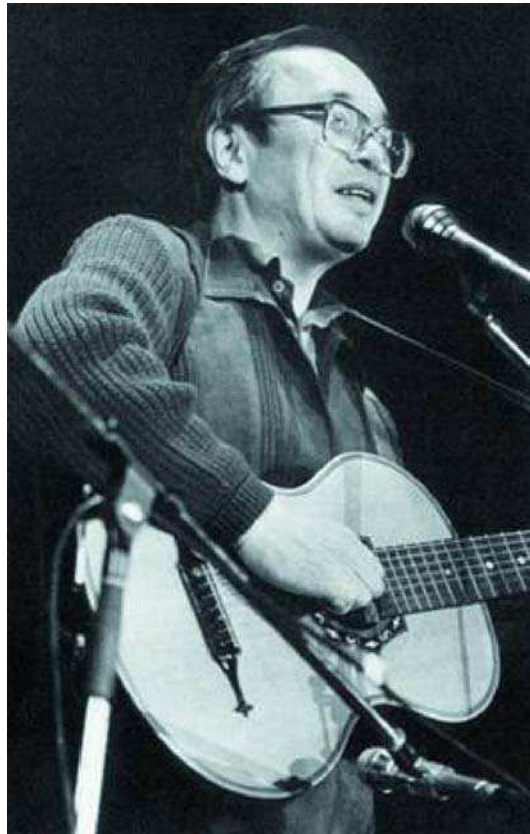
Даже не «угол отклонения», а... Это у вас как цветок на огромном кактусе! Видели когда-нибудь?

– Смешная метафора. (Хочочет. – Т. Б.) Наверно, я не одинок – разработкой чужих сюжетов занимались и Шекспир, и Пушкин. И, конечно, Евгений Львович Шварц, которому я очень многим в этом смысле обязан. Мне одно время было сподручнее – не самому мучиться над сюжетами, а брать уже готовые и насыщать их собственными идеями, характерами... Иными – даже если они носят те же имена.

Оттолкнувшись от Островского, я развил абсолютно свой сюжет. Или взял я недавно Красную Шапочку и пустил ее в самостоятельное путешествие. Всё напридумывал! Так же я поступил и со Спящей Красавицей – в русле Шварца... Еще я взял сюжет у Высоцкого – «Чуду-юду я и так победу...» – появилась моя сказка «Иван-солдат». Такие дела.

А есть вещи ближе к инсценировкам, вроде шекспировского «Как вам это понравится?», но и там я погулял по-своему.

У каждого из этих, чужих-своих, сюжетов есть своя история. «Профессор Фауст» – замысел Дашкевича. «Патруль» по Блоку – замысел Дашкевича. «Бумбараш» (последний вариант – моя самостоятельная разработка) – это по сценарию Митько... «Иван-солдат» – это заказ Театра Советской Армии. Они просили дополнить те огрызки, которые нашлись у Островского просто песенками. Я сказал, что тут надо развивать полностью сюжет, они позволили, я и работал... Да, у каждого сюжета – своя история.

– А в Израиле вы еще никак с театрами не работали?

– Там русских театров очень мало. Единственный театр, который работает и на русском, и на иврите, – это театр Арье «Гешер», то есть «Мост». Но теперь и он работает только на иврите, а на русском идет бегущая строка... И все его последние работы, они ивритоязычные. Понятно почему – русскоязычная публика исчерпывается десятью спектаклями. А куда девать весь остальной Израиль?

Арье мне чрезвычайно симпатичен, я его обложил всей своей драматургией, но пока он у меня ничего не нашел. Кроме того, он придерживается еврейской тематики – последнее время особенно. Правда, он позволил Адольфу Шапиро поставить «Трехгрошовую» – очень хорошо получилось. Сам Арье не очень любит ставить музыкальные спектакли, но было у него одно блистательное исключение – это мгновенно поставленный мюзикл «Мастер и Маргарита». Яркая работа. Этой работой он погасил долги театра и пошел дальше...

– Я знаю, что вы не любите гражданский пафос и считаете, что даже великие поэты остались в культуре не за счет этого пафоса, а вопреки. Правильно я вас поняла?

– В данном случае я исходил скорее из поэзии шестидесятников, которым пафос претил чрезвычайно – и они его всячески снижали... Без пафоса никто прожить не сможет. Без серьезного восторга и без слез не будет ничего. Просто мы выросли на ложном пафосе нашей пропаганды – и всякий открытый пафос стал казаться фальшивым.

В этом смысле показательно творчество Юры Коваля. У меня даже стихи есть: «Он – чистой лирике пролиться не позволит...» Он был сильнейший лирик, и то, что он лирику снабжал антигероическим оттенком, ее усиливало.

– Я вас хотела спросить, кого бы вы назвали своими главными учителями, но из разговора поняла: наверное, Шварца?

– Из литературных учителей, из литературно-театральных? Шварц – безусловно. Но в первую очередь – Петя Фоменко. Юра Коваль. В песенном смысле на меня очень сильно действовал Высоцкий... Лет десять на меня влияла «Вестсайдская история» – я унижался даже до прямых цитат! Конечно, очень большое влияние на меня оказал Давид Самойлов и знакомство с ним.

Таковы важнейшие источники.

– Вы сейчас стихи пишете?

– Это на меня нападает время от времени. Нападет – и пишу. Последнее нападение было довольно-таки давно – в 1995 году. Меня свалил инфаркт, и я провалялся в больнице месяца два. Написал 60 стихотворений, они объединены под рубрикой «Письма Ирине». Я их писал жене, которая каждый день ко мне приходила, – и я к ее приходу сочинял один-два-три стишка... В большинстве своем они напечатаны.

Стихи у меня случаются периодами. А постоянного стихотворного зуда, который я встречал почти у всех знакомых поэтов (так – у Юры Ряшенцева и у Миши Щербакова, и у Самойлова, насколько я понимаю, так было), у меня нет. Не знаю, как у вас?

– У меня тоже – периодами... Но вернемся к вам лично: вы когда стихотворение начинаете, то знаете, как оно кончится?

– Когда как. Если стихотворение малой формы, то оно сразу как-то получается. Но часто я в финале выкручиваю к неожиданным вещам.

– Самый любимый поэт на свете есть?

– Да нет. У меня в изголовье стоят сборнички, куда я ныряю время от времени: Самойлов... Бродский...

– Они разные и друг друга, похоже, не любили.

– Как Иосиф Бродский относился к Давиду Самойлову, я не знаю, а у Самойлова отношение было к Бродскому сложное. Но как-то я спросил Давида: «Кто первый?» И он сказал: «Пожалуй, Бродский». У Давида есть несколько отзывов о Бродском, и особенно интересен такой: «Его невыносимая манера чтения, при этом – единственно возможная для его стихов».

– Да, Бродский читал как пономарь (я дважды слушала его живьем) – и это было значительно...

Юлик, вы так любите играть с чужой цитатой, вы обожаете иронические реминисценции и пародии. Прочла у вас даже: «Когда дело стопорилось, беззастенчиво лез в чужой карман». Вы родство с постмодернистами ощущаете?

– Только в этом. Был у меня приятель Дима Рачков, который тоже занимался автобиографической прозой, так вот он заметил, что охотное цитирование – вообще черта нашего поколения... А может быть, это в принципе черта русского интеллигента? Прочитывать, но с подковырочкой или с обратным знаком. Таким цитированием занимался весь наш Пединститут! И потом – всегда, встречаясь, то к месту, то не к месту. Это было разлито в нашем разговорном быту – сплошь и рядом. Причем в самые дремучие 50-е годы.

– Ваше отличие от постмодернистов в этом плане, как мне кажется, таково: они играют с цитатами холодно и неблагодарно, а вы с нескрываемой благодарностью и любовью...

А вы в театр часто ходите просто так?

– Всю дорогу. Вчера вот был на «Трех сестрах» у Фоменко. Театр сейчас на огромном подъеме. Я не профессионал-театрал – я любитель, но надо быть слепым, чтобы не заметить подъема. Театральное дело у нас со страшной силой расцветает – как яблони и груши. И литературное дело. Много новых талантливых молодых и поэтов, и прозаиков.

– А журналисты? По вашей прозе мне показалось, что у вас все журналисты – дураки и особенно дуры. Они вас достали за жизнь?

– Нет... Когда наступила перестройка, то на вопрос, как вы видите гражданское поприще человека, который хочет положить свою жизнь на алтарь отечества, – я отвечал: есть два таких поприща. Это учительство в школе и честная журналистика, неангажированная. Мне нравятся очерки Славы Измайлова и Анны Политковской в «Новой газете», все чеченские очерки я читаю жадно и с ощущением репортажной правды. Так же я относился и к самому Юре Щекочихину, и к тому, что он писал. Очень меня во время первой чеченской войны волновали репортажи Лены Масюк... В свое время с огромным вниманием читал Телень и Выжutowича. Ира Петровская, Лида Графова, Алла Боссарт... Покойная Лидия Польская... Есть, есть у нас «акулы пера», которых читать очень интересно. Но мне вообще в журналистике важнее этнография и природа и даже не проблемы искусства, а наши гражданские темы, больные. Тут именно проверяются честность и отвага.

– Какой из смертных грехов для вас самый неприемлемый, а какой можно простить?

– Если отвечать всерьез, то желательно подумать. Соображаю... Мне не нравится в человеке злоба, выраженная в комплексе неполноценности и невостребованности. Я знал людей, которые были хороши изначально, талантливы и так далее, но этот самый комплекс неполноценности исказил их до моего полного неприятия.

Они порой становятся несправедливы и в своей несправедливости просто омерзительны. Один из таких людей написал письмо недавно, где говорит: «Меня лютаая ненависть душит». Причем даже не уточняет, к чему и к кому. Потом: «Я понимаю, что она гибельна». И – через точку: «Но это святая ненависть».

Есть недостаток, который затмевает всё.

Это – хамство. Оголтелое хамство, которое в новейшие времена проявилось в изобилии. Его много среди крутых и бритых... Всеми силами я не приемлю скинхедов! Они, как говорят, бредутся, чтобы нельзя было схватить в драке за волосы. Националисты: «Бей черных... Бей евреев... Бей чучмек...»

И не думайте, что дело в том, что я кореец наполовину, просто ненавижу их всей душой, и всё. На первом месте по отрицанию у меня стоит шовинизм.

– А простительные грехи?

– Ну не знаю... Почти все бы простил. (Смеется. – Т. Б.) Даже комплекс неполноценности. Надо друг друга прощать. И на это у меня запаса души хватает, благо я о себе тоже не столь уж высокого мнения.

– А я о вас – высокого. Спасибо, Юлик.

2005. I ñññ

В ИЮНЕ 1967-ГО

Марк Зайчик

Окончание. Начало в [№ 3, 4, 2005](#)

Окончательное решение делает жизнь определеннее, а оттого понятнее.

Военный секретарь премьер-министра Леви Эшколя полковник Исраэл Лиор вернулся домой ночью 5 июня и с наслаждением лег спать, поставив будильник на 6 утра. Проснувшись, он позавтракал с женой, а затем, отправив ее в бомбоубежище, поехал на службу.

5 июня, в понедельник, в 7 часов 45 минут по всему Израилю прозвучала сирена тревоги. Звук ее означал начало войны. 275 тыс. солдат израильской армии, 1093 танка, 203 боевых самолета начали войну против 465 тыс. солдат армий арабских стран, 2750 танков и 602 самолетов. Соотношение сил было не в пользу евреев Израиля и диаспоры.

2 июня израильская армия провела ложный маневр, о котором объявил новый министр обороны Моше Даян: он публично опроверг слухи о скором начале войны. В подтверждение этих слов тысячи мобилизованных солдат получили... внеочередные отпуска и отправились по домам.

В первый день войны главная роль была отведена самолетам ВВС, которые должны были уничтожить аэродромы и самолеты противника на его территории и защитить воздушное пространство Израиля. Согласно оперативному плану, все самолеты ВВС, за исключением 12 истребителей типа «мираж», должны были атаковать аэродромы противника.

Час «шин» (время «ч») назначили на 7.45 утра, потому что именно в эти минуты в египетских ВВС происходила «пересменка»: одни самолеты уже вернулись из патрульных полетов, а их замена еще не вылетела. Пилоты-египтяне в это время находились в столовых, за завтраком... В телеинтервью, данном в 2003 году, глава Моссада Меир Амит рассказал, что агент, внедренный в генералитет египетской армии, передал эти и другие данные (технические, оперативные, погодные) в Израиль.

Вылетевшие в 7 часов 14 минут со своих аэродромов самолеты первой волны не подавали никаких сигналов. Они летели на высоте 70–100 метров. Все радиопереговоры в израильской армии в этот час были запрещены. В первой атакующей волне участвовали 183 боевые машины. В 7 часов 45 минут самолеты израильтян находились над целями. Тогда и прозвучала в стране сирена воздушной тревоги.

Были атакованы 11 аэродромов Египта, уничтожены 189 самолетов, находившихся на взлетных полосах или в ангарах, разбомблены 8 станций раннего предупреждения и радарных установок. Большая часть египетских ВВС была уничтожена еще на земле.

Через полчаса после израильского налета боевые самолеты ВВС Сирии, Иордании и Ирака атаковали несколько объектов на территории Израиля.

Вторая волна израильского воздушного нападения началась в 9 часов 34 минуты. На этот раз были уничтожены 94 египетских самолета, большинство из которых также не успели подняться в воздух. Третья волна воздушной атаки началась в 12 часов 45 минут. Самолеты атаковали аэродромы и базы иорданских и сирийских ВВС, уничтожив 28 иорданских, 53 сирийских, 10 иракских и 2 египетских самолета за время с 14 часов 15 минут до 18 часов. В течение дня Израиль уничтожил 376 самолетов противника, выведя из строя большинство взлетно-посадочных полос в Египте, Сирии и Иордании. Успех израильских ВВС в первый день военных действий предопределил исход войны.

5 июня утром на первой линии фронта, в Синае, находились 7 египетских дивизий, которые были укреплены 900 танками. В 8 утра израильские сухопутные силы начали атаку в северной части Синая и в секторе Газа. В результате тяжелых боев удалось добиться первых успехов и на земле. 84-й корпус генерала Исраэла Таля, 38-й корпус генерала Ариэля Шарона и 31-й корпус генерала Авраама Яффе действовали на севере и западе полуострова. Бронетанковая дивизия генерала Альберта Мендлера – в районе города Эйлат.

В 11 часов 30 минут премьер-министр Леви Эшколь обратился к гражданам страны. Он обвинил Египет в том, что «эта страна навязала нам войну». Эшколь заявил: «Мы отбросим армии врага и разгромим его вооруженные силы».

Общее руководство военными действиями осуществляли Даян и Рабин. Эшколь получал полный отчет о происходящем на фронтах и участвовал в принятии важнейших военных решений, а также решал государственные проблемы, возникавшие в ходе войны. Первоочередная задача заключалась в обеспечении поддержки США и ликвидации возможности вмешательства в конфликт Советского Союза.

Утром 5 июня Эшколь отправил депешу президенту Джонсону. В ней израильский премьер возложил всю ответственность за начало войны на Египет. Эшколь уверил Джонсона в том, что Израиль не намерен просить военной помощи у США. Центральная часть обращения была посвящена СССР. «Я надеюсь, что США приложат максимальные усилия к тому, чтобы Советский Союз не смог использовать настоящий конфликт для его расширения».

Вскоре стало известно, что в ООН, по инициативе СССР, ведутся напряженные переговоры с целью немедленного прекращения боев на Ближнем Востоке. Министр иностранных дел Эвен вылетел в Нью-Йорк для максимальной задержки времени, чтобы ЦАХАЛ смог выполнить поставленные перед ним задачи.

В то же утро выяснилось, что попытки избежать открытия фронта против Иорданского королевства закончились неудачей. Генштаб и правительство Израиля не хотели вести войну на три фронта.

Миротлюбивые заверения были посланы Эшколем королю Иордании Хусейну. Тем не менее в 10 часов утра 5 июня артиллерия иорданской армии начала обстрел Иерусалима и приграничных поселений. Иорданские самолеты бомбили объекты на территории Израиля.

В 11 часов утра Эшколь, при посредничестве представителя ООН, передал письмо королю Иордании Хусейну: «Израиль не будет действовать против иорданской армии до того момента, как эта армия не начнет военных действий и не атакует Израиль».

Но иорданцы продолжали обстрел. Подразделение королевского легиона заняло дворец английского губернатора в Иерусалиме. Через несколько часов дворец и парк вокруг него, а заодно и соседняя деревня Цур-Бахер были отбиты израильтянами.

Вечером Эшколь выступил в кнессете, обстрел которого иорданской артиллерией продолжался. Премьер обрисовал предвоенную ситуацию и угрозу существованию страны, отметил усилия правительства по предотвращению войны: «Несколько недель мы делали всё возможное, чтобы воздействовать на самые значительные политические силы в мире, мы намеревались воспрепятствовать надвигающейся на наши границы войне. Наши надежды не сбылись».

На заседании правительства, собранном в полуподвальном помещении кнессета с ведрами и щетками по углам, министры Менахем Бегин и Игаль Алон заговорили о взятии Восточного Иерусалима.

«Надо взять и Западный берег Иордана, чего мы ждем?» – предложил Бегин. Премьер был «за», но требовал просчитать будущие результаты победы во многих аспектах, прежде всего в политическом. Захват Восточного Иерусалима многое менял в ситуации на Ближнем Востоке. Эшколь хотел объединения Иерусалима, но говорил, что «надо обдумать последствия такой победы».

После этого заседания состоялось еще одно, более узкое, на котором определили порядок военных операций. В заседании участвовали Эшколь, Даян, Эвен, Ядин и другие. «Сначала уничтожаем египетскую армию, потом берем Синай, порт Шарм-аль-Шейх, а затем окружаем и захватываем Восточный Иерусалим» – так была определена очередность действий армии в середине первого дня войны.

Вечером поступило сообщение, что десантники заканчивают захват Шарм-аль-Шейха. После краткого обмена мнениями в Генштабе и в кабинете министров решено было перебросить корпус полковника Моты Гура в район Иерусалима.

Даян доложил премьеру, что танковые и мотострелковые части с тяжелыми боями продвигаются по Синаю на запад, а сектор Газа окружен и в течение нескольких часов будет взят. Становилось очевидно: ЦАХАЛ одерживает сокрушительную и невероятную по своим масштабам победу.

6 июня утром Эшколь собрал в своей канцелярии заседание правительства. Глава кабинета сообщил об успехах армии, достигнутых в первый день войны. Министры были радостно возбуждены. Нашлись и такие, кто не был уверен в точности сообщений с фронтов: всё выглядело слишком непостижимо. Министры безоговорочно выступили за продолжение разгрома армий Иордании и Египта и за то, чтобы использовать создавшуюся обстановку для достижения мирных договоров с арабскими странами.

Мирьям Эшколь свидетельствует: «Эшколь действительно считал, что создается ситуация, при которой возможно достичь мира с соседями. И к этому миру, к реализации новых возможностей необходимо готовиться уже сегодня».

Уже утром второго дня войны нервная, близкая к истерии атмосфера предвоенных правительственных заседаний неузнаваемо изменилась. Военные победы успокоили политиков, министры шутили и улыбались. Однако ситуация на фронтах требовала постоянного контроля – победы требуют твердой руководящей руки.

К моменту заседания правительственной комиссии обороны 6 июня окружение Восточного Иерусалима солдатами десантного корпуса Моты Гура было завершено. Подразделения ожидали правительственного решения и приказа о начале решающего штурма.

Министры Алон и Бегин предложили занять Старый город немедленно. «Это нужно сделать до того, как начнется активное иностранное вмешательство в происходящее с требованием о прекращении огня», – сказал Бегин.

Эшколь не выразил своего мнения, он считал, что в первую очередь необходимо ориентировать армию на победу в Синае. «На иорданском фронте мы воюем, зная, что в любом случае нам придется уйти и из Иерусалима и с Западного берега Иордана», – считал Леви Эшколь. Он принимал в расчет вопрос демографии: на этих территориях проживало более миллиона арабов.

Но глава правительства не ставил знака равенства между 60 тысячами жителей Восточного Иерусалима и миллионом жителей Западного берега. В конце концов было принято предложение министра обороны Даяна о захвате Джанина, Шхема, Бейт Лехема. Решение о штурме Старого города принято не было из опасений увязнуть в кровопролитных уличных боях до того, как весь Синай будет захвачен израильтянами. Вместе с тем Даян получил от правительства право отдать армии приказ войти в Восточный Иерусалим, если развитие событий позволит сделать это.

7 и 8 июня армия Израиля продвигалась вперед, тяжелейшие бои на фронтах с Египтом и Иорданией не прекращались.

На экстренном заседании Совета Безопасности ООН в Нью-Йорке, после отчаянных обращений Египта, было принято решение о прекращении войны на Ближнем Востоке 7 июня к 22 часам. Таким образом, армия вела борьбу не только с противником, но и со временем, пытаясь выполнить поставленные задачи.

7 июня израильтяне захватили Шарм-аль-Шейх, Синайский полуостров и сектор Газа.

В боях на Южном фронте израильтяне потеряли убитыми 388 солдат и офицеров. Египтяне потеряли 15 тыс. солдат убитыми и 50 тыс. ранеными. В плен попали 4230 египетских солдат. Еще 15 тыс. египтян после перемирия было разрешено вернуться домой. «Идите через канал и живите тихо», – сказал им израильский офицер в чине майора танковых войск. Они и пошли.

6 июня в 4 часа утра, услышав по радио резолюцию Совета Безопасности ООН о прекращении огня к 22 часам следующего дня, Менахем Бегин ночью приехал в дом главы правительства. Разбудив Эшколя, Бегин потребовал приказа о немедленной атаке на Восточный Иерусалим. Эшколь предложил поговорить на эту тему с Даяном. После беседы настойчивого Бегина с министром обороны и телефонного разговора последнего с премьером было принято окончательное решение.

Несколько слов об иорданской армии и об иорданском фронте. На этом участке боевая тревога была объявлена уже 15 мая 1967 года. Армия Иорданского королевства была самой маленькой, самой боеспособной и обученной из всех арабских армий. С 23 мая эта армия находилась в состоянии боеготовности номер один. 3 июня в Иорданию были переброшены два египетских десантных полка, задачу которых в Каире определили так: атака израильских аэродромов и уничтожение самолетов на взлетных полосах и в ангарах. Командующим иорданских войск был назначен египетский генерал.

Значительный участок границы, длиной 7 километров, разделявший Израиль и Иорданию, проходил через Иерусалим. Центральным военным округом израильской армии командовал генерал Узи Наркис.

7 июня в 6 часов 15 минут министр обороны Моше Даян отдал приказ начальнику Генштаба Ицхаку Рабину о начале атаки на Восточный Иерусалим. В 8 часов 30 минут «фантомы» израильских ВВС начали бомбардировку позиций иорданцев на подступах к Старому городу.

Десантники Моты Гура начали штурм 7 июня в 9 часов 30 минут со взятия Львиных ворот. Соппротивление иорданского легиона в Восточном Иерусалиме было не слишком ожесточенным, хотя бои от дома к дому, от окна к окну в узких улицах древнего города продолжались до вечера. В северной части столицы самые серьезные бои проходили в районе Оружейного холма, где израильтяне дрались с иорданской гвардией за каждый метр земли.

Министр обороны Моше Даян и начальник Генштаба Ицхак Рабин приехали в Старый город и пешком прошли по пути прорыва десантников. У Западной стены Иерусалимского храма утром, в 10 часов 30 минут, состоялась церемония, которую транслировала радиостанция «Коль Израэль». Командир первой роты 71-го десантного полка Йорам Замуш поднял флаг Израиля над Стеной Плача. Главный раввин ЦАХАЛа генерал Шломо Горен протрубил в шофар и произнес молитву «шеэхияну». Солдаты 71-го, 28-го и 66-го десантных полков, столпившиеся в узком переулке возле Стены (на этом месте еще не было площади), произнесли «Омейн». Эта церемония стала кульминационным моментом еще не завершенной войны. В уличных боях за Старый город, в сводках названных «не слишком ожесточенными», в то июньское утро погибло более 180 солдат израильской армии.

7 июня на заседании министерской комиссии по обороне глава правительства предложил атаковать и захватить район Баниас на севере страны. Были и те, кто предлагал занять сирийскую часть Голанских высот, откуда обстреливались еврейские поселения. Большинство же членов кабинета возражали, опасаясь осложнений и без того непростых отношений с СССР, ведь Советский Союз прислал Эшколю резкое предупреждение. После недолгой дискуссии министры, учитывая весьма агрессивное послание советской стороны, приняли решение о том, что операция ЦАХАЛа не выйдет за пределы международных границ государства.

На другой день в канцелярию Эшколя позвонил представитель поселений в Восточной Галилее и рассказал, что сирийцы безостановочно обстреливают еврейские населенные пункты. Он просил главу правительства занять сирийскую часть Голан и спасти жителей от непрекращающегося кошмара. В тот же день в канцелярию Эшколя пришла делегация из Галилеи с требованием нанести удар по сирийским позициям и избавить поселенцев от артобстрела.

Эшколь поддержал начальника Генштаба Ицхака Рабина и командующего Северным военным округом Давида Элиазара. Оба генерала были убеждены, что необходимо немедленно занять Голанские высоты. И Рабин, и Элиазар считали, что нет смысла начинать тяжелейшую воинскую операцию лишь для того, чтобы освободить территорию до международной границы: «Стоит пойти дальше, в глубь сирийской части Голан, и освободить жителей Галилеи от артиллерийских обстрелов».

8 июня в 19 часов Эшколь собрал министерскую комиссию по обороне для обсуждения ситуации на сирийском фронте. В порядке исключения премьер пригласил на заседание поселенцев-северян, которые рассказали о том, как они живут под сирийскими снарядами и повторили свои требования. Начальник Генштаба Ицхак Рабин разъяснил министрам, что в результате стремительного наступления и почти завершившихся боев на других фронтах есть возможность перебросить подразделения на север и занять Голанские высоты.

– Быстротечная операция реальна и вполне осуществима, – заявил начальник Генштаба.

Эшколь поддержал позицию армии, но потребовал выждать день-два и связать начало операции с поведением сирийцев. Министры Алон, Бегин и Галили поддержали немедленное начало боевых действий. Были и такие члены кабинета, кто возражал, считая неправильным ухудшение отношений с СССР в последние дни столь успешной войны. Решающим оказался голос Даяна, резко высказавшегося против открытия нового фронта.

– Я возражаю против операции на Голанах по причинам политическим и военным, – сказал министр обороны.

Резкий спор между Эшколем и Даяном вспыхнул после того, как министр обороны предложил передвинуть еврейские поселения на несколько километров к западу от границы и вывести их из зоны артобстрела сирийских войск.

– Это намного проще, чем увязнуть в опасной ситуации передвижения государственной границы к востоку, – сказал Даян.

– Большой победы сирийцам и не надо! – в гневе ответил Эшколь.

Было принято решение отложить обсуждение вопроса на один-два дня.

Генерал-лейтенанту Ицхаку Рабину было поручено представить оперативный план захвата высот на утверждение министерской комиссии по обороне.

На другой день, 9 июня, в 7 часов утра военный секретарь доложил Эшколю, что Моше Даян отдал приказ генералу Элиазару начать операцию по захвату Голан, и эта операция уже идет.

Эшколь был потрясен и разгневан.

А было это так. В 6 часов утра командующего Северным военным округом генерала Давида Элиазара разбудил телефонный звонок министра обороны.

– Дадо, ты можешь атаковать сейчас? – спросил Даян.

– Могу, и немедленно, – азартно ответил Элиазар.

– Атакуй! – сказал Даян.

После этого министр обороны попросил своего секретаря связаться с канцелярией премьер-министра. Полковник Лиор вспоминал, что не мог поверить тому, что услышал, ведь только вчера Даян резко возражал против этой операции!..

Итак, Эшколь был потрясен не меньше, хотя сам выступал за освобождение Голан от сирийцев.

– Чтобы я сейчас отменил его приказ? Это бессмысленно. Если он думает, что может делать всё, что угодно, то пусть делает, – решил Эшколь.

В 9 часов 30 минут министерская комиссия по обороне собралась на заседание в обстановке напряженной и тяжелой. Даян выступил с объяснением произошедшего. Выяснилось, что ночью служба перехвата военной разведки ЦАХАЛа приняла сообщение, посланное президентом Египта своему сирийскому коллеге. В послании Насера говорилось, что Египет готов принять условия прекращения огня и просит Сирию немедленно сообщить ООН о готовности присоединиться к остановке войны.

– Получив расшифровку текста послания, я отдал приказ генералу Давиду Элиазару о начале операции по захвату Голанских высот, – сказал Даян спокойным голосом. – В журнале дежурного Северного фронта есть час получения нашим радиоперехватом этой депеши – три часа десять минут утра.

К полудню 9 июня израильская армия завершила захват всей территории Синайского полуострова.

Операция по захвату Голанских высот столкнулась с большими трудностями. Израильтяне начали атаку в северной части возвышенности. Сопrotивление сирийских войск было ожесточенным, а сложнейший рельеф местности отнюдь не способствовал израильскому наступлению.

В 9 часов 40 минут самолеты израильских ВВС, высвободившиеся на Южном фронте, совершили десятки боевых вылетов на позиции сирийской армии. Между прочим, в некоторых вылетах израильтяне пользовались ракетами «воздух–земля» советского производства, захваченными у египтян. Наземные бои были очень тяжелыми. Тем не менее израильтяне упорно продвигались вперед.

В течение всего дня 9 июня руководство страны прибегало к различным маневрам, чтобы избежать неоднократно повторяемых требований о прекращении огня. Решение о прекращении огня было принято Советом Безопасности ООН, созданным по просьбе Сирии и Египта.

Мирьям Эшколь вспоминает, что в телефонном разговоре она сообщала мужу, находившемуся на севере, о настойчивых звонках ооновских чиновников, срочно его разыскивавших.

– Я плохо тебя слышу и не понимаю, о чем ты говоришь, – отвечал ей Эшколь.

– Тебе всё время звонят... – говорила Мирьям.

– Я не слышу и не понимаю.

Тогда, в июне, Израиль хотел покончить с войнами раз и навсегда и судорожно торопился достичь этой цели.

К вечеру 9 июня в Иерусалиме стало ясно, что вряд ли Израиллю удастся протянуть время военных действий позже завтрашнего утра: договор о прекращении огня должен будет вступить в силу согласно решению Совета Безопасности ООН. К тому времени ЦАХАЛ не успеет занять южную часть Голанских высот. Эшколь же настойчиво требовал и от коллег по правительству, и от Генштаба успешного завершения операции.

– Мы должны освободить поселения иорданской долины от сирийской угрозы, – повторял глава правительства.

В 20 часов вечера Эшколь собрал в своей канцелярии очередное заседание кабинета министров, на котором было принято решение разрешить армии продолжать операцию до полудня 10 июня. Подразделения Северного округа должны были успеть до вступления в силу прекращения огня создать задел, которого будет достаточно для прикрытия израильских поселений. По всей линии фронта шли тяжелейшие бои.

Сирийские войска сопротивлялись ожесточенно, тормозя атаку израильтян, продвигавшихся на юг и север. Времени на завершение наступления у генерала Элиазара почти не оставалось. На утреннем незапланированном заседании, в котором участвовали Эшколь, Даян, Вейцман, Элиазар и Бар-Лев, премьер-министр задал присутствовавшим вопрос: «Как Израиль может использовать отступление сирийцев?» «Мы должны действовать очень быстро, Дадо, – сказал он командующему Северным округом генералу Элиазару, – на нас давит Совет Безопасности ООН».

На Эшколя оказывали давление и члены правительства, которые изначально были против атаки на Северном фронте. Крайняя напряженность в отношениях с СССР и США еще больше осложняла позиции Эшколя.

– Когда вы сможете завершить операцию? – спросил Элиазара министр обороны.

– Мы выйдем на рубежи в четыре часа дня, – сказал Дадо Элиазар, рослый красавец, уроженец города Сараево. Он умрет после войны Судного дня от разрыва сердца в возрасте 51 года.

– Если ты говоришь «в четыре», то это может быть и в пять, и в шесть, – заметил Эшколь.

– Господин премьер! – сказал генерал. – Если я говорю «четыре часа», то имею в виду два или три часа дня.

– В два всё закончить. После двух часов не проси у меня поддержки авиации, – сказал Даян. Элиазар кивнул.

Город Кунейтра был взят израильтянами в 12 часов 30 минут.

Элиазар попросил у Рабина разрешения на осуществление оперативного плана «Гарзен», разработанного в Генштабе в 1964 году и подразумевавшего взятие Дамаска. Рабин категорически отказал: «Эта задача перед нами не поставлена».

В 11 часов 45 минут президент Асад сделал сообщение по сирийскому радио: «Наши храбрые солдаты всё еще сражаются в Кунейтре, они не позволяют врагу взять этот город. Сегодняшняя наша победа в Кунейтре означает завтрашнюю победу в Тель-Авиве».

Даян встретился с представителем ООН генералом Булем в 15 часов, на час позже намеченного срока. Именно в эти часы глава Госдепартамента США Дин Раск настойчиво требовал от министра иностранных дел Эвена и представителя Израиля в ООН Хармана немедленного выполнения решений Совета Безопасности о прекращении огня. В 5 часов утра 10 июня генеральный секретарь ООН сообщил Совету Безопасности, что не может получить достоверных сведений о происходящем на севере Израиля. Новый срок начала заседания Совета Безопасности был назначен на 16 часов 30 минут. Именно эта отсрочка позволила войскам Северного округа выполнить поставленные перед ними задачи.

Генштаб сирийской армии принял решение прекратить оборону Голанских высот и сосредоточить усилия на защите Дамаска. В течение 10 июня ЦАХАЛ завершил захват всей сирийской части Голанских высот и продвинулся на 20 километров в глубину территории противника. Паника, охватившая арабские страны, их население, их политическое и армейское руководство, по свидетельствам западных журналистов и наблюдателей, не поддавалась описанию.

В ответ на захват израильской армией Голанских высот правительство СССР 10 июня объявило о разрыве дипломатических отношений с Израилем.

Министр иностранных дел Израиля принял посла СССР Чувакина по его срочной просьбе. Советский дипломат был взволнован, говорил быстро и громко. Дрожавшим голосом он сказал следующее:

«В свете продолжающейся агрессии Израиля против арабских стран и в свете грубейших нарушений вашей страной решений Совета Безопасности ООН правительство СССР решило разорвать дипломатические отношения с Израилем».

Эвен предполагал услышать нечто подобное из уст советского дипломата, но готового ответа на эти слова у него не было. Он сказал: «Да, между нашими странами есть глубокие и тяжелейшие разногласия по важным вопросам, но именно вследствие этих противоречий следует, по-моему, углублять и укреплять отношения, а не прекращать их. Если бы между нами существовала полная гармония, то мы бы устраивали приемы с коктейлями и довольствовались этим, господин Чувахин».

Посол понизил тон: «То, что ваше превосходительство говорит, имеет смысл и содержит рациональное зерно, но я послан сюда не для того, чтобы обсуждать рациональность того или иного официального заявления. Я прибыл сюда для того, чтобы объявить вам о разрыве дипотношений между нашими странами». И на этих словах советский посол, человек, не склонный к сантиментам, к потрясению израильского министра, воспитанного в поведенческих рамках англо-саксонской школы, заплакал, как донельзя расстроенный мальчик...

После возвращения в Москву Чувахин был изгнан из советского МИДа, в сердцах признанный одним из виновников арабского разгрома... Вслед за Москвой дипотношения с Израилем прервали и остальные социалистические государства Восточной Европы, за исключением Румынии.

10 июня в 18 часов 30 минут Сирия согласилась на прекращение огня. На этом война 1967 года, известная в новейшей истории как Шестидневная, завершилась.

Во время военных действий в Израиле погибли 689 солдат и гражданских лиц, большинство из них – во время ведения боевых действий в Иерусалиме. Ранено было в еврейском государстве 2563 человека. Арабские страны потеряли 16 тыс. солдат погибшими, тысячи солдат были ранены, 5 тыс. пропали без вести. Десятки тысяч пленных арабов израильтяне через короткое время отправили на родину. Сотни арабских танков и самолетов советского производства были захвачены в качестве трофеев.

Израиль занял территорию площадью 110 тыс. квадратных километров, что утроило (!) его первоначальные размеры. Он одержал безоговорочную, блистательную победу над противником и остался один на один с результатами этой войны – «в состоянии эйфории и известной тревоги», по словам одного из политиков.

Ближний Восток вступил в послевоенную эру в новой реальности, и политической, и военной. Сдержанность, проявленная во время томительных недель выжидания, и одержанная менее чем за неделю удивительная победа невероятно укрепили авторитет Израиля на международной арене. Связь с евреями диаспоры стала более прочной.

Генерал-лейтенант Ицхак Рабин удостоился особой чести дать название прошедшей войне. Из всех возможных определений Рабин выбрал на первый взгляд наименее яркое: «шестидневная». По воспоминаниям участников, обсуждались и другие названия, выразительные и значительные одновременно:

«Война освобождения», «Дерзкая война», «Война света». Но Рабин, человек сдержанный и немногословный, выбрал название «Шестидневная».

Я ИЗ 2-Й УДАРНОЙ

Меер Кугелов

Приказ отличался лаконичностью и туго доходил до сознания. Звучал он примерно так: получить сухой паек на двое суток, максимально запастись боеприпасами и в 2 часа 30 минут (естественно, ночи) десантироваться на «лаптях» (на фронтовом сленге старинная обувь обозначала танки). С помощью танков предполагалось прорвать передний край обороны противника и помочь медсанбату выйти из окружения.

Заканчивалось краткое выступление нашего комбата тем, что фрицы не готовы к отражению танковой атаки. Как это было принято на переднем крае, к слову «фриц» добавлялась целая тирада, большую часть которой составляли выражения, в наше время именуемые ненормативной лексикой.

Почти месяц на сравнительно небольшом участке между деревнями Мясной Бор, Спаская Полисть, Любино Поле и железнодорожной веткой Чудово – Новгород шли ожесточенные бои. Сотни тысяч бойцов 2-й ударной армии Волховского фронта пытались вырваться из окружения на Большую Землю. Истощенные воины, еще в зимнем обмундировании, без единого патрона к винтовкам, предпочитали смерть в бою позорному плену.

Автор этих строк в звании младшего лейтенанта командовал взводом во втором батальоне 1242-го стрелкового полка 374-й дивизии. Наше соединение входило в состав 2-й ударной и практически не попало в окружение. Не считаясь с потерями, мы оказывали помощь в спасении окруженцев.

Танки выползли из тумана, когда совсем рассвело. До этого никто из наших бойцов не встречался с грохочущей броней. Лесисто-болотистая местность Новгородской области не подходила для танковых атак. Немцы открыли по машинам ураганный артиллерийско-минометный огонь. В грохоте взрывов пехота облепила железные чудовища со всех сторон. На танке, где я разместился со взводом, находился и наш комбат – старший лейтенант. Машина дернулась, несколько человек, нечаянно или сознательно, брякнулись на землю. При сильной тряске я сподобился стукнуться о башню. Сломал зуб, из разбитой губы обильно потекла кровь. Занятый своими переживаниями, не заметил, откуда появились самолеты с крестами на крыльях. Началась бомбежка, от поднятой в воздух пыли скрылось из глаз солнце. Передний край мы проскочили практически без потерь. При нулевой видимости машина попала в какой-то котлован, где прежде, должно быть, добывали песок, а затем он увеличился от взрыва авиабомбы.

В яме нашли укрытие несколько десятков раненых солдат обеих воюющих армий. Когда передний край представлял собой многослойный пирог, такое сообщество было в порядке вещей.

При энергичном маневрировании гусеницы растерзали увечных воинов и зарылись в песок по самое днище. Не успели опомниться – со всех сторон появились серые немецкие мундиры. Выручили танкисты. Пушки слегка возвышались над землей, снаряды рвались на небольшом расстоянии, осколки долетали и до нашего расположения. Несколько залпов сбили спесь фрицев.

Комбат стал энергично готовиться к обороне. Нашелся тяжелый немецкий пулемет с большим количеством патронов.

– Сможешь? – обратился ко мне старший лейтенант.

– Пробовал!

Взвод занял оборону на самом уязвимом участке. Три солдата из вчерашнего пополнения совсем пали духом. Молодой парнишка упал на колени и стал неистово креститься. Как ягнята при виде злой собаки прячутся около матки, так и новички ни на шаг не отходили от меня.

Атаки следовали одна за другой. Полетели гранаты. Сержант моего взвода отличился в точности и дальности метания. Во время коротких передышек собирали по частям раздавленные тела и в дальнем углу предавали их земле. Погибли и трое наших. Первые трое...

К полудню солнце припекло, начала мучить жажда. Стекланные фляжки не выдержали единоборства с броней. Стали копать колодец. Показалась вода с кровавыми сгустками. Терпели-терпели, сняли с убитого обмотки (суконная лента, заменяющая голенища сапог). С помощью такого примитивного фильтра утоляли жажду.

Ленинградские белые ночи бывают и в новгородских землях. К двум часам уже стемнело. Ползком нам доставили пищу, несколько сотен винтовочных патронов. Не успели поужинать – в тылу у немцев послышалась стрельба. Еще одна группа шла на прорыв. Десятка два солдат заскочили в наш котлован. Их тут же отправили в тыл.

Перед нашим взором простиралась огромная поляна, виднелись рельсы узкоколейки. Сама деревня Мясной Бор не просматривалась. Я долгие годы думал, что Мясным Бором солдаты называли деревню из-за громадных людских потерь. Оказывается, это было ее настоящее название.

Дней через пять-шесть осталось нас всего 11 человек – 4 танкиста и 7 пехотинцев. Ночью к нам пробился комиссар полка с десятью рядовыми. Перевели дух, немного воспряли. Шальной осколок угодил в ящик с сигнальными ракетами, который почему-то был укреплен на броне танка. Три человека погибли мучительной смертью. Остальные поволокли тех, кого лишь ранили. Комиссар остался с нами, двое суток тренировал нас в стрельбе.

Гора трупов на поляне всё росла. Жарища, страшная вонь. А войска шли на верную гибель. Каким чудом дано мне было уцелеть в этом аду, одному Всевышнему известно. Хотя за помощью к Нему я ни разу не обратился.

Когда наши солдаты истекали кровью, когда ленинградцы тысячами уходили из жизни, немецкие войска усилили пропаганду. Листовки, некоторые на глянцевого бумаге, с прекрасными по качеству клише, устилали каждый клочок земли. Почти на всех имелась фотография мужчины средних лет в очках с толстыми линзами. Это был генерал-лейтенант Власов, бывший командующий 2-й ударной армии. Какими бы мотивами ни объяснял генерал причины своего предательства, в наших глазах он всё равно останется подлым, презренным человеком.

Возможно, он действительно нейтрально относился к евреям. Возможно, он ненавидел Сталина. Но тот вред, который он принес Советской армии и всему народу, не может искупить ничто. Ошибается уважаемый журнал в статье о Власове, что его войска не принимали участия в боях против Красной Армии. Под Псковом собственными глазами видел триколоры, обозначающие передний край РОА (Русская освободительная армия). Мне встречались десятки трупов в форме РОА. Мне пришлось разговаривать со многими пленными. Солдаты РОА находились между молотом и наковальней. Многие, возможно большинство, не желали служить немцам. Но советские солдаты власовцев в плен не брали, расправлялись с ними тут же. Велика была ненависть к предателям.

Эпопея наша длилась дней двадцать. Кто мог – вышел из окружения; подавляющее большинство бойцов пало смертью храбрых. По данным новгородских поисковиков, и по сей день в Солдатской Долине Смерти (так народ окрестил место, где армия выходила из окружения), не преданы земле около 300 тыс. бойцов и командиров.

Нашу обескровленную дивизию сменило новое соединение. Мне приказали явиться в штаб полка. К этому времени немцы укрепили свой передний край, отошли на более удобные позиции. Командир сменяемого батальона посоветовал мне проползти метров триста, а там уже прокопали траншею. На меня нашло какое-то безразличие. Вспомнив известное нецензурное выражение (один, мол, черт), поднялся во весь свой немалый рост. В пистолете (фронтвики носили его за поясом) находился всего один патрон – на крайний случай, чтоб не оказаться в плену.

В траншее на оборванного командира, потерявшего «кубик» петлицы, обратили внимание. Я услышал шепот: «Это лейтенант из танка». Взвод солдат без команды встал по стойке «смирно».

Нашу дивизию пополнили людьми, новым вооружением. Корреспондент дивизионки принес мне номер газеты «За разгром врага» – не то армейское издание, не то фронтовое. Там был опубликован очерк о нашем гарнизоне, указывалась и моя фамилия, но перепутали марку пулемета. Последнее меня очень обидело.

Где-то в конце августа того же 1942 года имела место еще одна попытка прорвать ленинградскую блокаду в районе Синявино. Обновленное командование 2-й ударной повторило ошибку своих предшественников. Продвинулись вперед, не обеспечив фланги. Из окружения я выходил израненный, но всё-таки этот прорыв был удачнее предыдущего.

Воины Ленинградского и Волховского фронтов никогда не забудут освобождение жителей города на Неве.

В честь этого события учредили медаль «За оборону Ленинграда». Все с нетерпением ждали ее вручения. В число первых награжденных в нашей дивизии (их было 90) попал и я. А затем поступил приказ: личному составу 2-й ударной медали не положены.

Сколько мои товарищи по оружию ни жаловались после войны, приказ не отменили.

ЕВРЕИ И КАПИТАЛИЗМ

Ирма Фадеева

Окончание. Начало в № 4, 2005

Развитие капитализма предполагает наличие прочных связей, необходимых опорных пунктов во многих странах мира. Такая сеть на протяжении столетий у еврейских торговцев существовала повсеместно. Они умели связывать воедино торговлю разных государств и континентов. Имела значение также их необычайная восприимчивость и приспособляемость к чужой культурной среде. Неслучаен вклад в теорию капитализма двух таких экономистов, как Давид Рикардо и Карл Маркс.

Для становления новой системы необходимы были и устойчивые политические, культурные, семейные, религиозные отношения между отдельными людьми и организациями. Капиталистическая банковская система развивалась постепенно и двумя путями. С одной стороны, путем приспособления традиционных банкиров – менял и ростовщиков, которыми были отнюдь не только евреи, к новым условиям, то есть путем превращения мелких контор в банкирские фирмы, обслуживавшие капиталистическое производство в качестве посредников в платежах и кредите.

І. А. Діорсєєв і А. Ааріт-Еаїтєїтєє.

1859 ȳȳ

С другой стороны, шло формирование банковских ассоциаций в виде акционерных предприятий, которые в дальнейшем стали наиболее многочисленными. В эти процессы внесли свой вклад многие страны и народы, евреи тоже, но протекали они в разных странах с разной скоростью и успехом.

В Германии, например, в силу ее раздробленности, до 1873 года отсутствовала единая денежная система, что делало необходимым существование меняльного промысла, которым, конечно, занимались и евреи.

Что касается фантастических еврейских капиталов, то подавляющая их часть была создана в первую очередь трудом и терпением, а уже во вторую – удачным стечением обстоятельств, ловкостью или другими, менее почтенными способами. Вполне честным путем, кстати говоря, была создана крупнейшая в мире финансовая империя Ротшильдов.

Ее основатель Майер Ансельм Ротшильд родился в 1743 году во Франкфурте-на-Майне в бедной еврейской семье. Мальчик рано осиротел и был отдан в еврейскую школу в Фюрте. Там заметили его способности и решили, что, выучившись, он сможет стать раввином. Но Майер Ансельм, закончив школу, вернулся во Франкфурт и занялся коммерцией, к которой имел явную склонность. Переехав в Ганновер, юноша поступил на службу в банкирскую контору, где основательно изучил тонкости профессии. В 1780 году он вернулся в родной город, где открыл на Юденгассе небольшую лавку. Удачной оказалась его женитьба на девице Шнаппер. Жена помогала мужу во всех начинаниях. Сама она продавала в лавке подержанные вещи; Майер же торговал вразнос в городе и окрестностях. Впрочем, по другим данным, он открыл меняльную лавку.

Несколько лет неустанных усилий и умения ладить с людьми дали неплохой результат, вознаградивший семью за былые лишения. Весьма оборотистый, но при этом невероятно пунктуальный при выполнении взятых на себя обязательств, Ротшильд большое значение придавал своей личной репутации. К его посредническим услугам охотно прибегали оптовые торговцы трикотажем во Франкфурте, Майнце и Дармштадте. Известный в их кругах еврей подчас выполнял деликатные и важные поручения – и неизменно с безукоризненной честностью.

Имея незапятнанное имя, в годы Французской революции Ротшильд всё еще занимался малозначительными торговыми операциями, но стремительно развивавшиеся события в Европе вскоре вынесли его в первые ряды представителей крупного европейского капитала.

20 апреля 1792 года Франция объявила войну Австрии. К Австрии присоединилась Пруссия, ее союзница. Первоначальные успехи антифранцузской коалиции довольно скоро сменились поражениями. Французская армия очистила от коалиционных войск собственную территорию и перешла в наступление. 6 ноября 1792 года она одержала победу при Жемаппе. В войну против революционной Франции вступила Англия. В июне 1794 года, после битвы при Флерюсе, французы захватили территорию Бельгии, Голландии и Рейнской области разом. Германские князья не очень-то хотели воевать с республиканской Францией. Эти владетельные герцоги и маркграфы, боявшиеся даже незначительных военных столкновений, мечтали лишь о том, чтобы скорее убраться за Эльбу.

А. М. Ротшильд, старший сын М. А. Ротшильда.

1836 год.

Бросив своих подданных на произвол захватчиков, знатные беглецы в панике всё же успели прихватить с собой золото и другие ценности. Среди беглецов был курфюрст Гессен-Кассельский, обладавший большим состоянием, чем остальные властители Германской конфедерации, вместе взятые. При всем желании он не смог бы в короткий срок вывезти целиком свои сокровища, а потому решил часть из них отдать на хранение доверенным лицам.

Вильгельм Гессен-Кассельский был страстным коллекционером антиквариата. Старинные изделия много лет собирал и Ротшильд. Последний преподнес принцу дорогой подарок и вскоре стал поставщиком его двора. В трудное время уже хорошо знакомый курфюрсту еврей-финансист оказался в числе его доверенных лиц.

После военных действий, которые вели теперь наполеоновские войска, и разгрома нескольких антифранцузских коалиций Пруссия по Тильзитскому миру (1807) потеряла треть своей территории и была вынуждена выплатить Франции огромную контрибуцию. Курфюрст Гессен-Кассельский в начале войны передал на хранение Ротшильду 2 млн флоринов. Когда он вернулся, выяснилось, что из этой суммы не пропал ни один грош. Деньги свои курфюрст получил даже с процентами, поскольку деятельный финансист не сидел сложа руки. От операций с крупными суммами он и сам немало приобрел. Владелец большого состояния, Ротшильд стал теперь известен в европейских кругах как надежный банкир. Этому способствовал и его весьма свободный взгляд на политику. Ему было безразлично, с кем иметь дело в национальном, конфессиональном или государственном смысле. На первом плане были бизнес и деловая репутация. Его честность и обязательность распространялись на всех, кто нуждался в его услугах. Равно безразличен был Ротшильд и к политическим пристрастиям своих партнеров. Он занимался поставками в армию Наполеона и предоставлял денежные ссуды воевавшим с ним европейским правительствам. В 1802 году он заключил с датским правительством свой первый крупный договор о займе на 10 млн талеров.

Майер Ансельм Ротшильд давал деньги в долг Англии и России; давал и владельцам небольших княжеств. Таким способом он прокладывал путь наднациональным корпорациям, которые впоследствии стали мишенью для ненависти националистов всех мастей, в том числе и гитлеровских нацистов. В наши дни корпорации подобного рода подвергаются яростным атакам антиглобалистов.

Евреи охотно включались в конкурентную борьбу в столь хорошо им знакомой торговой-финансовой сфере, но действовали и могли действовать лишь в рамках того мироустройства, с каким их свела жизнь. При всем старании, при всем знании предмета они были бессильны пробить брешь в системе принципов, на которых зиждились некоторые человеческие сообщества. Это делается особенно очевидным при сопоставлении достижений евреев в западных и восточных государствах. В мусульманских странах путь капитализму, уже шагавшему по Европе, упрямо перекрывался и религиозными догматами, и другими способами, связанными со спецификой местного бытия.

Коран строго запрещает ростовщичество, взимание ссудного процента. Вот лишь два примера: «Аллах разрешил торговлю и запретил рост» (Сура II, 276); «Уничтожает Аллах рост и выращивает милостью» (Сура II, 277)... Позднее некоторые мусульманские купцы пытались обойти этот запрет, прибегая к различным ухищрениям. Сделка оформлялась без упоминания на бумаге оговоренного процента и выглядела формально беспроцентной; бывало, путем проведения дополнительных торговых операций (например, перепродажи) ссудный процент – по-арабски *риба* – изображали как торговую прибыль. Средневековые богословы даже делили процент на законный (*риба аль-фадль*) и незаконный (*риба ан-насия*). Правда, далеко не все мусульмане признавали легитимность такой дифференциации.

Запрет на ссудный процент стал тормозом для функционирования кредитно-финансовых учреждений на мусульманском Востоке.

В Османской империи, созданной силой оружия, торговля и денежные операции не были престижными занятиями, что неизбежно вело экономику и само государство к упадку.

Турки-османы, вчерашние кочевники, первоначально строили государство на завоеванных территориях как государство даннического типа. Торговля, ремесла, денежные операции долгое время находились в руках этно-религиозных меньшинств: греков, армян, евреев.

І. І. Діорсієвіч, іаєі єснїї іаєі І. А. Діорсієвіч

. 1825 аа

В силу своей, по преимуществу военной, ориентации правящая верхушка османского государства ограничивалась сборами с транзитной торговли – с купцов, проходивших туда и обратно через османскую территорию. Таможенные пошлины пополняли султанскую казну, увеличивали доходы наместников провинций (эйялетов), но мало содействовали активизации османского купечества. Даже среди тех, кто выполнял посреднические функции, основная роль принадлежала не туркам. Купцы-посредники обеспечивали предметами роскоши османскую правящую верхушку, потреблявшую в большом количестве шелковые ткани, пряности, благовония, жемчуг, драгоценные камни, китайский фарфор. Поскольку турки были в основном покупателями, то результатом торговых операций стал непрерывный отток золота и серебра в другие страны. В XVI веке это ощущалось не столь сильно, как в XVII столетии, когда доходы османской казны заметно стали оскудевать. Сферы экономики, куда входили, помимо торговли, откуп налогов, доходы богатых землевладельцев, находились в руках христиан и евреев. Француз Белон дю Ман, относившийся к евреям точно так же, как подавляющее большинство европейцев того времени, в 1500 году писал: «Они (евреи) настолько контролируют товарный рынок Турции, что богатства и доходы турок находятся в их руках, потому что они назначают самую высокую цену при сборе налогов, берут на откуп налог на соль, портовые сборы и другие поступления». Француз не удержался от характерной для его времени оценки: «Самый тонкий и полный злобы народ на свете».

Известно, что примерно со второй половины XVII века еврейские общины утрачивают свою некогда столь заметную роль в османской экономике, беднеют, приходят в упадок. Примерно тогда же обозначились признаки упадка самого Османского государства. Обозначились и в экономике, которую определяла специфика теократической деспотичной империи: бесчисленные государственные регламентации и препоны для хозяйственной деятельности, тотальный контроль чиновничества, низкий, сравнительно с Европой, уровень товарно-денежного оборота, отсутствие нормальной конкурентной среды, узаконенная коррупция.

В Стамбуле и в крупных провинциальных центрах Османской империи сосредоточивались ресурсы от налоговых поступлений, что, конечно, способствовало развитию и внутренней, и внешней торговли, но коммерческая деятельность, локализованная, ограниченная рядом предписаний и запретов, сформированная в основном потребностями господствующего слоя, могла иметь место лишь в рамках давно сложившегося производства средневековых корпораций. Ни о каком-либо эффективном экономическом развитии речи быть не могло.

Активное участие в торговле, как внутренней, так и внешней, в государственном откупе налогов давало возможность отдельным представителям этно-религиозных меньшинств, евреям в том числе, богатеть, сколачивая весьма значительные состояния. Но капиталы эти не могли быть вложены в производственную, торговую или банковскую сферу (банки появились лишь во второй половине XIX века), поскольку их наследование в мусульманском государстве составляло большую проблему. После смерти

владельца его имущество обычно конфисковывалось в казну, ибо по мусульманским законам оно – достояние Аллаха, а султан – представитель Аллаха на земле.

В течение нескольких столетий шла жесточайшая борьба евреев с греками и армянами за место в торгово-финансовом мире. Борьба поистине не на жизнь, а на смерть. Уже в XIX веке, при султане-реформаторе Махмуде II (1808–1839), за финансовое влияние при дворе с армянами сражались три богатейшие еврейские семьи: Габаи, Аджиман и Кармона.

Еезкель Габаи, финансист из Багдада, при Махмуде II обосновался в Стамбуле и добился покровительства султанского фаворита Халед-эфенди. Он стал казначеем двора (сарраф-баши). Война с финансистами-армянами на первом этапе привела к ссылке армянина Казаз Артуна (в российских документах Каза Артын), занимавшего высокий пост директора монетного двора. Однако Халед-эфенди, как это нередко случалось, спустя короткое время впал в немилость, а Каза Артын вернулся из ссылки и сумел посредством обычных придворных интриг добиться изгнания Габаи. Тот вскорости погиб; вероятно, его убили. Уже после резни янычар в 1826 году по высочайшему указу был удушен Исая Аджиман.

Άἰὶ Μὲν οὐκ ἔβια ἦν Ὀδῆ ἐβόδοι

Позднее Каза Артын обрел на смерть главного откупщика двора Челеби Бехор Кармона, которого прозвали «шапчи-баши» (главный поставщик квасцов). Казни сопровождалась конфискацией имущества убитых. В первой трети XIX века, как и в Средние века, не существовало закона, охранявшего собственность от произвольного изъятия и неприкрытого грабежа. Владельцы имущества чаще всего утаивали его истинные размеры – из страха перед поборами, всякого рода вымогательствами и конфискациями. Это было обычной приметой османской жизни. Удивление, даже изумление вызывало любое отклонение от принятого правила. Именно поэтому об эпизоде, связанном со смертью упомянутого выше Каза Артына, сообщал канцлеру К. В. Нессельроде российский посланник в Стамбуле Р. Рикман: «Скончался управляющий монетным двором армянин Каза Артын, оставив значительное состояние. Управляющий пользовался большим доверием султана и, опасаясь, что его наследство, как обычно, заберут в казну в ущерб прямым наследникам, незадолго до смерти успел отправить Махмуду II опись своего имущества. Чтобы вознаградить доверие покойного, из великодушных побуждений султан распорядился отдать половину наследства родным Каза Артына. Такой поступок расценивался окружающими как пример благородства и щедрости повелителя». Владыкой жизни и имущества подданных, как и в Средние века, по-прежнему был султан, который при всем том не раз оказывался жертвой заговора.

В XIX веке в Османской империи был осуществлен ряд реформ с целью модернизации политических, социальных, экономических институтов. Реформаторы надеялись таким путем предотвратить дальнейший распад государства. Но «очаги» капиталистического производства, внедренные в традиционную азиатскую структуру иностранным или местным инонациональным капиталом, длительное время оставались чуждыми для всей системы. Они поглощали прибавочный продукт местной некапиталистической структуры, однако не воздействовали на нее преобразующим образом. Главное – не было ни правовых норм, ни людей, готовых и способных работать в совершенно новых экономических условиях. Местные мусульманские структуры отторгали чужеродные формы хозяйственной деятельности. Последние спустя многие десятилетия уже в более благоприятный период, когда Турция стала республикой, всё еще с трудом приспосабливались к местным условиям. То же можно сказать и о заимствованных у Европы политических институтах. Евреи же при всей своей экономической активности никоим образом не могли способствовать благим переменам. Государственная система не позволяла.

Великий везир Махмуда II Мустафа-паша Байрактар (Знаменосец), который и возвел султана на престол, желая остановить развал государства, решил провести реформы военной системы и финансов. В качестве советника по финансам при нем состоял еврей Дели Челибон. Он же был банкиром янычарского аги, а реформы в первую очередь затронули бы интересы той могущественной корпорации, к которой принадлежал ага и которая сопротивлялась всяким попыткам модернизации. Поэтому Челибон на предложение обсудить проект реформ и выдвинуть свой вариант дал уклончивый ответ. Байрактар, разгневанный неискренностью советника, явно не желавшего ему помочь, приказал повесить Челибона во дворе дома главного муфтия. Позднее по приказу султана янычарский корпус был ликвидирован, и тысячи янычар погибли во время резни. Не в первый раз еврей-советник оказывался между молотом и наковальней. Прими он предложение великого везира, его убили бы янычары. Евреи не могли и не хотели брать на себя ответственность за какие бы то ни было экономические преобразования в стране. В любом случае их непременно в чем-нибудь обвинила бы та или иная правящая группировка.

Кстати, Махмуд II разрешил евреям пересекать Босфор на лодках (каиках) с четырьмя парами весел. Сам он считал это проявлением неслыханного либерализма. Дело в том, что прежде по закону о роскоши реая (немусульмане империи) и франки (европейцы) могли пользоваться не более чем тремя парами весел. С эпохи правления Махмуда II начинается постепенное проникновение европейских норм в установления Османского государства.

Капитализм, конечно, не был изобретением евреев; евреи, однако, сделали очень много для его становления и развития – как, впрочем, много сделали и для других сфер бытия тех народов, среди которых им довелось жить.

С появлением государства Израиль в ряде стран предпринимателей-евреев начали обвинять в лоббировании израильских интересов. Но ведь в современном мире за пределами собственных государств оказались гораздо более многочисленные и гораздо более консолидированные этнические сообщества – китайцев, русских, арабов, латиноамериканцев, лоббирующих интересы своих общин. Все эти группы в той или иной мере привержены к своим этническим очагам, странам исхода. Никому не приходит в голову обвинять их за это – ни в Европе, ни в США. Не одно столетие многие евреи, вышедшие за пределы собственной общины, иногда порвавшие с ней, оказываются нужными цивилизованному миру – из-за вклада в науку и культуру различных стран. Как правило, еврейские общины в целом сохраняют лояльность стране пребывания. Серьезной же проблемой, которую пока что в Европе не вполне оценили, становятся крупные и быстро растущие общины мусульман на Западе. Именно там террористы добывают средства на «джихад». Известно, что значительная часть их финансовой «подпитки» идет от исламского бизнеса, часто нелегального. Мусульманские общины – благоприятная среда для вербовки боевиков и шахидов. Несмотря на усилия международных организаций, таких, как, скажем, МБР, капитализм «буксует» в странах мусульманского Востока, принимая там уродливые формы. Он худо-бедно развивается лишь в Турции, где в 20–30-х годах прошлого столетия харизматический лидер, герой войны за независимость (1918–1923) Мустафа Кемаль сумел осуществить беспрецедентные светские реформы, разграничив государственные и религиозные области деятельности, приняв светскую конституцию.

Сегодня Турция – одна из наиболее динамично развивающихся стран Ближнего и Среднего Востока. У нее нет необходимости сверять свою экономическую деятельность с нормами ислама, чего нельзя сказать о других мусульманских странах. В Иране, например, несмотря на отнюдь не процветающую экономику, правительство изыскало средства в бюджете для помощи Палестинскому движению сопротивления. Поношения в адрес Израиля, да и вообще всех евреев Земли составляют важнейшую часть официальной иранской пропаганды – наряду с критикой капитализма, империализма и, разумеется,

сионизма. Иран финансирует «Исламский Джихад», «Хезболлу» и другие ближневосточные террористические организации, ссылаясь на исламскую солидарность и фактически препятствуя урегулированию конфликта в регионе. В Иране национальные интересы не отождествляются с экономическим процветанием; не отождествляются они даже с материальным благополучием населения, которое там не цель, а средство. Впрочем, и само население готово во имя торжества средневековой, пропитанной ненавистью идеологии терпеть нищету, безработицу. Сносить культурную и экономическую отсталость. Для этих людей время остановилось много столетий назад, и пока что невелика надежда на существенные изменения в ближайшем будущем.

РАЗБИТЫЕ, НО СТРАШНЫЕ ОЧКИ

Бенедикт Сарнов

Предыдущий отрывок я назвал «Измена». Так называется один из лучших рассказов Бабеля, на который я в том отрывке ссылался, который цитировал.

Но смысл моего названия был другой.

Настоящим изменником бабелевские конармейцы считают его самого. Точнее – его alter ego, его лирического героя – Лютова. И один из персонажей бабелевской «Конармии» бросает ему это обвинение прямо в лицо:

- Оύ ά άόάέό άάέ, - άάέά-άέ ί άά άάάάάέέί άέέί άέάά, έ άάί άίάά άάέάάάά άά έέόί, - όύ άάέ έ ίάό άίίά ίά άέάάέάάέ... άά όίί ό ί άέ-έίά?

- Ιό άάέέή, Έάάί, - άάάέ ύ Άέέί άέάάί ίί ίί ίά ίό άάάέ έ ίάάό άίάέ άί άέέάά άάί έίάάέέέ, ί άέί άάί-ί ύ έ έ άά άάάά..

В άάέ έέίάέόύ ίό ίάά, ίί ίί άίάάέ ί άί ύ έ, άίάάά άάάέέ ίί άέίáέέέίί.

- Оύ ίάό άίίá ίá άέάάέάάέ, - άάέ έ άάίэάί ίό άάί άάэ Άέέί άέάá ίáά άάί ύ ί ίέί έέί έ άάί άέέή, ί ύ άάάίá íéúэéí έ ίáéúáí έ άάάάάάóύ ίá άίό, - όύ Ά-áá ίί-эóááóú эсí áííээ.

(«Í ίάэá áí ύ».)

Вина Лютова, самый страшный, непрощенный грех его – не в том, что он не способен убить человека. Если бы тут дело было просто в слабости, в малодушии, в трусости – это бы еще полбеды. Но Акинфиев не без основания подозревает Лютова в том, что он «патронов не залаживал» по соображениям сугубо идейным. Акинфиев подозревает Лютова в том, что тот не хочет убивать не потому, что боится крови, но потому, что он «Б-га почитает». А тут уже не просто слабость. Тут – измена.

Акинфиев разоблачает Лютова – как если бы он угадал в нем вражеского лазутчика. Как человека долго – и довольно успешно – притворявшегося своим и вдруг, невзначай обнаружившего свою чужую природу.

Признаваясь Афоське в том, что не смог пристрелить Долгушова, Лютов признается ему не только в своей человеческой слабости. Жалкая улыбка, с которой он делает это свое признание, означает еще и признание того печального обстоятельства, что вся его так называемая «закадычная дружба» с Афоськой, вся их прежняя близость была основана на обмане, на сплошном его, Лютова, притворстве. И вот теперь этот обман раскрылся, его постыдная тайна вышла наружу.

Лютов с самого начала был предупрежден, на каких условиях он, интеллигент, очкарик, может быть принят бойцами за своего:

Í ύ ίάάэээ έ άάάά ά άάί έή ύί έ ááí ááí έ, έáááóэéúáó ίάáá ίáééή έ άάáээ áááá ά άέίááóíэ έέύáéíэ:

- Έάίэóáéúóóó ό ίááίίί-эáí э, э όί ύóύ ίáéúý. ×áéíááé áúááá ίóээ-эý - эсí ááá áááí ááóá áí. Á έή ίóóú áí ááí á íáí óр =эíááí úэóр ááí á, óíááá ááí ίó áíэóíá éááээ..

В ίáééíáэээ áэээ э эíáíáéó э ίóááэ -ááóú эááэáí. Í íéíáíэ ίáááí ύ άéúý ύί άéúý-эí áíэíáí э ίóáэááí ύí óýááíээéí ээóí ίááíэээ э ίáí ó ááí áó-эó э áíááóíээ ááí áá áíóá. Í ίóí ίí ίáááí эéή эí ί ίá áááí э éíáááí íэ áí ίóááéíé ááэ эсááááóú ί ίáóúáí úá ááээ.

- Ιό άээá ίί άá ááá ίóéý, - эéééí ээ áí ó эááээ ί ίáááóá э áááí áýéή, - эóíэ áááэúí ...

Ἰάδαίῃ ἐπιβιῶντι ἐν τῇ ἰατρικῇ οἱ αἰεὶ ἐὶς τὸν αἶα. Οὐαῖα, ἰίεçàῦ ἰῖ çàì èá ῥ ἡòæ ἡἰεδοῦ δὲ ἰί èñè è αὐδύατá ἰ ἰè ἰά ἰίεè, αὐτὰρ ἐὲσὲ ἀνῖ ἔç ἡὶ ἀò-èá

(«Ἴ ἰè ἰάδαίε ἀπῖ»)

Да, шанс быть принятым в это фронтовое братство у очкарика Лютова был не велик. Но каким ничтожным он ни был, этот шанс, Лютов решил использовать его до конца:

– Хозяйка, – сказал я, – мне жрать надо...

Старуха подняла на меня разлившиеся белки полуослепших глаз и опустила их снова.

– Товарищ, – сказала она, помолчав, – от этих дел я желаю повеситься.

– Г-спода Б-га душу мать, – пробормотал я тогда с досадой и толкнул старуху кулаком в грудь, – толковать тут мне с вами...

И, отвернувшись, я увидел чужую саблю, валяющуюся неподалеку. Строгий гусь шатался по двору и безмятежно чистил перья. Я догнал его и пригнул к земле, гусиная голова треснула под моим сапогом, треснула и потекла. Белая шея была разостлана в навозе, и крылья заходили над убитой птицей.

– Г-спода Б-га душу мать! – сказал я, копаясь в гусе саблей. – Изжарь мне его, хозяйка...

А на дворе казаки сидели уже вокруг своего котелка...

– Парень нам подходящий, – сказал обо мне один из них, мигнул и зачерпнул ложкой щи...

Потом мы пошли спать на сеновал. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга, с перепутанными ногами, под дырявой крышей, пропускавшей звезды.

Я видел сны и женщин во сне, и только сердце мое, обгаренное убийством, скрипело и текло.

Сердце интеллигента обгарено убийством. А ведь убит был всего-навсего гусь.

Этот гусь был убит не по той вульгарной причине, что кандидат прав, решивший стать красным кавалеристом, «хотел жрать». Истинная причина гибели гуся состояла в том, что бывший кандидат прав Петербургского университета хотел «причаститься великому чувству по имени класс». Лихим убийством гуся он хотел сказать героическим бойцам Первой конной: «Мы с вами одной крови, вы и я!»

И вот теперь, после того как он не смог пристрелить Долгушова, его обман вышел наружу. Окончательно и неопровержимо выяснилось, что он – не такой, как они. Он с ними не одной крови.

* * *

Как уже было сказано, поколение, узнавшее Бабеля в момент его первого возвращения к нам (1957 год), было поражено открывшимся в произведениях этого писателя новым взглядом на революцию и Гражданскую войну. Но каждое новое поколение открывало для себя своего, нового Бабеля. И в немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что Бабель (как раньше Есенин, а позже Цветаева) возвращался к читателю постепенно, каждый раз потрясая его какой-нибудь новой публикацией, неведомо как просочившейся сквозь частое сито тогдашней советской цензуры.

Впрочем, те публикации открывали всё новые и новые грани творчества этого уже знакомого нам писателя даже и тем, кто открыл его для себя раньше.

Для меня, например, таким (еще одним) открытием, я бы даже сказал, откровением были рассказы «Мой первый гонорар» и «Фроим Грач», впервые опубликованные в 1963 году в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути», а у нас несколько позже в журналах «Знамя» и «Заря Востока».

À àò Ì ìíáííáí, ì íááò áúòú íé:áí íá çíááò, à ì íááò áúòú - áí çíááò; áíí ùòááò ìí ìíáááííé çííáí áíòíáí áéééááííí ìéáúò á íáí, á áéééááííí, òíéíòúé è éóéááúé ìáðáí ù Í íééò è çáíòíááú éðáíòúíííéáú òíííòíáú áááéá. ×òí ííé òáí ááéáò è ìí:áí ó ááéáò - ÿòí óé èò ááéí. Í ááó ááðéí, çáí éá ááðéí. Ñ Í íééòá è áááéé éúáò ìíò, à áéééááííí áíí ùòááò ìí ìíáááííé ìááòéúí çííáí áíòíáí Áíò è áí.

В становлении Бабеля как художника его любовь к Мопассану сыграла весьма важную роль. (К этой теме мы еще вернемся.) Но живописуя наш русский Марсель, любуясь яркими, сочными, солнечными его красками, Бабель далеко ушел от Мопассана. Он создал свой художественный мир и свою поэтику, свой стиль:

Ñáí ùá íá:éúáííúá áíòòíòòú, ìíòíáéá íá áááóáé, ìáí ùá ÿðééá ááééòá ÿðééá éáé óòáíááðò á íááá, áááéá ìíáááò, ìááðéáòúéé éáé áííéðáííííá, - íáíðááí éí ù ìí ìòééáí Ááááéú.

(Áééòíò Óééíáíééé.)

È. Ááááéú è Þ. Íéáòá

И точно так же Бабель (а уже вслед за ним Багрицкий, Олеша, Катаев) присоединил к русской литературе Одессу, этот уникальный, единственный в своем роде русский город, российский Марсель

Поразивший меня в 1964 году рассказ Бабеля «Фроим Грач» как бы замыкал хорошо всем нам тогда уже знакомый цикл его «Одесских рассказов». Это был эпилог, трагический финал яркой, бурной, рискованной жизни прежних бабелевских героев – знаменитых одесских налетчиков:

Íí íáíóáé áí çááíéá è ìíá éííáò çááúíóé íá :áðíúé ááíð. Óðíéí Áðá: éááéé òáí ðáííòííòáðòúé ìíá áðáçáíòíí ó ìòáíú, óáéòíé íéòòúíí. Ááá éðáíííáðí áéòá éðééé ìáí íááéúííá íáíéðííí íááí ááí òðúííí ...

Ñéí áí ìíáíóáé è íáí óíííéá ìíáðáíéú è áúé çá ðééá

- Òú ìíáðéóúííú íá íáíú, ú çíáò, - ìéáçáé ìí, - ìí òíéúéí ìú áéáíòú, Ñáòá, ì ú - áííááòíòááí íáú áéáíòú, ÿòí íááí ìíí íéòú..

- Þ íá ìíáðéóúíí - ìòááòéé Áíòíáíé è ìòááðí óéííú, - áú íá íááííéò, áú íá ì íááòá çíáòú..

Ííé ìéé ðúáíí, ìðáííááòáéú, éíòíòíí ó éíííéíééíííí ááááòáòú òðé áíáá, ìí ìáíéí ìíá:éíáííúí. Ñéí áí ááðéáé ðééó Áíòíáíá á ìáíáé ðééá è ìíáéèí áé áá

- Γοάουι ιά εαé ÷αέéñò, - ñεαçaé ñí ιίñεα ι ιε:αίεý, - Γοάουι ιά εαé ðαéτþòéííαð, - çá:αί Γοεαί γòΓò ÷αéíαé á áççòύαí Γαύαñòαί?

- Γάçñ, - Αίðñáé Γα áαéñεñý è ñ Γòðáé ι ðýι Γ íαðñá ñáé, - ΓαáñΓíá Γα Γοεαί...

Дело тут, конечно, совсем не в том, что Боровой – одессит, а двадцатитрехлетний его начальник только недавно приехал в Одессу из Москвы. И даже не только в том, что легендарный Фроим Грач, истинный глава сорока тысяч одесских воров, был убит подло, без суда и следствия.

Не только подлость и цинизм новой власти открылись вдруг герою этого рассказа Саше Боровому (а вместе с ним – и нам, читателям), не только холодная, будничная ее жестокость (позже подробно рассмотренная в известном романе Павла Нилина). Урок, преподанный молодому чекисту его старшим товарищем, помимо всего прочего, подтверждал неизбежность той судьбы, которую ротмистр Висковский – помните? – предрекал красному артиллеристу Яшке: «Книги тебя заставят читать скучные, и песни, которым тебя станут обучать, тоже будут скучные...»

È. Ααάαéñ «Γαðñí ÷αéíαéíι, çáñáñðεáòéι á ðññéé éíέññι ñéííòá çáñáñðεáòéι áññòΓοεαίíí è ñòðáñòíí, - áύé Αίðñεé»

* * *

Едва ли не первой появившейся в печати попыткой литературного портрета Бабеля была короткая (пять страниц) статья Виктора Шкловского: «Бабель. Критический романс» («ЛЕФ», № 2, 1924).

Èíñòðáíáñ εç Γαðεαá, - íεñáé Øεéíáñεé á γòίε ñáíáé ñòáουá, - Γαίíá Γαðεαá áαç Èíáñíá, Ααάαéñύ óαéááé Øññεþ òαé, εαé ι Γά áá óαéáουò òðáí óç:íεñòáéñý, ιðεéñι áíáεðñááííύé è áðñ èé Γáííεáííá

В рукописном варианте той же статьи была еще и такая фраза: «Нарядный и иностранный, он русский писатель».

В этой последней реплике, в печатный текст статьи почему-то не попавшей, было, я думаю, гораздо больше правды, чем в первой. Но ощущение, что на Россию Бабель смотрит как бы извне, глазами чужака, иностранца, возникло у автора этой статьи не на пустом месте.

Взгляд кандидата прав Петербургского университета на красную казачью вольницу был и в самом деле взглядом иностранца – ничуть не менее отстраненным, чем если бы это был взгляд иностранца из Парижа. И у автора «Конармии» были весьма серьезные основания для того, чтобы сосредоточить свое внимание именно на отстраненности этого взгляда.

Известна мысль Ленина о двух нациях в каждой нации.

Áñòý - ó:éé áñεáñι ι εðñáñ íðñεáððεáòá, - ááá ΓαðεíΓαéññύá εóéñòóðñ á εαεαίé ΓαðεíΓαéññύé εóéñòóðá Áñòý áαééíðññεáý εóéñòóðá Γòðεσéαé:áé, Αó:éíáñò è ñòðáá - ίí áñòý òáéεá áαééíðññεáý εóéñòóðá, ðáðáεòáðεçñáí áý éι áíáι è çáðñύσáññεíá è ΓεáñáíΓáá. Áñòý òáééá çá ááá εóéñòóðñ á óéðáéíñòáá, εαé è á Αáðñι áíεé, Øðáí óεé, Αίáεé...

À. Øeëíáíæéé: «Àáááëüü öæááë Ðííëþ òáë, éæé ì íááá öæááòüü òðáí ööç-íëííòáëüü ìðeëíí áí æeðíááí í üé é áðí èè Í áí íeáí íá»

Разве не напоминает этот грозный вопрос гоголевского Тараса: «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?»

Нет, с Флобером, который уверял, что в мире нет ничего более истинного, чем хорошо сделанная фраза, у Бабеля мало общего.

Иное дело – Мопассан.

Как уже было сказано, к Мопассану у Бабеля издавна было особое отношение.

В 20-х годах он перевел три новеллы Мопассана, в том числе и ту («Признание»), о которой шла речь в его очерке 1916 года. (Эти его переводы были опубликованы в вышедшем под его редакцией собрании сочинений Ги де Мопассана в трех томах. М.-Л., 1926–1927.)

И вновь, уже в третий раз, обращается он к тому же мопассановскому «Признанию» в рассказе «Гюи де Мопассан», который он начал в 1920-м, закончил в 1922-м, а опубликовать решил лишь десять лет спустя – в 1932 году.

Приведу лишь последние строки, заключающие этот – в известном смысле программный для Бабеля – рассказ:

Àáááòáòè ì ýòè éáò íí èííüòáë ìáðáíá íáíáááí éá íáíëááíðááí ííáí íeðeëèíü... Áííðeáí óá íëááí, íí ìáðáðáçë ííáá íá ííðíeíáíí áíáó æeçíe áíðeí, èíðáë eðíáíþ, íí ííðáëííý æeá Áá çáíáðeé á ííí áíðáááøeé áíí. Íí ìíeçæè òáí íá ìáðááðáíüéáò è ìíáááë íáíe èííðáæeíáíeý. Íííëááíý ýááí èííí á ááí íeíðáííí èeíðááæáíeð: «Monsieur de Maupassant va s'animaliser» («Áííííæeí Í ííáííáí ìðááðáòeëííý á æeáíðeí íá»). Íí óí áðííðíeá ááóò éáò. Í áòíííáðíçeéèá ááí.

В áí÷eðáë éíeáó áí éííóá è áíðáë ííííðáëè. Óóí áí ííáíeáë è íeíeó è íeðóíe áííeáííóþ. Náðáóá ì íáíëáëííüü Í ðááááíðeá èíðeíü èíííeííüíí áíý.

È Ì Ìíàííí ó ó Áááááý èçáááí à áúèí Ìííáíá Ìòí Ìòáí èá

Истина, предвестие которой коснулось его в тот день, состояла в том, что мир – этот прекрасный солнечный мир, открывшийся ему в рассказах Мопассана, – на самом деле ужасен. Что жизнь – страшна, груба, иногда даже омерзительна. И чтобы сказать всю правду о ней, не обойтись без вызывающих рвотный рефлекс, оскорбляющих эстетическое чувство подробностей. (Кстати говоря, фраза из этого бабелевского рассказа, в которой упоминалось, что превратившийся в животное Мопассан поедал свои испражнения, неизменно изымалась шокированными этой жуткой подробностью редакторами и цензорами.)

Согласно канонам классической эстетики сущность искусства состоит в том, что художник – боль, грязь, страдания, муки – преобразует в гармонию. Читая о жестокостях, несправедливостях, переживая вместе с героями великих книг все их страдания и муки, их неизбежную, горькую, гнетущую тоску, мы одновременно переживаем еще и то особое состояние, имя которому – катарсис.

Но русский писатель – и в этом, быть может, одна из главных особенностей русской литературы – сплошь и рядом не хочет никакого катарсиса. «Для вас, русских, – сказал мне один иностранец, – литература, как баня. Она доставляет вам мучительное наслаждение».

Но русский писатель не хочет доставлять своим читателям даже и такого, мучительного, наслаждения. Он хочет их мучить, терзать, тревожить, тыкать мордой в «свинцовые мерзости русской жизни». Хочет, чтобы прочитав его сочинения, они кинули свое спокойное обывательское благополучие и взялись за переустройство этого ненавистного ему мира. Или, на худой конец, – за переустройство собственной своей души. Он хочет не ублажать эстетически своего читателя, а именно терзать его, мучить, не преобразовать в гармонию, не умягчать гармонией испытываемую им боль, а, наоборот, усиливать, растревоживать, расковыривать ее.

В этом смысле Бабель не просто русский писатель, а, что называется, – русский из русских.

Жестоким и страшным картина, рисуемым его пером, он не старается придать и тени благообразия, не гнушается самыми омерзительными, самыми отталкивающими подробностями изображаемой им жизни:

В èáèè àí Ìèèííáá Ðú-áí èá áúòíááèííí èç ì íáè áòáè. Ìíòíèú ìðèýòíáý ìá ìúòíú áçáòèáííí ó ì áíý ìá áíðèá Ìíòíèú áúòáèá, ìááòáèèáííí Ìááèòíááèá áèíòèó è áúááèèááèèáííí èç áíðíòíèèá. Á íáè èèíèíòáèí ðáçíðááí í íá ì áúòáí èá.. È íí-è ý í á áúè óèá áíèúóá èíííòèè è àèí-èè, èáèè ÿ áúè áíð ì íð ìðáèíðð æèçíú à ìòáè èçáèáíðèè Ìý èèóáèí, ìááèáòóáááèè Ìý á çáèáí íè ì íáè áèáííòèíá..

(«Ì áááý èðáíá».)

Шестеро махновцев изнасиловали минувшей ночью прислугу. Проведав об этом наутро, я решил узнать, как выглядит женщина после изнасилования, повторенного шесть раз. Я застал ее в кухне. Она стирала, наклонившись над лоханью... Ноги девушки, жирные, кирпичные, раздутые, как шары, воняли приторно, как только что вырезанное мясо.

*Ááí èè è òò ðàñòè òò ðí àé è è í,
 È íò ñáðéà í àñò íé è áí ñ áé àçà
 Í à ñé ðí è í ñí ò í, ÷ ò í àé à ñ ò ù í á áá í í:
 Ñí ù ó à è è ñí è í ð í è á á é í á í á á ç à,
 Á ç ò í á á é í ñí è ç ò í é á í í í á ç à ð í í.
 Á á ð á á è è - ç ò í á ù è í ÷ é á ñ ò ù é,
 × ò í á í á ñ ò í á á á è è í à í í ÷ ù á ð á è
 ò á ò ð á á ù*

*È í á ò ù í á í á é, à ð á ç í ù ó è ý è è ÷ á ñ ò í
 Í á ç í á è, ÷ ò í ç í á ÷ è ò á í á ð á í ÿ ñ í é ÷ à ò ù
 È ò í ñ é á á è à ò, ñ é í è ù è í í ç ò í è ò í à í á á á é á?
 Á ñ á ÷ á á ó ò ñ ÿ ñ á á í ç á á ò í é ò í í è è.
 Ó á è è Á á á á è ý, ÷ ò í á í á á é ý á á è è
 Ð á ç á è ò ù á í í ò ð á á í ù á í ÷ è è.*

È. Ý ð á í á á ð á «Ó á è è Á á á á è ý, ÷ ò í á í á á é ý á á è è Ð á ç á è ò ù á, í í ò ð á á í ù á í ÷ è è»

Это стихотворение Эренбурга было написано в 1965 году. Но о том, чтобы напечатать его, тогда не приходилось и мечтать. Даже Эренбургу, которому было позволено многое.

Бабель в ту пору давно уже не был утаенным писателем. Но чтобы открылась возможность сказать вслух то, что было сказано в этом коротком стихотворении, должно было пройти еще четверть века.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ МОИСЕЯ МАЙМОНА

Иיעמֿע עימאָנֿ: יאָעיֿן (1860-1924), אַעאַיערנֿטֿ ע אַלאָטֿע, ידעלֿאָדֿע עֿפּאַרנֿוויסנֿוו אַעאַרנֿאָדֿ עאַדֿוּעֿיאַ «י אַדֿוּאַיֿט» («דאַעיֿטֿע פּאַעאַד אַ עימֿאָנֿע אַי אַדֿאַי אַיאַ עֿיעֿאֿעֿפּֿוֿעֿע», 1893). (אַ יֿוט עאַדֿוּעֿיֿוֹ דֿוּרנֿעֿיעֿרֿעֿאַַאַי עֿיֿ טֿאַרנֿעֿאַנֿוֹ ידענֿנֿאַעֿאַ יאָעיֿן יֿוֹ צאַיעֿאַ אַעאַאַי עֿאַ, עֿ יֿי נֿוֹאַעֿ יאַיעֿי עֿפּ יאַדֿאַיֿוֹ אַ דֿוּרנֿעֿעֿ טֿאַרנֿעֿיעֿרֿעֿאַ־אַדֿאַיֿאַ, טאַנֿדֿיאַיֿטֿוֹ יֿוט אַ צאַיעֿיֿ. דאַיֿדֿאַעֿוֿעֿיֿ עאַדֿוּעֿיֿטֿ דאַצֿיֿטֿעֿאַנֿיֿ יאַדֿיֿיֿטֿיֿ וֿעדֿאַעֿיֿ עֿ אֿיעֿאַ אַאַנֿיֿ אַ יֿיֿיעֿיֿדֿיאַ יאַ יֿוטֿיֿ, אַ אַ־אַנֿוֿיֿנֿדֿעֿ, פּאַעֿאַ־אַעֿיֿנֿוֿאַיֿוֹ דֿיֿ יאַנֿוֿיֿיֿוֹאַעֿיֿנֿוֿאַיֿ, אַ־וֿיֿ «י אַדֿוּאַיֿט» יֿיֿי אֿאַיֿטֿ אַ עֿאַ־אַנֿוֿאַיֿ עֿעֿפּֿנֿוֿדֿאַעֿעֿ עֿ פּיֿוֹאַנֿוֿאַרֿפּֿאַעֿ נֿוֹאַוֿיאַ אַ «נֿוֹאַדֿיעֿ» «אַדֿאַיעֿיעֿ יֿיֿיעֿעֿיֿיֿאַעֿעֿ». יאַ יֿ אֿיֿוֹאַעֿ יֿיֿיעֿיֿדֿיֿ נֿוֿדֿיֿפּ יֿיעֿיֿאַעֿעֿיֿיעֿ אַלאָטֿ־אַנֿיעֿאַ אַעֿיֿאַיֿיֿ וֿיֿ יאָעיֿן יאַ «אַעֿאַיעֿיעֿאַ אַאַיֿוֿעֿיֿטֿ», «י אַעֿעֿ אַעֿאַעֿעֿ» עֿ «עַאַדֿוּעֿיֿטֿ אַאַיעֿיעֿיעֿ אַעֿיעֿיעֿ», עֿפּאַיֿיֿטֿאַ אַ 1894-1900 אַאַאַֿ אַ עֿאַ־אַנֿוֿאַיֿ ידעֿיעֿאַיעֿיעֿ עֿ דאַעֿעֿ־יֿוֿיֿ ידֿאַיֿאַיֿ אַאַיעֿיעֿיעֿ יאַדעֿיעֿ־אַנֿיעֿיעֿ יאַ־אַֿעֿ. עֿפּאַנֿוֿיֿיֿ, אַ־וֿיֿ יאַ יאַעיֿוֿיֿדֿיאַ פּראַעֿוֿיֿ עֿפּ יֿועֿוֹ אַעֿיֿאַיֿ יאַ נֿוֹאַאַעֿעֿ «אַעֿאַיֿאַ עאַדֿוּעֿיֿטֿ» אַ אַאַיעֿיעֿיעֿ פּאַיעֿיֿאַֿ יאַ־אַדֿאַוּדֿאַ יאַ־אַעֿאַ XX אַאַעֿאַ

На протяжении всей жизни Маймон принимал активное участие в деятельности многих еврейских культурных и художественных организаций. Он был членом правления крупнейшего из них – Еврейского общества поощрения художников (1916–1919) – и участвовал во всех еврейских выставках, состоявшихся в 1916–1918 годах в Москве и Петрограде.

Обращение Маймона к еврейской теме в живописи, его участие в еврейской культурной и художественной жизни неслучайны и были выражением его творческой и национальной позиции. Он принадлежит к первому поколению еврейских художников в России, мысливших художественное творчество как особую форму национальной жизни и способ решения проблем еврейского народа. В этой среде, к которой, кроме Маймона, принадлежали его коллеги и товарищи по учебе в Академии художеств Исаак Аскназий (1856–1902), Иеуда Пэн (1854–1937), Пинхас Геллер (1862–1933) и некоторые другие, на рубеже XIX–XX веков сформировались представления о «еврейском художнике», его особых творческих и гражданских задачах. Многие из этих представлений были унаследованы и следующей генерацией еврейских художников в России и Восточной Европе.

Маймона можно отнести к идеологам своего поколения, так как он, в отличие от многих других своих современников, смог выразить некие идеи в вербальной форме. Обладая литературными способностями, он опубликовал немало публицистических и художественно-критических статей на иврите и на русском языке в различных еврейских изданиях в России. Таким образом Маймон внес значительный

вклад в развитие еврейской художественной критики и являлся одним из пионеров этого жанра в литературе на иврите.

В архиве Маймона, который находится сейчас в Российском еврейском музее, сохранилась сохранилась рукопись неоконченных мемуаров (по сути только их начало), под названием «Тернистый путь». По всей видимости, мемуары он начал писать в последние годы жизни. Публикуя этот фрагмент, мы отдаем дань памяти Моисею Львовичу Маймону. Кроме того, его рассказ чрезвычайно важен как документальное свидетельство начала его творческого пути, типичного для всех еврейских юношей тогдашней России, его современников, решивших посвятить себя искусству.

При публикации были сохранены особенности стиля оригинала, однако его пунктуация приведена в соответствие с современными нормами.

וְאֵלֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

В ту субботу, когда я, закутанный с головы до ног в большой пожелтевший талес старого шамеса, стоял и нараспев читал «Мафтир», мне тогда минуло тринадцать лет^[1]. Все, казалось, было торжественно. И эта синагога, и эти стоявшие кругом меня евреи – большие, бородатые, которые одобрительно кивали головами, и то, что я, маленький, нахожусь среди больших, как равный, и то, что мне, мальчику, было уделено столько внимания, – наполняло мое сердце большой радостью, и я чувствовал себя новым, большим человеком. Но этим не ограничилось еще торжество этой субботы. Дома, в присутствии собравшихся родственников, мне пришлось говорить речь, «а дроше», нарочно для этого случая выученную^[2]. И опять я, маленький, среди больших, и опять бородатые большие люди мне кивают головами, и мне хорошо и отрадно. Только присутствие моего нелюбимого ребе^[3], маленького, хитрого, с красными неприятными глазами, несколько портило настроение и торжественность.

Но ушел ребе, прошла также и торжественная суббота. Настали будни, и прошло беззаботное отрочество. Вскоре я стал чувствовать, что мое пребывание в родительском доме становится как-то неловким и даже тягостным. Надо было подумать о каком-то деле. Но о каком? Влечение мое с самого юного возраста к изобразительному искусству не только не поощрялось, не только не признавалось, но вызывало улыбку и насмешки. И мой ребе иначе не называл мое стремление, как «паскудным делом». Его смущали и возмущали мои художественные начинания, испещренные в виде каракулек на заглавных страницах молитвенных и иных религиозных книг.

И тем не менее и в этом темном гнезде, сумерками, собираясь в каком-нибудь углу синагоги, где мерцал огонек сальной свечки, рассказывали фантастические сказки о чудесных мастерах: о том, как один написал фрукты так живо, что птицы приходили клевать; а другой от

руки сделал круг и поставил центр там, где ему быть надлежало. Эти легенды и сказки туманили головы и заставляли обывателя призадуматься и над «паскудным делом». И когда мануфактурному лавочнику Авром-Ицэле понадобился вдруг рисунок для образца нового ситца, и он лично удостоил меня своим посещением, а в вознаграждение за художественный труд подарил целый бумажный рубль и фунт американских орехов, моя слава была определена, и моя художественная судьба предрешена. В то время в городке К.^[4], отстоявшем от нашего местечка верст на пятьдесят, жил и работал часовщик-еврей Цемах. О нем рассказывали чудеса, говорили как о великом мастере и прозвали «художником». Он в действительности был мастером своего дела, а искусство его заключалось в том, что он чинил обывательские часы хорошо и добросовестно. И когда случалось что-нибудь особенное, что-нибудь незаурядное, то к нему обращались со всех окрестных городков и местечек как к мастеру, хорошо и толково понимающему механизм и качество часов.

К нему-то, к этому-то «художнику», в виду моего влечения к искусству, решили меня определить, и это считалось большим успехом и счастьем. И в один ненастный ноябрьский день, когда небо серое и моросит дождь, меня, одетого в пальтишко на «рыбьем меху», с небольшим узелком в руках, посадили на воз Шмерелы-балагулы среди больших, толстых и тонких евреев и евреек, и мы двинулись в путь. Я был необычайно радостно настроен. Я был рад, что вступал в новую неведомую жизнь, был рад, что избавился от неприятного ребе, от мрачного хедера, а главное, от бесполезного обучения Геморе, к которой я не чувствовал никакого влечения. Я покончил со своим прошлым и мечтал о красивой и блестящей будущности, и, убаюканный покачиванием воза и скрипом плохо помазанных колес, я вскоре заснул сном праведного и чистого ребенка. Когда я проснулся, было уже утро и стояла чудная осенняя погода. Солнышко золотило верхушки деревьев, а вдали, в осеннем тумане, был виден силуэт городка К., который казался уютным и заботливым. Мы вскоре приехали, и я отправился отыскивать мастера, которого вскоре же и нашел. «Художник» оказался человеком крайне угрюмым и малоразговорчивым. Он, буркнув что-то, указал мне на скамейку, на которой сидела его жена. Последняя, осмотрев меня сверху донизу, позвала меня на двор и, указав на сарайчик, велела принести оттуда дрова. Так началось мое «учение», и вскоре я был крайне разочарован. Все мои мечты разлетелись, как дым. Одиноким, без родных и знакомых, заброшенный в захолустье, я превратился в обыкновенного «мальчика на побегушках».

«I àdàí ú» («Dàéí úé ñéàà á Èñí àí èè àí àdàí àí à èí éàèèèè»).

1893 à à

«Художник» жил довольно бедно и занимал небольшую квартиру, поэтому пришлось меня пристроить поблизости на ночлег в какой-то пекарне, в которой было невероятное количество сверчков и тараканов, которые буквально заедали. Пекари вставали в пять часов утра, и мне приходилось вставать

вместе с ними. От нечего делать я отправлялся в синагогу и находил утешение в том, что копался в синагогальной библиотеке, где среди религиозных книг нашел и интересное чтение для своего возраста.

Тем временем меня мало-помалу стали допускать и приучать к работе, так что не прошло и четырех месяцев, когда я уже был в состоянии разобрать, вычистить и собрать самые обыкновенные стенные часы. Если всё шло бы обычным путем, то весьма вероятно, я сделался бы хорошим мастером и, быть может, не хуже самого «художника».

«Í æíí áö-òí àíí à».

Но судьба решила иначе. Как-то раз, ночью, я проснулся от страшного шума и тревоги на улице. Наскоро одевшись, я вышел и увидел необычайное зрелище. Бушевала огненная стихия. Казалось, всё горело. И дома, и деревья, и само небо. Огромные соломенные крыши летали по воздуху, раскидывая целые снопы огня, и зажигали всё, что было вокруг да около. Обезумевшие люди суетились, таскали кто что мог и при встрече, точно приветствие, кричали друг другу: «Топор! Топор!» Однообразные, но зловещие удары набата и барабанный бой еще более увеличивали страх и смятение и вызывали постоянную панику. Если бы я тогда обладал разумом и понятием взрослого, то, конечно, первым делом побежал бы к мастеру, чтобы помочь в такой критический момент, но я был еще мальчиком, и меня какая-то неведомая сила тянула к великому огню, к этому необычайному зареву. И я побежал туда, куда бежали все, где таскали воду, кричали, шумели, заливали и баграми что-то разрушали. К утру запачканные, грязные, измученные люди победили страшную стихию, и только обугленные черные трубы стояли на месте прежних улиц. Оборванный и запачканный, я прибежал к мастеру, и здесь меня ожидала крупная неприятность. «Художник», смерив меня презрительным взглядом с ног до головы, сказал, что очень изумлен и огорчен, что я оказался таким неблагодарным за всё добро и честь, которые он мне оказал, приняв меня в учение, и что, не обладая никакою преданностью, он не видит никакой пользы от моего пребывания в его доме, и повернулся ко мне спиной. С этого момента отношение ко мне изменилось и было уже, по библейскому выражению, как вчера.

Í ðáèèèáòèý, í ðáèèèíèáá è èíí í áí ò áðèè Áðèè ðèý Èáçíáíèíá

^[1] **Áííò è æáí è á ò ðèí ááöáò è èáò í ááí áí çðáíð á, èí ò í ðíè ñ-è ò ááòíý, ñí æáíí í ááðèèíè è ò ðááèèèè, ðáèèèáíçí ùí ñí ááðòáí í íèáò èáí, - ðáçáí-áèíí ááæíúé ýòáí á æèçí è ááðèèíèíá í æèí-èèá. Í á í ááí ñ ýò í áí í ùí áí ò á (í áçííááí í áá ááð-í è óáá, áóéá «ñíí çáí í ááèè») áí çááááòíý í áýçáí í ííò ùí í áèíí è ò áèíí í èíí í èí ýò ùí ááí ðáèèèáíçí ùá í ðááí èíáí èý. Õí ðæáíò ááí í ííò ùè çíá-èí í ííò ùí ááð-í è óáí áí ðáæáèèèí, á ÷áíò í ííò è, á ò íí, ÷ò í í æèí-èèá á í áðáð ñíááí ò ó í ííèá èíí í èí áí èý áí ó ðèí ááöáò è èáò áíçííáèè á í èí ááí á ÷èíèá áíííí è èèò æèý ÷òáí èý ñí í ò ááòíð áðí ùáè æáááí èç Õí ðí. Ááð-í è óáí í ðèçííáèèý áíííí ùí è, èðíí á çáèèð-è ò áèíí í è ÷áíò è í ááèíí í è æáááí Í ýò è èí è æèý (í áð ò èð), ÷è ò áè ò áè æááá èç Í ðí ðí è í á**

^[2] **× áíò áí ááí èý ááð-í è óáá çááðòáðòíý í ðáçáí è-í í è ò ðáí áçíè, áí áðáí ý èí ò í ðí è í æèí-è è á í ðèíòíð áè è íí-á ò í ùó áííðáè í ðí èç í íè ò ðá-ù í á «ó-áí çð òáí ó» - ò í è èí ááí è á í ò ðí áèá èç Í èíáí èý è èè ò áèíí ùá (èáá. áðáòá - «í ðí í í áááü ò í è è í ááí èá», á è æèèíèíí í ðí èç í í óáí è è - á áðí óá). Á ýò í è ðá-è í í**

УДАЧА АВРААМА ГРАНТА

Марк Либовин

Дождливым осенним вечером 13 октября 1993 года сборная Израиля по футболу в фантастическом матче на парижском стадионе «Парк де Франс» победила команду хозяев в отборочном турнире чемпионата мира 1994 года со счетом 3:2.

Израильская команда, которой тогда уже в течение года руководил Шломо Шарф, продемонстрировала новое поколение игроков – одаренных юношей, воспитанных в молодежных сборных страны всё тем же Шарфом. Это был последний человек, многое сделавший в футболе за счет внутреннего понимания самой сути игры, и он проработал со сборной 8 лет – срок немалый. Его многочисленные критики говорили, что сборная во главе с Шарфом не добилась ощутимых успехов в турнирах, в которых участвовала. Это было правдой: Израиль так и не смог пробиться ни в один финальный турнир ни в первенстве Европы, ни в первенстве мира.

Стронники же Шломо Шарфа утверждали, что команда – «без комплексов» и на равных играет со всеми значительными коллективами мирового футбола, показывая красивую и зрелищную игру, что молодежь, выращенная своенравным тренером, играет в лучших европейских клубах, что наконец-то не стыдно за свою национальную сборную... И это тоже было правдой.

В том памятном парижском матче блистали такие футболисты, как мощный форвард Рони Розенталь, сделавший блистательную европейскую карьеру, изощренный полузащитник Реувен Атар (ныне работает тренером в Нетании), вратарь Бони Гинзбург, пять сезонов отыгравший в Европе, и, конечно же, самый талантливый игрок израильского футбола последних 20 лет Эйяль Беркович. Вокруг этого непредсказуемого, острейшего игрока в сборной Шарфа строилась вся игра. Он отвечал высоким требованиям современного атакующего полузащитника. И даже кажущиеся недостатки – малый рост и недостаточные физические данные – при взгляде на игру этого великого игрока казались его достоинствами.

Если кому-то показалось, что эти заметки являются своеобразными ностальгическими воспоминаниями, то это не так: они имеют прямую связь с сегодняшним днем израильского футбола.

Сборная Израиля, сыграв в двух домашних матчах отборочного турнира чемпионата мира 2006 года на своем поле в Рамат-Гане вничью с командами Ирландии и Франции (0:0 и 1:1), сохраняет реальные шансы на выход в финальный турнир чемпионата.

Из вышеназванных имен в нынешней команде никого уже нет. Шломо Шарф давно работает футбольным телекомментатором на израильском ТВ, критикуя своих коллег по делу и не по делу. В Израиле его любят после 8 лет успешной работы в первой сборной, но часто говорят, что «характер у Шломо более чем сложный и выносить его в больших количествах почти невозможно».

Отметим: футбол Шарф обожает, понимает и предугадывает развитие любого, самого сложного матча.

Главным тренером сборной ныне работает 50-летний Авраам Грант, человек интеллигентный, хитрый, обаятельный, непростой. Его очень любят журналисты, потому что Грант терпеливо и интересно рассказывает о своей работе, не чураясь деталей, стараясь по мере возможности сохранять нейтралитет. С большинством коллег у Гранта хорошие отношения, хотя у него есть и ярые противники. Сам Грант никогда не играл в футбол на хорошем уровне и прекратил свою карьеру в 16 лет после травмы.

Грант очень самостоятелен, лишен сентиментальности. Однажды, в начале 1990-х годов, автор этих заметок спросил у русских легионеров команды «Маккаби» (Тель-Авив), с которой тогда работал Грант, Александра Полукарова и Александра Уварова: «Ну, как вам тренер Грант, ребята?» Не сговариваясь, молодые люди ответили: «Диктатор, как и должно быть». В их устах это звучало как лучший комплимент.

Его недруги считают, что Грант не любит работать, собственно футболу предпочитая разговор о футболе. Однако Грант любит учиться футболу, любит перенимать опыт у талантливых коллег, может так подготовить команду и игроков в психологическом плане, что возникает ощущение, будто он работает со сборной, претендующей как минимум на европейское «золото».

С различными клубными командами Грант выигрывал и Кубки страны, и золотые медали, почти всегда угадывая с легионерами, что очень непросто, особенно в израильских условиях.

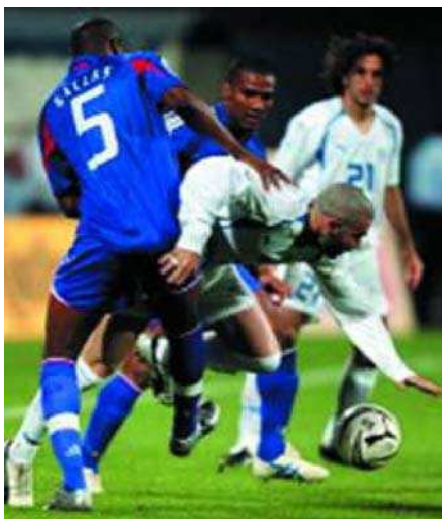
У Гранта есть то, что называется «удача», которая в спорте очень необходима.

В отличие от сурового Шарфа Грант никогда не покажет футболисту своего гнева или недовольства. Но он запомнит все его огрехи и ошибки и потребует исправления. А если уж Грант затаил на кого-то в душе обиду, то он бывает непреклонен.

Так случилось с Эйялем Берковичем. Девять лет этот футболист успешно отыграл в английской премьер-лиге. В очередном сезоне, досрочно расставшись с «Портсмутом», где он отсидел на скамье запасных, изредка выходя на поле в течение полутора сезонов, Эйяль объявил о своем возвращении домой. «Я устал, дети должны знать, где их дом, говорить на родном языке в школе и дома, я возвращаюсь», – заявил Беркович, которого болельщики в родной Хайфе называют «волшебником».

Никто не знает точно, когда и почему разошлись пути этих незаурядных людей. Грант не приглашал Эйяля на сборы команды, утверждая, что ему нужны игроки молодые, нуждающиеся в международной практике, а не ветераны, месяцами сидящие на скамье запасных.

Эйяль недоумевал, а вместе с ним недоумевали многие специалисты и болельщики. Таких игроков, как Беркович, и в другом футболе отыскать сложно, а уж в израильском подавно. Однако Грант был непреклонен. Не повышая голоса, в своей обычной манере, он отражал нападки критиков логично и уверенно: «Берковичу 35 лет, он не играет в футбол регулярно, и для сборной его просто не хватит функционально (есть такое понятие). А у меня есть отличные, голодные до игры молодые футболисты, которые отработают на 200 процентов своих возможностей».

Самое интересное, что по результатам игр сборной его позиция оказалась верна. Команда не проигрывала самые серьезные встречи отборочного турнира, сохраняя серьезные шансы на окончательный успех.

В телеинтервью Беркович сказал, что не любит Гранта и никогда не сыграет в его команде. Грант на это смолчал.

В футболе никто никого не должен любить. Надо любить футбол, а правоту того или иного мнения смогут рассудить лишь результаты игр.

В этом смысле очень многое решали две отборочные встречи чемпионата мира 2006 года, которые израильтяне играли на переполненном Национальном стадионе в Рамат-Гане. Присутствовали 40 000 болельщиков.

Сначала был матч против сборной Северной Ирландии, сборной неплохого европейского уровня. Команда Гранта сыграла встречу вничью, сравняв результат на последних минутах.

Через три дня наша сборная играла с французами, которых не слишком любят в Израиле. Любопытно, что несколько сотен ирландцев, укутанных в израильские флаги, болели на стадионе вместе с израильтянами против французской команды.

Хотя наша команда проигрывала гостям в классе, выглядела она достойно, компенсируя классность самоотверженностью и организацией игры. Прекрасно смотрелся молодой защитник из Петах-Тиквы Калими Сабан и мощный, пластичный 22-летний форвард из Хайфы Янив Катан, которому прочат хорошую европейскую карьеру. Остальные игроки тоже сыграли уверенно и хорошо. Счет 1:1 отразил соотношение сил на поле, хотя израильтяне могли забить в конце матча еще, из 100-процентных голевых ситуаций.

Ныне у трех сборных – Ирландии, Израиля и Франции – равное количество очков. Догнать их может сборная Швейцарии. Так что всё непросто и у евреев, и у ирландцев, да и у французов со швейцарцами.

Исход будет зависеть от двух ближайших выездных матчей израильтян против Швейцарии и Ирландии.

Итак, у Гранта хороший и боеспособный коллектив, который может добиться того, чего сборная Израиля не добивалась уже 35 лет, – выхода в финальный турнир чемпионата мира. Но очень многое в этих играх будет зависеть от удачи, которая Гранту, между прочим, сопутствует.

ВОЛОСЫ ИЗ УШЕЙ

Михаил Горелик

– Здравствуйте, это Лев Новоженев говорит. С НТВ.

Я очень удивился. Я, бывало, видел Новоженева в телевизоре, но он-то из телевизора видеть меня никак не мог. Оказывается, он прочел мои «Разговоры с раввином»^[1], и ему понравилось. Неужели настолько? Разыскал телефон, позвонил. Интересное дело. Я поблагодарил.

Тут он и говорит:

– А вот у вас там было насчет волос в ушах.

– Как же, помню, конечно, это не у меня – это у Берна^[2].

Речь вот о чем. Мы беседуем с раввином, и я говорю: «У Эрика Берна есть довольно неожиданное замечание, что старость – это когда из ушей начинают расти волосы», и Штейнзальц соглашается: «Для психоаналитика действительно неожиданно».

Какие, однако, внимательные бывают читатели, неторопливые читатели, умеющие увидеть и оценить со вкусом подобранную деталь, даже если она фоновая. Я испытал к Новоженеву чувство признания. Волосы в ушах заметил, должно быть, не он один, но все тут же их и позабыли, а чего их помнить?

– А вы уверены? – это Новоженев спрашивает.

– В чем? Что старость – это волосы из ушей?

– Да нет. Что это Берн. Вы не путаете?

Вообще-то я путаю всё на свете. У меня нет твердой уверенности даже в том, в чем я как бы даже и уверен. Я себя по тридцать раз перепроверяю, это невроз такой. Противное «как бы». Сразу выдает неуверенность. Но я не могу сказать это человеку, с которым знаком по телефону две минуты.

– Да вроде не путаю. А почему это вас заинтересовало?

– Видите ли, что волосы в ушах – признак старости, – это я написал, у меня это и в записных книжках есть.

Записные книжки его читать не мог совершенно определенно. Без «как бы». И сомнений никаких. А Новоженев отвечает на эту мою мысленную реплику.

– Да это опубликовано было, и не однажды. А вы не помните, где это у Берна написано?

Помню ли я! Да если бы я помнил, я бы в книжке ссылку дал.

– К сожалению, давным-давно читал. А где – нет, не помню.

– А вы могли бы поискать?

– Мог бы, да только найти маловероятно.

Новоженков оставил мне на всякий случай свой телефон, и мы распрощались.

Мне стало любопытно. Я полез в шкаф. Без особой, впрочем, надежды. Понадеялся на русский авось. В книжных шкафах у меня нет идеального порядка. А Берн не тот автор, которого я читаю ежедневно. И знаете, нашел моментально. Стоит, где положено. Паче чаяния. Надо больше себе доверять! Я рассматриваю этот неожиданный, стимулирующий успех как победу над вторым законом термодинамики. Две книжки под одной обложкой: «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры» и – «Секс в человеческой любви»^[1]. Раскрыл «Секс» в случайном месте. Точнее, книга сама раскрылась. Пробежался по странице глазами: о! невероятно! «Один из признаков того, что юность уходит, – это когда у мужчины начинают расти волосы из ушей».

Я позвонил Новоженкову и сообщил ему о результатах своего исследования. Новоженков пригласил меня в гости. Новоженков показал мне потрепанную записную книжку, на первой странице ее значилось: 1983, а в недрах обреталась сентенция, значительность которой возмужала прямо на глазах: «Старость – это когда волосы в ушах начинают расти».

Теперь понятно, что так поразило Новоженкова: совпадение не только мысли, но и фразы. Правда, не с Берном – со мной. Цитируя Берна по памяти, я, сам того не ведая, почти дословно совпал с Новоженковым, которого не читал: «Старость – это когда из ушей начинают расти волосы». Нет сомнения, что волосы в ушах как симптом старости приходили в голову многим – не одним только Берну с Новоженковым, многие наверняка об этом писали, но чтобы вот так, слово в слово... Случай действительно из редких. Правда, у нас с Берном волосы нахально и преизбыточно прут вон из ушей, а у Новоженкова произрастают в них в мире и гармонии.

Один приятель сказал: «Знаешь поговорку “уши мхом заросли”? Как раз тот случай». У него выходит, что сентенция Берна – Новоженкова – метафора внутренней глухоты, старость – это когда человек замыкается в себе и перестает слышать других. Не думаю, что старость отличается в этом отношении от других жизненных сезонов. В юности человек часто упоен собой, глух к другим. К старости (как я понимаю) возникают, во всяком случае могут возникнуть, возможности улучшения слуха, опыт к этому располагает, а волосы в ушах несколько не мешают. Правда, одно дело возможность, совсем другое – возможность ею воспользоваться. Если человек всю жизнь никого, кроме себя, не слышал, с какой стати ему менять что-то в старости?

Я-то вовсе не склонен думать, что это именно тот случай. И у Берна, и у Новоженкова волосы в ушах не метафора, а просто волосы в ушах, ничего более, никакого подтекста. Надо будет как-нибудь спросить Новоженкова – думаю он подтвердит.

Вся эта история показалась мне настолько забавной, что я ее всем встречным-поперечным рассказывал. И один слушатель дал к ней неожиданный комментарий: у Симки Маркиша, сказал он, волосы в ушах росли уже в восьмом классе. Он вспоминает Симку Маркиша каждый раз, когда дочь стрижет ему волосы в ушах. Любящая дочь – это прекрасно. Благодаря мне он вспомнил своего одноклассника вне обычного регламента. Шимон Маркиш, вообще говоря, тут ни за чем не нужен, это ружье, обещаю вам, точно не выстрелит, но раз уж он неожиданно, к моему удовольствию, залетел в текст, я хочу его сохранить, я не был с ним знаком, но мне приятно произнести его имя, тем более дружески-фамильярное «Симка», я не склонен превращать его в безымянного восьмиклассника, замечательного только своим волосатым ухом.

У нас с Маркишем был общий приятель, Витя Хинкис, – переводчик Джойса, Фолкнера, Гамсуна и многих иных классиков. Он умер почти четверть века назад. Во времена Славы Капэсэс я постоянно слушал Би-би-си; это сейчас я перешел на «Свободу», а тогда было Би-би-си с прекрасным голосом Анатолия Максимовича Гольдберга, перемежаемое время от времени «Голосом Америки» и «Немецкой волной», «Свободу» забивали наглухо. Летом, когда окна были открыты, соседи тоже могли присоединиться. Витя подарил мне большую фотографию, чтобы я приклеил ее возле окна – вызывающий к благоразумию знак: на черно-белом, темном фото было запечатлено его удесятеренное ухо – амбивалентное ухо друга и в то же время подслушивающего врага: гигантская, с фонтанчиком волос, ушная раковина казалась самостоятельным живым существом, в ней было нечто пугающее, я так его и не повесил.

Новоженов настаивает, что волосы в ушах начинают расти в старости, Берн относит это интересное явление к завершению юности, пример Маркиша говорит, что обильный волос в ухе может явиться еще раньше.

Новоженов подарил мне свой последний сборник^[4], я открыл главу с подзаголовком «Из записных книжек» и с неослабевающим интересом еще раз прочел знаменитую сентенцию. На том же развороте я прочел много иных интересных мыслей:

«Всего одна ставка, но зато главнокомандующего».

«После работы не пью, – объяснил дегустатор».

«Если я когда-нибудь напишу кулинарную книгу, она будет начинаться словами: “Если от вас неожиданно услыши гости...”»

«А во дворе Иван Иванович ласкает свой автомобиль».

Я предложил Новоженову трансформировать жанровую природу этого автоэротического пассажа – из прозы в поэзию:

«А во дворе Иван Иванович

Ласкает свой автомобиль».

Новоженов великодушно согласился: поэзия так поэзия – достал бутылку коньяка, и наше новорожденное знакомство обрело новое качество.

Мой приятель учился с Маркишем в 126-й школе – возле гостиницы «Пекин». Дело было после войны. Директора звали Иван Петрович Максимов, у него были усики, как у Гитлера, и трофейный «опель». «Опель» стоял во дворе школы, был стар, всё время ломался. Глянув в окно во время урока, можно было увидеть, как во дворе Иван Петрович ласкает свой автомобиль. В разных позах. Иван Петрович любил его – даже до забвения служебных обязанностей. В старших классах он ввел курс автодела, и объектом практических занятий был, конечно, его «опель».

Берн и Новоженев написали одно и то же, но они, конечно, написали разные вещи, у них разный смысл, разная эстетика – феномен Пьера Менара в классическом виде.

Новоженевская коллекция состоит из произвольно отобранных афоризмов, каждый из них автономен, самодостаточен, с соседями не связан, ни к чему не апеллирует, ни для чего не используется, смысл его – в нем самом, при этом каждый сам по себе необязателен, его легко заменить, легко изъять, отряд потери бойца не заметит. Точно так же неважна их последовательность. Имея большой запас афоризмов, можно составлять из них разные коллекции, у них будет разный состав, но одно (новоженевское) лицо.

Без волос в ушах книга его ничего не потеряет. Ровно то же самое можно сказать о ласковом Иване Ивановиче, о не смешивающем работу с досугом дегустаторе, о большой ставке, о ненаписанной кулинарной книге – словом, о любом из членов этого пестрого, разношерстного собрания: в огороде бузина, в Киеве дядька – накладывающиеся друг на друга голоса, обрывки разговоров, некая общая атмосфера, свойственная субкультуре, которую Новоженев представляет с обаянием и улыбкой, а улыбка естественным образом передается читателю, слушателю, зрителю. Книга закрыта, телевизор выключен, а улыбка еще некоторое время остается: послевкусие – признак качества.

Почему человек улыбается, услышав «старость – это когда...»? Впрочем, улыбаются не все, на некоторых вид волосатого уха действует отталкивающе, но я говорю о тех, кто улыбается. Эффект возникает от редукции большого, эмоционально насыщенного явления до бессмысленной, но от этого только прибавляющей в выразительности мелкой частности, ты испытываешь чувство облегчения и разрядки: сейчас тебя треснут дубинкой по голове, треснули – дубинка оказалась закамуфлированным воздушным шариком. Катарсисом, конечно, не назовешь, зато смешно.

Подборка Новоженева держится не на тематическом единстве, которое демонстративно отсутствует, а на единстве улыбки, каждый новый афоризм эту улыбку поддерживает и передает дальше по цепочке. Улыбайтесь, могло быть хуже!

У Берна совершенно иначе. Всё, что есть у него в книге, взаимосвязано, инструментально, подчинено общей теме. Некоторые из его афоризмов прекрасно выглядят и автономно, но в книге они включены в единую систему и составляют единое смысловое поле.

«Его ум был полон ненавистью и сексом, потому что у него не было любви».

«Ни один мужчина не может быть героем для психиатра его жены».

«Последняя степень послушания. Мать всегда говорила ей, чтобы она берегла себя и носила резиновые сапоги, дабы не замочить ноги; кроме того, она говорила ей: “Чтоб ты провалилась”. Будучи послушной девочкой, она была в резиновых сапогах, когда упала с моста».

«Труднее отказаться от неудачи, чем от успеха».

«Тело – ваш друг. Не обращайтесь с ним, как с врагом».

«Некоторые мужчины похожи на снеговиков. Вы лепите из них образ, а потом он тает».

«Женщины с их таинственными путями. Ворчит и жалуется, а потом вяжет вам свитер и готовит ваших любимых дыпчат».

Берн, как видите, тоже не прочь, чтобы читатель улыбнулся, но, если для Новоженова улыбка – цель, для Берна она только средство.

«Один из признаков того, что юность уходит, – это когда у мужчины начинают расти волосы из ушей. Более весомый признак – когда за ленчем он начинает разговаривать о деньгах, а не о женщинах».

Моя реплика в разговоре со Штейнзальцем – хороший пример, как правильное (более-менее) цитирование может оказаться не вполне корректным, если утверждение вырвано из контекста. Почему в памяти застряли берновские волосы из ушей? Не столь уж само по себе интересно это физиологическое наблюдение. Всё дело в том, от кого оно исходит. Психоаналитик не должен отталкиваться от волос в ушах: это парадоксально, а парадоксы как раз запоминаются. На самом-то деле парадокс мнимый, он разрушается следующей же фразой. Старость – это кардинальное изменение взгляда на мир, волосы из ушей – так, вторичные возрастные признаки.

Занятно, что о деньгах и женщинах мы со Штейнзальцем тоже беседовали, причем, как вы сейчас убедитесь, ровно в том же ключе.

«М. Г. Женщины – это всегда и всем интересно.

А. Ш. Вы так считаете?

М. Г. Ну конечно, я так считаю! Но должен вам сказать, что в нынешней России есть тема, волнующая умы и сердца сильнее женщин.

А. Ш. И какая же?

М. Г. Разумеется, деньги! Ясное дело, деньги!

А. Ш. Если вы правы, это признак старения общества: в юности обычно волнуют женщины, в старости – деньги».

То же, что у Берна, а ведь когда мы с раввином разговаривали, я о Берне с его женщинами и деньгами даже не вспомнил.

Оппозиция «женщины – деньги» еще раз возникает в этом разговоре:

«I. A. çaiyôit, ÷oi á ðæi óáá áñòü ðaçáæ “Æáí ùeíú”, íí íàò ðaçáæá “Ááí úæ”.

А. Ш. Вообще-то обсуждение различных вопросов, связанных с деньгами, занимает в Талмуде большое место. Но вы совершенно правы: деньги не рассматриваются там как отдельная тема. Женщины – тема, а деньги – нет. Во взгляде на женщин и на деньги есть принципиальная разница. Ее можно проиллюстрировать двумя вопросами: “Как вы относитесь к женщине?” и “Что вы собираетесь делать с деньгами?”

М. Г. Некоторые ставят эти вопросы с точностью до наоборот.

А. Ш. Человек свободен в своем отношении к миру. Разумеется, можно относиться к женщинам, как к деньгам, а к деньгам, как к женщине. Можно и так. На мой взгляд, это свидетельство определенного душевного нездоровья. Мне не хотелось бы давать религиозную или моральную оценку, но прагматически это всё-таки ужасное сужение и обеднение жизни».

Разговор, фрагмент которого я процитировал, посвящен деньгам, женщины – сопутствующая тема. Книга Берна посвящена отношениям мужчин и женщин – никак не деньгам. Но вот деньги оказались упомянуты в одном ряду с волосами из ушей. Непосредственно за этой сентенцией следует еще одна, где речь опять о деньгах. В отличие от Штейнзальца Берн не противопоставляет деньги и женщин, а использует деньги как метафору, позволяющую лучше понять интимные отношения.

«Næñ äíææáí áñòü íàíææáíæáí äëý áñò ÷óáñóá: çðáíëý, ñéóá, íáííýíëý, áéóá, ðáí íáðáòóðíóò ðóóáíæé è ñíýçáíëý... Ýoi ææ ááíúæ: ííæá ó ááñ èó íáò, áñ ÷óáñóáíóá ñáý íáí-áñòíúí, ííæá íá ííéó-éóá èá. Íí èíáá ííé ó ááñ áñòü, áææíáá, ÷oi áñ ñ íeí è áææáòá, ÷áí ñéíéúéí èó ó ááñ è óí, ÷oi áñ ñ íeí è áææáòá, íáí áðæéááò, ÷oi áñ çá ÷æíáæ».

Нетривиальный ход. «Секс... это как...» Как что? Оказывается, как деньги. Достаточно неожиданно. С деньгами, надеюсь, вам всё понятно? Вот и с сексом то же самое. Нет, чтобы деньги объяснять через секс.

Соображение Берна о деньгах имеет ценность и само по себе – независимо от его инструментального использования. У Штейнзальца есть нечто похожее: «Деньги – это лестница. Подниматься по ней или спускаться, решает сам человек».

Отменный афоризм, но он требует небольшого комментария, как, впрочем, все афоризмы, не являющиеся банальностью. Я не думаю, что в общем случае человек так уж решает, подниматься ему или спускаться. Обыкновенно решение вне рефлексии, человек не думает о лестнице, он просто нечто, в соответствии со своими желаниями и (или) представлениями о жизни, делает и оказывается выше или ниже. Можно осознать это, увидав, к примеру, лес, который раньше был закрыт высоким забором, можно не осознать, а можно пребывать в иллюзии, что поднялся, хотя на самом деле спустился: человеческое сознание иллюзорно.

Берн видит ситуацию статически: то, как человек распоряжается деньгами, дает о нем представление. Деньги вроде градусника: определяют, здоров человек, болен ли, а если болен, насколько. Но градусник не лечит, хотя болезнь усугубить тоже не может.

Не так смотрит Штейнзальц. У него подход динамический. Конечно, в деньгах человек проявляется, но, распоряжаясь ими, он меняется – становится лучше или хуже, меняется постоянно, даже в том случае, когда к этому не стремится. Впрочем, всё это касается не только денег, но и любой вещи.

Для доктора Берна деньги определяют, на какой ступеньке лестницы стоит человек. По доктору Штейнзальцу, человек вообще не может стоять на определенной ступеньке: он либо поднимается, либо спускается. Мне только сейчас пришло в голову: ведь на лестнице Якова ангелы были в постоянном движении, ни на миг не останавливались, поднимались или спускались.

На самом деле позицию Берна я здесь грубо искажил, интерпретировал в невозможном для него духе. Оппозиции «выше – ниже», «лучше – хуже» – для него нерелевантны. Конечно, он не чужд моральных оценок, но область их применения резко сужена. И деньги, конечно, не лестница и не градусник. Деньги вы можете потратить самыми разнообразными способами, один не хуже другого, ваши траты (по Берну) свидетельствуют о характере вашего взаимодействия с жизнью, но они выстраиваются не по вертикали, а по горизонтали, на одной плоскости.

Еще один забавный пример совпадения Берна со Штейнзальцем.

Берн: «Банковская реклама по телевизору нередко изображает самый великий день в жизни того или иного человека – это день, когда для покупки дома идет в заклад заработок двух или трех десятилетий. Однако в тот день, когда дом уже оплачен, он не нужен будет его владельцу, так как он вполне готов для переселения в дом престарелых».

Штейнзальц: «Человек всю жизнь занимается морской торговлей. Он ввергает себя в пучину всяческих опасностей и бедствий, многообразно рискует и терпит всевозможные лишения. Но ему повезло: через тридцать лет он строит себе дворец, который простоит сто лет. Правда, теперь у него уже нет ни сил, ни здоровья. И жить-то ему осталось всего ничего. Ну разве он не сумасшедший? Конечно, сумасшедший! Но именно так и строятся дворцы. И не только дворцы».

Штейнзальц цитирует здесь Рамбама. Рамбам (Маймонид) – еврейский мыслитель, двенадцатый век. За прошедшие почти тысячу лет человеческая психология кардинальных изменений не претерпела.

Правда, это совпадение в значительной степени мнимое. Человек Берна как-никак прожил в купленном в рассрочку доме всю жизнь. Обустроивал его, делал частью самого себя, считал своим. Со всеми на то основаниями. Между тем человек Рамбама своим дворцом особенно не пользуется.

С другой стороны, кто сказал, что он строил помещение, где ему было бы удобно есть, спать и смотреть телевизор? Он создавал впечатляющий символ своей удавшейся жизни. Рамбам считает этого человека сумасшедшим, и тот действительно является таковым в определенной системе координат. Для Рамбама очевидно, что морской торговец превратил свою жизнь в средство предоплаты дворца – и только.

И только-то? Струя светлей лазури, пираты, всплеск адреналина, бури и упоение в бою, крушение судна, планов и надежды, был принят императором однажды и снова мрачной бездны на краю, в плаще купца, под ним и меч, и латы, вчера в шелках, гол как сокол сейчас, кульбит фортуны, раз! и золото в расставленных в подвалах сундуках – есть что вспомнить бессонными ночами, и что Рамбам? Рамбам пожал плечами.

К вечеру, когда спала жара, его выносили из зашторенных комнат в сад, сам он уже не мог ходить, сидел в увитой виноградом беседке, смотрел на такое близкое, рукой подать, под горой, и доступное теперь только взгляду море, вспоминал, приходил цирюльник, подстригал серебряную, не тронутую плешью голову, подравнивал бороду, выстригал из носа и ушей обильные волосы, – в отличие от человека Берна, умер в своем доме, не в доме престарелых.

У Берна и у Штейнзальца разные картины мира: Штейнзальц видит Б-жественное достоинство человека (при трезвом осознании его наличных несовершенств), Берн исходит из фрейдистского редукционизма (умудряясь при этом видеть в сердцевине каждого человека звезду). Нет ничего удивительного, что они не совпадают, а многие совпадения оказываются мнимыми. Гораздо интересней, что у них действительно есть немало совпадений. Что ж, в одни и те же места можно прийти очень разными путями.

Институт изучения иудаизма в СНГ под руководством раввина Адина Штейнзальца праздновал свое пятнадцатилетие. Вести вечер пригласили Льва Новоженова. Он был, как всегда, обаятелен и остроумен. Он сказал: «Лет двадцать назад я записал в своей записной книжке: “Старость – это когда волосы в ушах начинают расти...”»

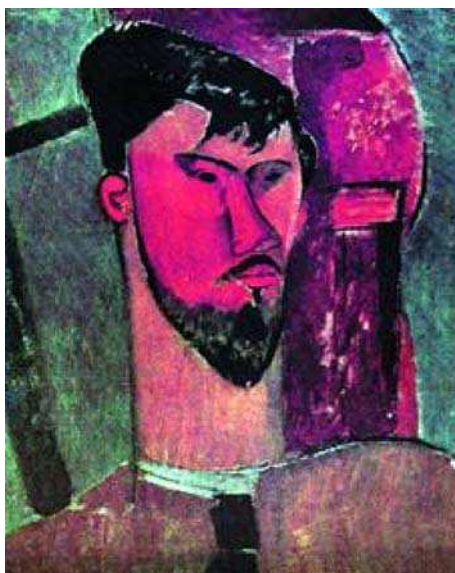
О КНИГЕ КЪЕРКЕГОРА «СТРАХ И ТРЕПЕТ» И О ПАТРИАРХЕ АВРААМЕ

Франц Кафка

Этот примечательный фрагмент письма, предоставленный для публикации Максом Бродом, распорядителем и издателем рукописного наследия Кафки, передает то же чувство, которым отмечены великие романы писателя, «Процесс» и «Замок», столь важные для мыслящего еврейства нашего времени: предельно серьезное отношение к препятствиям на пути к абсолюту – и одновременно ощущение иной реальности, в которой этих препятствий уже не существует.

Èç ìéíí à á-òò Ðíááðòó Èéíí-òòíéó

(í.é. 1920 á)

Неверующим в этом смысле я никогда не был, но я изумлен и робок, в голове роятся вопросы, как мошкара на лугу. Я, наверно, похож на тот цветок, что сейчас передо мной, на вид не вполне здоровый, хоть и тянет голову к солнцу – а кто же не тянет? – но втайне озабочен какими-то мучительными процессами в своих корнях, в своих соках, что-то там происходило и продолжает происходить до сих пор, но он неясно представляет себе, что именно, эта неясность для него тягостна, а он не может нагнуться, расцарапать землю, посмотреть, остается лишь подражать собратьям, держаться, что он и делает, хотя уже и утомлен.

Я мог бы себе представить другого Авраама, который – конечно, если не возводить его в патриархи и тем паче в старьевщики – готов был выполнить требование о жертве тотчас, охотно, как официант, но который, однако, не доставил бы жертву на место, потому что всё никак бы не мог отлучиться из дома, его ведь некому заменить, он нужен по хозяйству, что-то всё время надо приводить в порядок, дом еще не достроен, а пока дом не достроен, пока это его держит, он не может уйти. Об этом и в Библии говорится, там ведь сказано: «печется он о доме своем», и Авраам действительно жил до сих пор в полном достатке; не будь у него дома, где бы он вырастил сына и в какую балку воткнул бы свой жертвенный нож?

На другой день: я еще много чего надумал об Аврааме, но всё это старые истории, они не стоят разговора, особенно реальный Авраам, он всё имел изначально, его с детства к этому подводили, я тут не вижу скачка. Если он уже всё имел и его предполагалось вести выше, надо было у него, хотя бы для виду, что-то отнять, тут последовательность, а не скачок. Иное дело вышестоящие Авраамы, они занимаются строительством своего дома и вдруг должны отправляться на гору Мориа; чего доброго, у них еще даже и сына нет, а им надо принести его в жертву. Это дело невозможное, и Сара права, когда смеется. Так что впору лишь заподозрить, не умышленно ли эти мужи всё никак не кончали со строительством дома – и если

уж сослаться на очень высокий пример – прятали лицо в магическую трилогию, лишь бы не поднимать лица и не видеть горы, стоящей вдали.

Но вот другой Авраам. Этот хотел бы принести жертву по всем правилам и вообще всё ощущает как надо, но он не может поверить, что имеют в виду именно его, неприятного на вид старика и его сына, оборванного парня. Ему недостает не истинной веры, вера-то как раз у него есть, он бы принес жертву по всем правилам, если бы только поверил, что призывают его. Он боится, как бы, выйдя из дому в качестве Авраама с сыном, не превратиться по пути в Дон Кихота. Если бы мир видел тогда Авраама с сыном, он бы ужаснулся ему, этот же боится, что мир, взглянув на него, будет до упаду смеяться. Хотя боится он, собственно, не комизма самого по себе – впрочем, его он боится тоже, особенно что сам станет смеяться со всеми, – но еще больше боится он, что, став посмешищем, он окажется еще более старым и безобразным, а его сын еще более грязным и еще более недостойным действительного призвания. Авраам, который является незванным! Это можно сравнить с тем, как если бы лучшему ученику предстояло получить награду по итогам года, и вот в полной ожидания тишине со своей последней грязной скамьи встает худший ученик, просто потому, что ослышался, и идет под громкий смех всего класса. А может, он даже вовсе и не ослышался, его имя действительно прозвучало, в намерения учителя входило, наградив лучшего, одновременно наказать худшего.

Ужас – и хватит об этом.

Í î ò à è ñ ò ó Í î é í î ä ñ ä ä ä í è ÿ

ñ ÷ é í á í è é Ò ä í ò ä È ä ö è è, í î ä ä ò í ä é á í î ä

Ì ä è ñ ì Ä ö í ä ì ä è ÿ è ç ä ä ò ä è ñ ò ä ä «Ö í è é á í»

Í ä ä ä ä ä ñ í ä ä ä è í ä Ì ä ä ä ä Ò ä ä è ò í î ä ä

В ЧИСЛЕ СВИДЕТЕЛЕЙ

Ḥayyim Yééel

Ḥayyim Yééel (1930-1995) – ài àdecaínééé íeñàòáéü Á ñáéõ íðíeçáááíéyõ èñéáááò íðéðíáò çéà, ÷áüá áññá ðáññá àòðéááý, èéé íáúááíúá òáé è ÷ðáçñí-áéíúá ñáúòéý á éñí è-áñéí ðáéóðñá Ááòíð ðñí áííá «Áíñáéé» (1964), «Áóðííé ÷áéíáé» (1968), «Óíó Áééà Áéáñíá» (1971), (1976), «Áíéçááííá óáðñòáí» (1985). Èçñáé ááá ñáúðíééà ðáññéçáçá «Ḥíòáíðáíéá Áéáíááíá» (1972) è «Í éáéñí è óóðíééé, óóðíééé è í'éáéñí» (1986), éúáá áñíáéò è ðáññéçáç «Á ÷éñéá ñééáòáéé».

Звонок к завтраку его не разбудил. А вот администратор отеля, ведавший досугом гостей, разбудил. Он был наделен особым даром. Где бы он ни появился, тут же начинали гудеть гудки, звенеть звонки и заливаться трелью свистки. Не человек, а учебная тревога, подумал Премингер.

Премингер сфокусировал взгляд на серебряном свистке, болтавшемся на шее администратора, – этот сверкающий и звучный символ власти был приторочен к добротному и явно самодельному пластиковому ремешку.

– Лагерь «Кайахога»? – спросил он.

– Это что такое? – не понял администратор.

– Вы не ездили в лагерь «Кайахога»? Ваш ремешок напоминает мне цвета лагеря сезона сорок первого года. Лиловое с зеленым по полю белого пластика.

– Давайте-ка, милый мой, просыпайтесь.

– А я и не сплю.

– Вас, наверное, удивляет, с чего это вдруг администратор притащился к вам в номер?

– Все мы американцы, – пробормотал Премингер.

– Дело вот в чем, – продолжал администратор, – мне надо с вами кое-что обсудить. Только я хочу, чтобы вы поняли: Биберман не знает, что я здесь. Он мне ничего не поручал. Более того, узнай он, о чем я собираюсь с вами говорить, он бы меня, может, и уволил; только, Б-же ж ты мой, Ричард, это же семейный отель – надеюсь, вы понимаете, о чем я. – «Б-же ж ты мой, Ричард» – скорее так выразился бы какой-нибудь щеголяющий в майке тип из ИМКИ^[1], остерегающийся Б-житья. – Честно говоря, происшествие вроде вчерашнего может погубить такой отельчик, как наш. Крупному заведению – к примеру, как у Гроссингера, – это бы сошло. О нем бы забыли через минуту, нет, что ли? Вы, конечно, можете сказать, что это не мое дело, но Биберман был ко мне добр, и мне бы не хотелось, чтобы он пострадал. Он забрал меня из Джерси – я там выступал в клубах – и привез сюда. Я не хулю свою профессию, но, будем откровенны, можно до старости крутиться в шоу-бизнесе и выше театра «Гудзон»^[2]

так и не подняться. Он меня заметил, ему понравилось, что я делаю, и он сказал, если я поеду сюда, может, со временем и сумею сделать из своих лучших вещей мюзикл. И свое слово сдержал. Предоставил мне свободу действий. Дал, как говорится, карт-бланш. Полный карт-бланш, Ричард. Да вы и сами знаете, вы же слышали кое-что из моих куплетов. Согласитесь, вещи-то неплохие. В горах такое редко услышишь. Ну да, чуть фривольно, но ведь талантливо. Эта идиотка Эстелла петь не умеет, нет в ней шика, и мы оба это прекрасно понимаем, но материал-то каков, а? Каков материал!

Почему меня все всегда вербуют, подумал Премингер.

– И что же? – спросил он осторожно.

– Да я, – сказал администратор смущенно, – сейчас уйду, не буду вам мешать одеваться. Я только хотел сказать, что очень переживаю за старика, а заодно и предупредить вас: возможно, пойдут разговоры. Миссис Френкель и вся компания... Если что услышите, вы им рот затыкайте, ладно? Объясните им, что к чему. – Он развернулся и направился к двери.

«Что объяснить?» – собрался спросить Премингер, но не успел. Администратор уже вышел. Премингер слышал, как тот стучится в соседний номер. Там что-то зашуршало, кто-то прошаркал к двери. Он услышал, как повернулась ручка, скрипнули петли, тихо вздохнуло дерево – дверь открылась, администратор стал запинаясь, вполголоса извиняться, что-то объяснять. Пытаясь разобрать слова, он услышал, как администратор заговорил громче, увереннее и тут же перешел на заговорщицкий тон – окунулся в родную стихию. Наверняка сказал: «Строго между нами» – и многозначительно подмигнул, а то и ткнул собеседника пальцем в грудь.

Премингер откинулся на подушку и тут же забыл об администраторе. Через несколько минут он услышал второй звонок к завтраку. Это было последнее предупреждение Бибермана, и в нем снова слышалась неотложность пожарной тревоги. Премингер сказал однажды Норме, что, случись в отеле настоящий пожар и сигнал тревоги подали бы так же, постояльцы по привычке потекли бы в столовую. Ну, он бы в любом случае к ним не присоединился. Вечный одиночка Ричард Премингер, подумал он. Прочие постояльцы гуляли, играли, ели в едином яростном порыве, а на тех, кто держался в стороне, кто находил поводы не присоединяться к остальным, поглядывали с подозрением и даже с опаской. Даже в город, в кино ходили отрядами по десять человек. Он смотрел, как они набивались друг к другу в пикапы, в театре видел, как они угощали друг друга конфетами, орехами, жвачкой – передавали всё это по рядам. А потом вместе с Нормой наблюдал, как они сидят в кафе-мороженом, словно почетные гости на свадьбе, за столами, составленными по их требованию в один. Они бы, наверное, и любовью занимались все скопом, на огромной кровати, приговаривая между оргазмами: «Правда, замечательно? Ребята, правда здорово?»

Он решил – пусть демарш и незначительный, а всё равно приятно – не обращать внимания на звонок и прогулять завтрак. Сегодня с утра его снова, как и уже за несколько дней до этого, посетило знакомое чувство, и он не хотел его расточать. Это было чувство глубокого и истинного наслаждения: словно проснулся, а в ванную идти не надо. Поначалу он отнесся к этому состоянию с подозрением – как к внезапно вернувшемуся симптомам старой хвори. Но позже сумел его определить. Это было ощущение из

детства: так, внезапно и окончательно, просыпаются мальчишки, просыпаются и понимают, что в их жизнь вошло что-то новое. Он же – всё свелось к тому – был возбужден.

И он приступил к ежеутренней инвентаризации самого себя. Так он всегда отслеживал изменения в собственной топографии. Для начала он попробовал определить источник нового ощущения, но на ум приходило лишь очевидное: он уже не в армии и сумел вернуть то, что другие назвали бы свободой. Но он знал, что дело не в свободе, во всяком случае не в такого рода свободе. И уж конечно не в перспективах. Их у него не было. Но по ходу размышлений он понял, в чем, возможно, причина его радости. Планы у него весьма расплывчатые, но он молод и здоров. (Пожилые постояльцы отеля предлагали, пусть и в шутку, поменяться с ним местами.) Нужно лишь подождать – и что-то случится, когда подвернется что-то стоящее. Его ничто не связывает, можно просто отдаться течению, и удача сама приплывет ему в руки – как к жертве кораблекрушения, если повезет, подплывает спасительный обломок мачты. Словно бы он опять, как прежде, отправился путешествовать по незнакомым городам. Природа никогда не вызывала у него восхищения. Горный перевал был ему интересен, только если за ним находился город, а море – если был близок порт. В больших городах он бродил по старым улочкам, по трущобам и фабричным районам, заглядывал на сортировочные станции, в убогие проулки, где из окон выглядывали потерявшие надежду бедняки. Он заходил в обшарпанные подъезды и изучал имена на почтовых ящиках. Как-то раз, в сумерки, он бродил по кварталу притонов и ночлежек, и бродяги, подпиравшие двери, провожали его пустыми глазами, и вдруг кто-то схватил его за руку. Он обернулся и увидел старого бродягу, смотревшего на него с угрозой. «Денег, денег...» – прохрипел старик. Он замер в нерешительности и глядел на кулак, направленный на него. Он думал, что сейчас последует удар, но стоял не двигаясь, ждал, что будет дальше. В нескольких дюймах от его лица кулак разжался, открылась ладонь. «Денег, – сказал старик. – Благослови вас Г-сподь, сэр. Помогите бедняку. Помогите... Помогите...» Он не забыл той руки. Она была мягкой и на удивление вялой – словно это была рука богача. Бродяга начал рассказывать жалостливую историю о загубленной жизни, упущенных возможностях, понесенных утратах, совершенных ошибках. Он зачарованно слушал и всё смотрел не отрываясь на ладонь, так и зависшую в нескольких дюймах от него. Наконец рука дрогнула, потянулась к нему и наконец сомкнулась и безвольно опустилась вниз. Премингер был почти загнипнотизирован.

Разговор в соседнем номере на миг смолк. Затем один из собеседников подвел итог, а второй с радостью согласился. Договор был заключен. Дверь открылась, администратор вышел и, насвистывая, отправился дальше.

Вскоре он услышал в коридоре другие голоса и шаги. Должно быть, постояльцы отправились на завтрак. Он снова порадовался своей неожиданной причуде, и мысль о чем-то неожиданном в отеле Бибермана вызвала у него улыбку. (Он подумал о размеченном во дворе поле для шаффлборда^[3], о трещине в бетоне, что змеилась между полустертymi цифрами, о потрепанной теннисной сетке со ржавыми креплениями, о самом здании отеля – его лепнина среди здешних гор и лесов казалась старомодной и неуместной.) Это всё равно что вести себя неожиданно на Кони-Айленде. Есть места, он это знал, где за мнимую старину взимают дополнительную плату; здесь же должны бы давать скидку.

Он видел, с каким выражением лица вновь прибывшие выходили из гостиничного микроавтобуса. Они приезжали сюда – словно предатели, терзаемые сомнениями и не верящие в удачу, но в их сердцах теплилась надежда хоть на какую-то перемену, на внезапный поворот колеса фортуны. Впоследствии они шутили по этому поводу. Чего можно ожидать, говорили они, от горы, на вершине которой нет ни Бронкса, ни Бруклина. Что касается его самого, то он знал, зачем сюда приехал. Он наслушался рассказов – умеренно скабрзных – о скупающих пылких мамашах, о страстных тетушках, о молоденьких секретаршах, готовых распрощаться с девственностью.

В армии он общался с одним пареньком по имени Фил, мошенником-любителем, мечтавшим стать профессионалом, которого неодолимо тянуло в горы. Он хорошо запомнил один разговор – они тогда были на учебе, сидели вечером в гарнизонном магазинчике и скрашивали жизнь безалкогольным пивом. Фил спросил его, что он собирается делать после армии. Пришлось сказать, что он пока не знает, и Фил сначала даже не поверил. У него в голове не укладывалось – как это можно не подготовиться к такому важному событию заранее. Премингер задал ему тот же вопрос, ожидая, что тот будет мямлить что-нибудь про вечернюю школу, но Фил удивил его, изложив сложный и детально разработанный план. Нужно ему было только одно – «кадиллак».

– «Кадиллак»? – переспросил Премингер. – А где ты денег возьмешь?

– Нет, вы только его послушайте! Ты что думаешь, я всегда в армии служил?

– А чем ты раньше занимался?

– Чем занимался? Работал коридорным. Отель был в горах. В таких местах коридорный зарабатывает пятнадцать-шестнадцать сотен за сезон. А если умеет делать ставки, то еще сотен пять.

– Ты делал ставки?

– Сам – нет. Я был ну вроде как агентом у одного типа. И отпахал коридорным пять сезонов. На машину копил, понимаешь? И скопил достаточно. Даже на то, чтобы приодеться, хватит. Если у тебя белый «кэджи» – кабриолет с черной обивкой и золотыми ручками, в джинсах за руль не сядешь. Мне на один гардероб нужна тыща, не меньше. Отслужу, сяду в собственное авто и отправлюсь в горы. Там штук сто отелей. Буду ездить, пока не присмотрю девчонку, какая побогаче. Ее-то и подцеплю. Уж тут я развернусь, улавливаешь? Прокатимся с ней сверху до низу, по лучшим отелям – и к Гроссингеру заглянем, и в «Конкорд», где меня все коридорные знают, пообедаем в ресторане, договоримся встретиться вечером. Я за ней заеду, и мы снова отправимся по отелям: в горах ведь развлекайся – не хочу, и всё задаром, но тут я поутихну, начну вздыхать – вроде как мне грустно. Тут она наверняка спросит, в чем дело, так? А я поначалу отмахнусь, но буду всё мрачнеть и мрачнеть, ну и она начнет приставать – мол, что случилось, может, она что не так сделала или сказала... Ну, я наконец и выложу: «Знаешь, дорогая, не хотел портить тебе вечер, но, видно, придется сказать. Это всё “кадиллак”. Осталось внести последний взнос, и он наш. А я сижу на мели. Одолжил денег одному парню, а на прошлой неделе еще спустил пару сотен на скачках. Срок выплаты пропустил. Мне сегодня позвонили, сказали, если завтра денег не будет, “кадиллак” заберут. Да мне на это плевать, детка, но ты мне нравишься, и я же вижу, как тебе по кайфу в нем кататься». Сам понимаешь, девица на отдыхе, у нее в чемодане наверняка завалялось несколько баксов. Рано или поздно она обязательно скажет: «Может, я тебе одолжу? Сколько нужно?» Я ей скажу, что это полное безумие, она меня совсем не знает, к тому же нужно мне около шестидесяти долларов. Тут она, естественно, обрадуется, что не больше, и из кожи вон вылезет, лишь бы мне их всучить. Она что подумает: если я возьму у нее шестьдесят баксов, выходит, мы вроде как помолвлены. Штука вот в чем: для надежности мне обязательно нужно уложить ее в постель. Это гарантия, что потом она меня искать не станет. Для таких девиц репутация – первое дело, а я ее репутацию могу здорово подпортить. Легко и быстро. Схема простая. На следующий день я еду в другой отель. Если повезет, могу весь сезон продержаться. Ну а зимой махну в Майами.

Премингер улыбнулся, вспомнив, с каким пылом вещал Фил. Идея исключительная, и надо смотреть в оба – не появится ли в окрестностях белый «кадиллак»-кабриолет. Но важно другое: к этому чудовищному плану Фил пришел путем серьезных размышлений, и это были размышления человека, который изучил свою топографию от и до и все знаки судьбы видел в истинном свете фар «кадиллака». План мог сработать. Он был по-своему, по-чудовищному, вполне осуществим, и Премингер подбодрил Фила. И хотя сам он, разумеется, приехал не за деньгами, но надеялся, что и ему кое-что перепадет. Одним словом, он мечтал трахаться на еврейский лад, трахаться и трахаться, мечтал забиться. Но прежде ему никогда не приходилось забиваться, и сейчас ему это не очень-то давалось. Уверен он был лишь в одном: это было ему по душе.

Что ж, подумал он, продолжая милую утреннюю игру, я хотя бы в новом месте, и Норма есть.

Он вспомнил про Норму, и это вызвало очередной прилив беспокойства. Слишком уж просто оказалось воспользоваться ее безрассудством. Она ведь была чуть ли не последней представительницей своего племени – секретарша на отдыхе, перезрелая весталка, единственная девушка в своем окаянном семействе, которая не прошла в Бронксе по усыпанному цветами проходу, в разгар пиршества по четыре доллара за гостя, к пределу мечтаний – к увитому цветами навесу, где поклялась бы хранить то, что подразумевается под верностью. Краса – где верность, верность – где краса, вот знание всё и всё, что надо знать^[4]. А Норма, подумал он, достигнув критического возраста, перепробовала все другие способы, находилась одна на танцы в спортзал при еврейской школе, проработала «Журнал медицинской ассоциации» за апрель, чтобы поддерживать интеллектуальную беседу с племянником подруги матери, потливым интерном из Бельвю^[5], прекратила брить подмышки, поскольку это больно, и наконец решила забиться – под кровом Бибермана, в объятиях Премингера.

Он потянулся. Пошевелил под простыней пальцами ног, понаблюдал за тем, как бугры и выступы, как горные кряжи, вдруг пришедшие в движение, меняют очертания. Солнце полосами освещало его грудь. Он встал с нагретой солнцем постели, и дольки света, проникавшего сквозь жалюзи, скользнули вверх по его телу.

Начав одеваться, он заметил, что нижняя часть окна открыта. Он осторожно подошел к нему и потянул за шнур, чтобы опустить жалюзи и загнать свет вниз. Заметив группу постояльцев у пустого бассейна, он замер. Вспомнил таинственные намеки администратора и вздрогнул, снова, помимо своей воли, освежив в памяти сумбурную и дикую сцену, так потрясшую всех вчера. Уж не в этом ли причина моего утреннего волнения, подумал Премингер.

Он немного знал девочку: они с матерью сидели в столовой неподалеку. Однажды он сказал Норме, что девочка прелестна. Ее смерть, вопли матери (сжатые ладони, беспорядочно метавшиеся взад-вперед – как у игрока, готовящегося бросить кости) напугали его. Он возвращался, держа в руке ракетку, с теннисного корта. И уперся в обгоревшие на солнце спины. Помогая себе ракеткой, он протиснулся вперед. Но, оказавшись во внутреннем кольце круга, увидев синее лицо девочки, обрамленное мокрыми светлыми прядями, отступил, поднес ракетку к лицу, загородив глаза. Люди, напившиеся сзади, не пропускали его, и ему пришлось смотреть, как миссис Голдстоун, мать девочки, сначала спрашивает у всех, как это могло случиться, потом молит, потом проклинает и наконец наклоняется к девочке и бьет ее по щекам. Он слышал, как она с мнимым спокойствием вконец обезумевшего человека, твердит мертвой девочке: «Просыпайся! Просыпайся! Просыпайся!» Он наблюдал за матерью – она нависла над девочкой, было в этом нечто непристойное – она напоминала человека, присевшего испражниться в кустах. Мать отчаянно боролась с пожарными, пришедшими забрать девочку, а когда они унесли нелепо подпрыгивавшее на носилках тело, он видел, как она пытается обнять мокрый отпечаток тела на бетоне. Когда из толпы к ней потянулись руки – ее пытались утешить, окружили ее, хотели выразить ей сочувствие, он отвел взгляд.

Он отшатнулся от окна. Несколько человек из вчерашней толпы снова собрались у бассейна. О Г-споди, подумал он, сколько можно лицедействовать!

Он узнал в толпе миссис Френкель. На ней был городской костюм, и видно было, что она запарилась и у пустого бассейна ей не по себе. Она что-то яростно втолковывала, в возбуждении не замечая, что ее огромная сумка летает туда-сюда вслед гневным взмахам руки. Когда она указывала на бассейн, луч солнца, отражавшийся от камней на ее массивном браслете, слепил Премингеру глаза. Он не слышал, что она говорила, но мог представить что. Ему уже приходилось присутствовать при ее выступлениях. Она напоминала лидера вечно оппозиционной партии.

И тут он заметил еще кое-что. Позади возбужденных постояльцев, столпившихся вокруг миссис Френкель, он увидел Бибермана – тот стоял поодаль, склонив голову на бок, и вид у него был обеспокоенный и сосредоточенный. Он походил на обвиняемого, который вынужден слушать в иностранном суде свидетелей, выступающих на незнакомом ему языке. Рядом с ним стоял мрачный администратор – адвокат, рвущийся в бой.

Он отвернулся от окна и закончил одеваться.

К главному зданию он подошел, когда остальные уже позавтракали и предались занятиям, которых им хватало до ланча. На веранде главного здания расселись в плетеных креслах-качалках картежники. Их тягучие, хриплые голоса были едва слышны. Изредка тихий шепот прерывался громким выкриком – кто-то делал ставку. Премингер уже ощущал липкую тягучесть долгого летнего дня. Он поднялся по ступеням и собирался войти внутрь и выпить кофе, но снова увидел миссис Френкель. Она разговаривала с какой-то дамой, та почтительно внимала ей. Он попытался проскользнуть мимо, но миссис Френкель успела его заметить. Она уставилась на него и не отводила взгляда. Он кивнул ей. Она едва заметно качнула головой – словно они с Премингером были участниками некоего заговора.

– Доброе утро, миссис Френкель, – сказал он.

– Ну вот, мистер Премингер, совсем недолго осталось, – ответила она многозначительно.

– Что недолго осталось?

Она обвела вокруг себя рукой – жест ее выражал глубокое недовольство всеми бибермановскими владениями.

– Вам разве не сказали, что я уезжаю? – произнесла она с расстановкой.

Премингер поразился ее самососредоточенности.

– Отдых закончен, миссис Френкель? – спросил он с улыбкой.

– Хорош отдых! – ответила она. – Неужто вы думаете, что я проведу у этого убийцы еще хоть один день? Ни за что! Я, знаете ли, много чего могу порассказать. Не надо быть филадельфийским юристом, чтобы понять, что здесь происходит. Хорош отдых! Кому такое нужно? Думаете, мой сын, услышав про это про всё, не сказал мне: «Мама, я заберу тебя отсюда по первому требованию»? А он у меня отличный юрист, он бы им задал жару.

На миг нахлынула знакомая волна паники. Он узнал и жесты, и голос – его затягивали в заговор, утверждали, что он и так в заговоре. Да пошла миссис Френкель к черту, подумал он. Но говорить этого не стоило – это бы выглядело как поза. А он хотел идти по жизни, обходясь без поз.

Миссис Френкель продолжала возмущаться, но в ее возмущение Премингер не очень-то верил.

– Какая наглость! – воскликнула она. – Нельзя допустить, чтобы это сошло ему с рук!

В окне за креслом миссис Френкель возник Биберман. Его огромная голова заполнила весь оконный проем. Вид у него был сердитый, но тон ласковый.

– Прошу вас, миссис Френкель, пожалуйста... – попытался утихомирить ее он.

Премингер проследовал в столовую.

Мальчишки, работавшие на кухне, уносили грязную посуду. Он подошел к одному из них, попросил кофе и сел за уже убраный столик. Мальчишка кивнул и отправился на кухню. Когда он распахнул темные двери, Премингер успел разглядеть залитую солнцем кухню. Он впился взглядом в пожилую повариху – та сидела на высоком табурете и, не выпуская изо рта сигареты, лущила горох. Двери тут же закрылись, но секунду спустя по инерции снова распахнулись, и он опять увидел повариху. Она обернулась к мальчишке. Двери сомкнулись, как театральный занавес.

Он повернул голову и заметил в другом конце столовой Норму. Она сидела с сигаретой в руке, пила кофе и наблюдала за ним. Он направился к ней.

– Доброе утро, – сказал он, садясь рядом. – Сегодня все так возбуждены.

– Привет, – сказала она.

Он потянулся поцеловать ее. Она отклонила голову, и он сумел лишь едва коснуться губами ее щеки. И в этот миг представил себя со стороны – словно увидел, как нависает над столом: ни дать ни взять – неопытный ныряльщик, неуклюже балансирующий на трамплине. Он поспешно сел. Пожал плечами. Разломил булочку, вынул мякоть.

– Миссис Френкель уезжает, – сказал он немного погодя.

– Да, я знаю, – ответила она.

– Катскильский^[6] минитмен^[7]. – Он усмехнулся.

– А что такого смешного в миссис Френкель?

Премингер взглянул на Норму.

– Да ничего, – ответил он. – Ты права. Через несколько дней, когда шум вокруг случая с Линдой Голдстоун уляжется, она добралась бы до нас.

– Мы не давали пищи для разговоров.

– Пожалуй, что не давали.

– Случай с Голдстоун... – сказала она. – Девочка погибла.

– Погибла, – согласился он.

– Случай... Ничего себе случай.

Он пристально посмотрел на нее. Лицо ее было непроницаемым. Она что, ждала от него выверенной формулировки?

– Ну ладно, – сказал он. – Пожалуйста. Случай с Голдстоун – извини, трагедия – заключается в том, что девочка утонула. Норма, это была нелепая случайность. А все вокруг ведут себя так, словно это не просто случайность. Даже ты. Мне вот если кого и жаль – кроме родителей, разумеется, – так это Бибермана. Ему одному есть что терять. Это может ударить его по карману, а для такого человека удар по карману порой смертелен.

Норма сверкнула глазами – так, будто он ее ударил. Никакой это не шок, она прикидывается, подумал он. Людей всегда потрясает утлость окружающего. Уличный торговец, у которого рассыпались яблоки, попавший под колеса пьянчуга, избитый гомик, вдова, голосащая у открытого окна, – их беспомощность пронзительна, их отчаяние безоглядно. Чего они хотят? Кидаются, как дети, к своим игрушкам, машинкам, солдатикам, орудуют ими, издают воинственные кличи, пытаются отпугнуть опасность и несчастье.

Он был в плавках. На ногах солдатские ботинки, в которых он демобилизовался. Ему так не терпелось на волю, что он не успел купить другой обуви, даже кроссовок, лучше всего подходящих для восхождений вроде сегодняшнего – на гору за отелем Бибермана.

Но пешая прогулка его не увлекала. Повернувшись спиной к каменистой тропе, что вилась по склону и уходила в лес, который он обещал себе исследовать, он взглянул вниз – туда, откуда пришел. Перед ним раскинулся курорт. Он никогда не видел его сверху, и вид отеля, затерянного в долине, его позабавил. Отель напоминал огромный павильон в парке отдыха. Премингеру показалось – стоит ему вернуться назад, он обнаружит в номере кривые зеркала в тяжелых желтых рамах. Или попадет в комнаты, где не действует сила притяжения, и чтобы не улететь под потолок, ему придется цепляться за мебель. Взглянув на фантастические шпили, торчащие как витые пирамидки заварного крема из слишком маленьких для них площадок, он представил себе, что Биберман на рассвете залезает на эти минареты и, прикинувшись муэдзином, вызывает к непокорным постояльцам. На лужайке перед отелем пестрели леденцовой расцветки зонтики от солнца. Они смотрелись гигантскими цветами, вымахавшими на обычной клумбе.

Он усмехнулся и перевел глаза на свое тело. Несколько мгновений он глядел, не понимая, что перед ним, но постепенно осознал, что это он и есть, вид ляжек – они даже на солнце почти не загорели – смутил его. Пробежал насмешливым взглядом по костлявым коленям и безволосым голеням, торчавшим из ботинок. Такую картину можно увидеть разве что в уборной. Рыхлые ляжки, бледные, слишком уж гладкие ноги, поросшие – как персики – лоснящимся пушком, выдавали его. Он самому себе казался неуклюжим и слегка беспомощным – наподобие жирных старух, что сидят на складных стульчиках на пляже, засунув отекшие ступни в мужские ботинки, которых они даже зашнуровать не могут, и шнурки переплетаются, как их пальцы, скрещенные из скромности на груди.

Да что я, собственно, делаю у Бибермана, подумал он. Его разочарование было сродни тому, которое испытывают путешественники, когда, арендовав машину в аэропорту, сняв номер и договорившись о доставке багажа, вымотанные и недовольные остаются, наедине в незнакомом городе, маются без сна на гостиничных койках и листают телефонные справочники в поисках знакомых фамилий. Чем он вообще тут занят? Он подумал о других отдыхающих и напомнил себе, что они тоже не всегда здесь живут, что их не наняли в качестве массовки специально ради него. Они, по-видимому, приехали из-за теннисного корта, бассейна, поля для гольфа на шесть лунок, ежевечерних шоу, карточной игры, столовой и компанейской атмосферы. А он, герой-любовник с жирными ляжками, в поисках забвения прибыл сюда, чтобы их удовлетворять. Да, раскатал губу, подумал он.

Он засомневался, стоит ли идти дальше, и обернулся посмотреть, сколько еще осталось. И снова взглянул вниз. Увидел уже осушенный бассейн. На дне, пятном на сверкающем белом кафеле, посверкивала последняя лужица воды. Солнечный зайчик попал прямо в него, и он отвернулся, прикрыв глаза ладонью.

– Я думал, вы меня не заметите, – произнес кто-то.

¹¹ *Èl Èà - Àíííüèàöèý í íèíáúð öðèíðèáí, íðáí èçàöèý, çáí èí áñüàýííý á ííí íáí íí íðáí èçàöèáé áííüá è íáó: áí èáí í íèíááæé.*

¹² *Áðí ááèííèèé òááòð, ðáíñááò èí òíðíá í ðèóáèííý í á 10-á è 20-á áí áí XX áíèà*

¹³ *Èáñá ñ í áðáááèæáí èáí èðæí: èíá íí ðàçí á: áí íí òí í èð.*

¹⁴ *Í áòí: í áý üèòáòà èç «Í áú áðá: áíííé ááç» Áæííá Èèòíà. (Ó Èèòíà: «Èðáíá - ááá í ðáááá, í ðáááá - ááá èðáíá».)*

¹⁵ *Áí èüí èüá Áæííáð í áðíáèòííý á Í üð-Èíðèá, í á Í áí öýò òáí á*

Ἄδωκε ἀντιθέε ἰπέει ἰὸ ὀάτῶ ἰὸῶα Β οἰεῦει + οἰ ἰδὲ οἰε ἰὸ ἰάτῶ.

Οὐ ἰ αἰῦ, ὀάτῆ ἄδωα Αἰ οἰεῖεῦεῖε. 13 ἰ ἄδὸ 1868 ἄ, ἄ Ἰ.

Ἰ ἄδὲ Ἀεῖ ὀάδωα (Ἰ ἰπέαἰῦ ἄπῖ ἄ).

Ἀεῖ ἰ

1897 ἄ ἄ

6

11 ἰ ἄεῦ (ὀάδωεῦ?) ἄ Ἰ.

Ἐπάξι ὑέ ἄδωα

Твои оба письма я получил. Извини, что не ответил. Причина та, что сравнительно с моей работой мое время слишком невелико. Но теперь я должен оторваться на часок, чтобы ответить на твои вопросы. Никакой золотой медали я не получил. Замечательно! Нет ничего в мире, что было бы для меня так невыносимо, как ложь. Жаль, что не могу тебе дать определенный ответ относительно дачи, потому что обстоятельства мои теперь очень трудные. Надеюсь, из следующего письма, которое напишу на будущей неделе, ты увидишь, что я прав, и не будешь удивляться. Итак, если хочешь, можешь ждать до следующей недели, когда напишу тебе точный ответ. Или делай, как сам знаешь, если из-за меня можешь потерять квартиру.

Ἰ ὀ ἰ αἰῦ, ὀάτῆ ἄδωα Αἰ οἰεῖεῦεῖε.

(Ἰ ἄ ἰάτῶ ἰὸ ἄ) Ἰ ἰε ὀ ἰ ἄδωα οἰ ἄπῖ ἰεῖ ὀ Ἀάδωεῖρ.

7.

Í íñíεάρ οάαα çàì εñεά, áñááí íφþ ì íá æοδὶ áεεñò ìì, ó εἰò ì ðíá ì áοñæ èοññ' ò áñ ááεἰ.

Áðæεáñεέ ἰñεἶñ ò áñæ ñáì ùá, òáεεά (íáðááæ) σάðçφ íò ì áñ, Áí ò ðεἰεῦñεἰά.

Èεáñ γεññ' ì íáì ó σòðεἰ ó è ñεάεε áì ó ÷ ò ì á ñááó ì ì ἰñεό-εò ἰñíεεά ἰñò ì ò ÷ ò ì ò ò, εἰ ì ó γ á ì áðááε, ááò áñ á ò ì ðεἰ εε. Í ðíεó ò áεεά εεáñ γò ùññ' ì íæ ñáì ùá

Следующие два письма, без даты, относятся, по-видимому, к 1869 году.

9

Èó-σέε Ááðáεἰ!

Èáε ì ε ðáεññ' γ ἰ ðεεò è è òááá, áñ - òáεε ì á ì ì á ðáñáðñ γ ἰñò ì æ ì á ò ð íá ç à ÷ ò áεῦñ ì á ì à εῦ-εεά, εἰ ò ðεἰ ε ἰ á ùññ' γ ε ñáñáì ó ðááá, ἰñ-áì ó ì ì òáεφ ì ááεþ ì á áúε á ðáááðá. «Áññεðáñá ùá áúε ááçáð ì úε ááññ - áñáðεε ó ì úε ì áεῦ-εε, - á ἰñíááεῦñεε Βίεε ñáε ἰñçáñ ì áεñ ì ó áúεñ ì áñ γ ðáçáúεεò ù.. Ἰ γò ì εά? Áá, ἰ γò ì εά.. Á ἰ γò ì εó γ æ áúεñ ἰñεáε á ðááá, ì á ò ù ñó ì εά ì í á ἰñá ì ùσέε ñ ἰ áñ ì ε ñ ò ðεἰ ì ú εάεá, ñ áðááε ἰ ñεεò ááñ ì εε. È γ æεá εάó! Ááðáá γáεγá ò ùññ' ἰ áεá ñ ááεá, ðγá-εε... ðááá, áñ áñ ç á áá ò á?.. Òáε áñ ò, γáεγá ò ùññ' ἰñá è áñ ò áá ò ù ááá ò ó ì áñ γ εάεá-. Β áñáφþ: «Çáááðε ò ááñ γ ÷ áð ì úε áñ! - è áð ñáþ æ ἰ ñεεò ááñ ì εε. - Èáε ò ù á ðáááð!» ðááá, ἰñá ì á ἰ ðεðíáεεá? Á-á, áñ ðáñá ò ùññ' æááε ì ò ì ò á!»

Áñεῦσά ì ε ñεἰ áá ì á ἰ ðεáááεþ. Ò ì ì úε ì áεῦ-εε æεá ì ò áá ò εε ç à ì áñ γ. Í ì áñ ò ÷ ò ì: ἰ-áñ ù áñ ç ì áεñ ì, ÷ ò ì γ ñáááñ γ ἰñγò ù ì á ááá ò áñ á, ἰñò ì ì ó ÷ ò ì ì á γò ì ε ἰ áááεá áúε ó ì áñ γ ñáðñá ì óçñεáεῦñ ùε εἰ ì ἰñεò ì ð, è ἰ ðεáááñε è ἰ áñ γ è ñááá ì á ñáááñ γ ì á ì óçñεáεῦñ ùε áñ-áð. Í ì ÷ ò ì εç ò ì á. Ááñ áá áñ á ì á ì á ò. Í ì ááðñ γ æ ñ ááðεáñ ì ì ì á ç áþ, ÷ ò ì ἰ ðεáá ò á ò ù, ì ò εáá á ù áñ ðá ò á ò ù ááñ áá ðáñ ù εá áðáñ á ì ε. Β ἰ áá ù áε áðá ò ó ἰ áεñá ò ó 10 ðáεáε ì á ἰ áñ ò, á ñ ðεἰ áñ áεþ ñáþ ἰñεó-ó á εó-σáñ ñεó-áá á ἰñíááεῦñ εε. ðáñ ù εá, ÷ áñ ἰñε è ì á ì ó áñεáá, æεá ì áñ ò ò ì εò εáñ ò ì ἰ áñε. ñεáεε, ò ðεἰ ò ì γ ò ì? Áñε è ì áá ò ù æáá ì εá ì εáçá ò ù áñεῦσφ áðæáó ì áεῦñ ò ðáñ ì, γ ἰñí ò ðεñε á ù ò ááñ γ, ÷ ò ì á ò ù áúε ò áε áñ áð è ἰññεáε ἰ áðááñá ì á 10 ðáá, á γ ò ááá ñ áεáñ áá ð ì ñ ò ùþ áñçáá ù ó ì ì ì á ðáñ ù εá ἰñíááεῦñ εεá. Í ì ááðñ ì ì á ì ó ñεἰ áá. ñáεáá ò ù γ ò ì?

Çáá ò ðá, ἰ ááá ð ì á, ááá ó ò ááñ γ è ἰ áðáñ ì þ ò ááá, ÷ ò ì áñεῦσó ó ñáðñá.

Òáñε áðáá Áí ò ðεἰεῦñεεε.

Ἐο-οεῖ ἀδαῖ Ἀδαεῖ

Ἀὶο -οἰ: ἡ ἀοῖ ἱαῖεῖαοῦ -οἰ, ἱαεὸ αὐοῦ ἱηεααὸ δα ἱαῖο ἁ ἱηεῖα Ἰοῖ ἱ ἱα ἔδαεῖα ἱαῖαοῖαεῖ ἱ ἁεῖ ἱαε δαῖοῦ. Ἰηοῖ αἰ ἡ ὀδαεεεεοδαεῖ ἱαῖαεῖ ἁῖα ὀαεῖ ἱαδαῖ, ἁεῖ ἰοῖο ἰδαεῖαο, ἱη, ἱηαεεε, ἱαῖ ἱα ἡαῖαο. Ἀἱ-αδῖοῖα, ἡ-αἱ αἱ ὀδαῖαῖ ἰδαεαεοῦ εἶαῖ ἡ ἡἱ ἱαῖαεῖαῖ ἡαῖο ἱαῖαῖ ἔ αἱ εἶα? Ἐ ἱηοῦ εἶα ὀῦ ἡἱ ἱηῖα ἁαοῦ ὀ ἱαῖ ἔ εεοῖαῖ ἁῖα ἱα ἔ ἱαο, ἁῖ ἔ ἡῖαῖ ἱα ὀαἱ ἡαῖοῖα Ἰ ὀεο ὀαῖ: ἁεῖ ὀηῖαῖ ἁῖ ἱαῖ ὀαδαεοῦ ἰοῖα ἰο ἱηαεῖ - ἡοἱ αἱεῖ αἱ ὀῖοῖ αῖ ἱαῖ ἱαῖεῖ ἡαἱ ἁ-αδαεῖα, -οἱ ἡ ἱηοῖαῖ ὀαεῖ αῖ εἶαῖ αἱ. ἱα ἁἱ ἱη ἱηῖαο, ἱαῖαῖ ἱα ἰδαεεῖ ἡαῖαῖ ἱαῖα-αδαεῖα -αἱ ἱα ἱαῖ ἡἱ ἱα. ἱεῖοἱ, εἶαῖ ὀαῖ ἡοῖ ἱαεοῖαῖ -αῖοῖαἱ!

Ἐαῖα Ἀθῖσίτῃ ἐς ἀδαῖα ἡαεαε ἱ ἱα ἔαῖαῖοῖα ἱ ἱηεῖαεεῖ ἱ εεεῖαῖα Ἰηεῖαοῖαεῖα ἐς ἱηεῖα. ὀαῖ ἡ ἱα ἱηαε. Ἐἶαῖ ἡαεαῖ, ὀῖαῖ ἱοῖοῖ ὀαῖαεεε ἱοῖαεαῖο ἱη ἡἱηοῖαῖοῖα ὀαεαῖ ἱα ἱαῖα-εε ἡ ἱηεῖα Ἀὶο εἶα ἡαῖοῖα ὀ ἱαῖ ὀαῖαεεῖα, ἁῖ ἰα -οἱ ἱηε-εε ἡ ἡαῖοῖα. xοἱ εἶαῖοῖα «Ἐἱεεεεε», ὀἱ ἰοἱηεοῖαῖ ἱαῖ ἡαῖ ἱε-αἱ ἱα ἡαῖ, ἱηοῖ ὀ-οἱ ἱα ἡαῖ, εἶαῖ εἶαε-εἱ ἡ αεῖαο ἁἱ εἱ αοῖ ἡαῖ ἱεῖαῖαῖ, ἔ ἱα ἡαῖ, ἡηῖαῖ ἡαῖοῖ ἡ ἱαῖ ἡαῖοῖα ἱοῖαο ἰοἱηεοῖαῖ ἡαῖ, ὀῖαῖ, εἶαῖ-ἱ, ἱαῖεοῖ ἱηεῖα ἡαῖ ἡαῖοῖαἱ.

ὀαῖαῖ ὀαῖαε δαῖεῖοεῖ ἱ ἡαῖ ἱηεῖα -οἱ ἱηε-ο 500 ὀαεῖα ἐς εἶαεῖαοῖα ἱαεε ἱεῖεῖαῖα ἱα ἱηῖαεῖαεῖα ἡαῖοῖα. Ἐς ἱ εἶεῖαῖοῖα, ἱαῖαῖ ἱα ὀαεαῖ ἱηε-ο ἱηοῖ ὀ-οἱ ἡ αἱε ἱηηηοῖαεῖα. Ἀ ἡ δαῖοῖ αῖαο ἡαῖ ἱηεῖα ἱηεῖα ἡα ἱαῖ αῖαο εἶα-εοῖ (Ἀεῖαῖ εῖ). ὀῖαῖ αῖαο εἱ αοῖ (αεῖεἱ ἱα) ἱεῖα-αεε ἐς ἡἱ ἱε Ἀεῖαῖ εε. Ἀἱα ἡοεἱ ἡ ἱ-αῖα ἡαῖεῖα, ἱηοῖ ὀ-οἱ ὀῦ ἱα ἡεαῖα ἡαῖαοῖα -οἱ ἰδα ἡαῖ ὀἱ ὀ ἱαῖ ἱα ἱοῖεῖαῖο ἡοῖεῖαεε. ἱηεῖα ὀῖοῖο ἱα ἡαεαοῖα Ἐαῖα Ἀθῖσίτῃ ἐς ἀθῖσίτῃ, ἱη ἱα ὀῖ-ο ἰοεεαοῖαῖ ἐς ἀθῖσίτῃ, ὀῖ-ο ἡαεαοῖαῖ ἐς ἱ δαἱ ἱοῖα

ἱαῖεοε ἱ ἱα ἡαῖα ὀαεἱ ἁ ὀαῖαῖ¹¹, ἱαεὸ αὐοῦ ἡαῖο ἔ ἱαἱ ὀ Ἀδαεῖαεε ἱηεῖα ὀαῖαε ἡἱ ἡἱ ἱαῖαῖ ἱα ἡαῖαοῖαῖ ἡοε ἱηῖαῖο ἱ ἱαε ἡἱ ἡἱ ἱηεῖα ἱηοῖαεῖαῖ ἡαῖα ἔ ἡ-αῖοεεῖα

ἱηε ἰοῖο ἱα ἡεαῖα ὀαῖαῖ ἰδαεαοῖα Ἐο-οα ἱαῖα ἱαῖοῖα, εἶαῖ αἱοῖα ἡαῖαῖ αἱηοῖαεε Ἐ ὀῖαῖ ἱα ἱαῖο- ἁ Ἀεῖαῖ ἱ.

Ἰὸ ἱ αῖ, ὀαῖε ἀδαῖ Ἀὶοῖεῖαεεε. 3 ἱηαῖοῖ 1870 ἁ, ἱαῖαῖαῖ

Наверное, остановлюсь в Петербурге (Москве?), в гостинице Кокорева. В Москве ее все знают. Если для меня получится письмо, мне его перешлют в Москву. Очень возможно, что из Москвы заеду к вам на несколько дней. Однако наверное не знаю.

Что не написано в газетах, я и сам не знаю. Но это мне безразлично!

* * *

На этом переписка обрывается. Через несколько месяцев после получения последнего письма от М. Антокольского В. Я. Барель умер.

«Ἀἱηῖα», 1904 ἱηαῖαῖ

¹¹ Δα-ἡ ἡαῖαῖ εἶαο ἱ εἶαῖ - οἱ ἱηοῖαῖ, εἶοἱοῖα ἡαεεῖ Ἀδαεῖαεῖ ἱη ἱηῖαῖο εἶοῖεῖαεε ὀ ἱαῖ ἰδαεῖαῖ ἱοε ἐς ἡαῖ εοῖ αδαῖαῖοἱ ἱοε εἱ ἱαε. Ἀὶοῖεῖαεῖαῖ ἰηηεε ἱαῖαῖο ἡ δαεεῖ ἱη ἡοῖ ὀ αεεῖ

¹² Δα-ἡ εἶαο ἱα ἔαῖαῖοῖα ἡ ἡηεῖαῖοῖαεῖ ἡεεῖα ὀἱοῖα Ἐ. Β. Ἀεῖοαῖα

¹³ Ἀδαεε ἡαῖεἱ αεεῖαῖ εἶαἱ ἁ ὀἱοῖαεε ἡαεεῖαῖ εἶοἱαῖ ε, ὀαεαῖ ε ὀἱοῖαεε αἱοεεαδαεοῖα. ἱηε, ἱη-αεῖ ἱη ὀ ἱαδαῖαεεῖαῖ εἶαῖα ἔ Ἀὶοῖεῖαεῖαῖ ὀἱηῖαῖεῖ ἱη ἱ-ἡεἱ ἱηαοῖα ὀοεεῖ ἀδαῖαῖ δαεεῖαῖ αἱηεοῖα

¹⁴ ἱ δαἱ ἱηηεε, ἀδαο Δαοεεῖ Ἀδαεῖα

БЕДНЫЙ ГОЛИАФ

(ÀÇÃËËÄ ÈÇÀÀÀÈÈÏÍÀ)

Ýòäèì Èèèíí

Ныне, три недели спустя, наши политические обозреватели могут проанализировать события с предельной объективностью. Факты таковы: близ приграничного города Сокхоф стояли лицом к лицу, в полной боевой готовности, две армии – израильская и филистимлянская. Напряженность достигла критической точки, и благородный подпоручик Голиаф возвысил свой голос, предотвращая кровопролитие. Но израильский охотник на львов, небезызвестный Давид, с еврейской брутальностью сразил миротворца.

Да, таковы факты. Эффективность операции в военном аспекте несомненна. Высокая гуманность и нравственность диктуют, однако, свое. Пускай Давид и те, кто его послал, предстанут перед судом!.. Признаемся как на духу: нам чужда ненависть к народу Израиля – пропади он пропадом! – мы хотим лишь стереть темное пятно в истории этого беспокойного племени.

Мы отнюдь не считаем, что на поле брани непременно господствует абсолютный паритет. Но порядочность взывает к какому-то минимальному равновесию! А в столкновении Голиафа с Давидом все преимущества – у израильтянина. Несчастный Голиаф влачил на себе шлем, кольчугу, щит, дротик, меч, копье – общим весом в 60 кг при серебряной отделке. Хитрый Давид, напротив, гол как сокол, то есть мобилен и свободен в движениях. Мощь и размеры Голиафа – четырехметровый рост и телесная массивность – вопиют к нашей жалости, превращая богатыря в беспомощного ребенка, захваченного врасплох внезапным нападением вероломного противника.

Историки, вероятно, будут спорить: а кто же был, собственно, зачинщик... Но мы, обозреватели и аналитики, свидетельствуем: за сорок дней противостояния воцарилась между обеими армиями особая атмосфера затишья и доверия с надеждою на дипломатическое урегулирование. Вдобавок медлительный тяжелоступ Голиаф – так сообщают источники – только еще встал, только размялся, только еще пошел навстречу... а Давид уже летел на врага с варварской стремительностью, намереваясь совершить акт жестокой агрессии.

Впрочем, дабы не впасть в пристрастность, послушаем верного оруженосца, что едва оправился от контузии – следствия ударной волны, всколыхнувшей окрестности благодаря могучему и безвременному падению ни в чем не повинного подпоручика.

– Голиаф сроду не нападал первым, – докладывает оруженосец. – То был добрый человек... такой юморной... любитель жизни с поэтической душой... клево играл на скрипке... Вот сидит он у козла, изрыгая гортанью грустную свою великанскую песню... рокочет-грохочет, как река на камнях:

Àäèè àí, àäèè!

×äèäý ñòíðíà...

Íèèèí ì áýíáëðàèè,

В èäèèíé ñèðíà!

Горемычный подпоручик сызмала нахлебался из-за высокого роста. Не терпел войну, ссоры, драки... И с этим рыжим поладил бы. А если, блин, ругал еврейского Б-га, то просто к слову пришлось... Мечтал накормить птиц небесных и зверей полевых... Но теперь, – вздыхает оруженосец, – теперь уже не получится... Никогда!

Крестьянская наивность Голиафа несравнима с холодным расчетом ратоборца-горожанина, накануне боя выклянчивающего вознаграждение: «Что будет тому, кто убьет Филистимлянина?» Практичный Давид одержал победу, используя неконвенциональное оружие, которое долго и тщательно

выискивал, собирая на берегу ручья. И, судя по хвастливым речам, опирался в высоких сферах на чью-то влиятельную поддержку...

Сам поединок (излагая политкорректно) не украшает народ Израиля. Как ни крути, Давид вел себя, мягко говоря, позорно. Вряд ли изгладится из нашей памяти истеричный тип, издающий гортанные вопли, что подтверждают древнюю филистимлянскую мудрость: «молчание – золото»... Гремит устрашающий боевой клич, и гигант-богатырь замирает в полубморочном бессилии. Меч опускается на беззащитную шею. Раз, и другой, и третий. С патологической страстью к убийству. А по склонам гор ликует евреи, заходятся в зверином оглушающем хохоте. Потрясающая сцена: добивают раненого, поверженного человека. Сладострастно и мстительно отсекают голову... Вот она (в рамках политкорректности), еврейская воинская доблесть!

Ничего удивительного, что «победители» набрасываются на трофеи. Огромными караванами транспортируют награбленное в Иерусалим. Эту необузданную распущенность (а попросту – мародерство) не оправдать никаким военным упоением, и мы, обозреватели и аналитики, переключаем внимание международной общественности на побежденных, всем сердцем сочувствуя гуманистам-филистимлянам. Образ незлобивого подпоручика Голиафа становится трагическим символом. Филистимлянский солдат Свободы сражен в безнадежном бою, распростерт на поле битвы, попраный и униженный. Его голубые глаза устремлены в жестокое небо с немим укором: «За что? За что?»

Безутешная вдова, госпожа Фредерика Голиаф, как мы видим на телеэкране, пока не пришла в себя от тяжелого потрясения. Ее окружают четырнадцать детей мал-мала меньше – сироты могучего подпоручика, с простодушием рассудившего, что пробил час великого освобождения оккупированной Палестины.

– Мы остались без отца и мужа, – поведала госпожа Голиаф тихим голосом. – Нам тяжело без кормильца. Ведь личное имущество мужа досталось бандиту... Нет, я не жалею, стараюсь не проронить ни слезинки... Но когда крошки спрашивают: «Где папа Голиаф? Он уже убил всех евреев?» – материнское сердце разрывается на клочки. Даже тело моего мужа не вернули убийцы, а равнодушный мир и пальцем не шевельнет.

Мы склоняем головы...

Колесо истории прошло по маленькому филистимлянскому народу. Победа Давида есть победа низменной грубой силы над высшими духовными ценностями. Подпоручик Голиаф, жертва аморальной агрессии, останется на летописных скрижалях столпом героизма, олицетворением маленького человека в противоборстве с изощренной иноземной военной машиной.

Ī āāāā ā ēāē āā

Ī ēāē ēā Ēēī ēēī ā

СВИНЬЯ В АПЕЛЬСИНАХ

Яков Шехтер

Окончание. Начало в № 5, 2005

Реб Шлойме нырнул еще раз и вдруг вздрогнул, прямо посередине погружения. Свинья выбила его из колеи, и он позабыл, что сейчас обязан находиться в центре Рамат-Гана. Два дня назад он договорился о встрече с поставщиком, и сегодня они должны выбрать товар.

Реб Шлойме резко выпрямился и полез из миквы. Поручни, прежде казавшиеся ему горячими, теперь приятно охладили руки. Войдя в раздевалку, он прошел к тому месту, где оставил одежду и с ужасом обнаружил, что оно абсолютно пусто.

О миква! Есть ли еще на свете столь универсальное средство исправления заблудших! Воды твои очищают души от налипшей скверны, а раздевалка наставляет тела на путь истины.

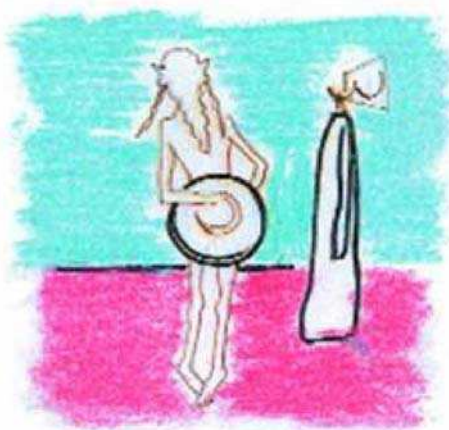
В Бней-Браке нет полицейского участка, да и сами стражи порядка сюда не часто заглядывают. В городе не грабят, не убивают, не насилюют и не воруют, если и происходит иногда нечто подобное, то лишь благодаря заезжим гостям, решившим попастьись на спокойных лугах религиозного города.

В полицию здесь не принято обращаться, разве в самых крайних случаях, поэтому отыскать управу на потерявшего чувство меры соседа довольно трудно. И на помощь приходит миква, вернее ее раздевалка: врата надежды и спасения.

Когда выходящий из бассейна нарушитель спокойствия не находит на крючке своих брюк, он не думает о краже. Кому, ну кому в самом-то деле нужны брюки, в которых ходят в микву?! Исчезновение брюк есть сигнал, предупреждение: остановись, человеке, оцени и взвесь свои деяния, наверное, ты в чем-то не прав.

Брюки быстро находят, обычно их вывешивают за дверями миквы, дабы входящий понимал – здесь совершается правосудие.

Если же исчезновение брюк не оказывает своего целительного воздействия на заблудшую душу, в ход идет более действенное средство, такое, как исчезновение всей одежды. Если же и этот знак остается втуне, обращаются к «стражам скромности».

– Кто они, загадочные «стражи скромности»? – спросит заинтригованный читатель. – Что за таинственная организация, стоящая на пути беззакония и разгильдяйства?

Увы, не на все вопросы существует открытый ответ, есть стороны жизни, вынужденные пока оставаться в тени.

Исчезновение одежды, да еще всей сразу, означало полный крах самоидентификации реб Шлойме. Его представление о месте в обществе, казавшееся еще несколько минут назад достойным и незабываемым, стремительно испарялось, исчезая в прохладном воздухе раздевалки подобно пару.

«Свинья, проклятая свинья!» – мысленно завыл он, устремляясь к двери, ведущей на улицу.

Выходить наружу реб Шлойме, конечно же, не собирался; появление голого мужчины плохо согласуется с нормами скромности и приличия, но высунуть голову и глянуть, не висит ли там его одежда, не запрещает ни Тора, ни постановления раввинов.

Он подошел к двери, протянул руку к замку и... поскользнулся. Рука, совершив волнообразное движение, уткнулась в вешалку и, попав на чью-то шляпу, сдержала падение. Шляпа, разумеется, превратилась в плоский блин.

«Ах, как нехорошо, – думал реб Шлойме, пытаясь придать ей прежнюю форму. – Просто свинство!»

Перевернув шляпу, он поискал имя хозяина, обычно выведенное несмываемой тушью на подкладке и, к величайшему удивлению, обнаружил там собственную фамилию.

– Идиот! – со злостью подумал реб Шлойме и топнул ногой. – Перегрелся в микве и позабыл, где раздевался. Идиот!

Простим нашему герою лексикон, не совсем подходящий внешности, возрасту и месту проживания. В конце концов, обращался реб Шлойме к самому себе, да к тому же мысленно. Но если всё ж таки у нас найдутся критические мысли и конструктивные предложения, давайте в первую очередь обратим их на самих себя, а уже во вторую – на литературных героев.

Быстро набросив кипу, отерев руки и лицо и с трудом натянув прилипающие к телу трусы, реб Шлойме вытащил из кармана капоты сотовый телефон и набрал номер поставщика. До условленного времени встречи осталось пять минут, можно извиниться и замять оплошность. Но телефон не отвечал, реб Шлойме еще раз набрал номер, еще раз недоуменно послушал длинные гудки и спрятал телефон.

«Видно, что-нибудь стряслось», – подумал реб Шлойме. Поставщик славился своей обязательностью и просто так не отвечать на звонок клиента не мог.

Спешить теперь было некуда, реб Шлойме тщательно вытерся полотенцем, оделся и двинулся к дому Ребе. Сотни разных мыслей осаждали его голову, но реб Шлойме отгонял их прочь, настраиваясь на главное.

К Ребе не приходят в духовном смятении. Хасид идет к Ребе, как первосвященник в Святая Святых, ведь встреча с Ребе, – это почти встреча с Высшим Началом! Через глаза Ребе на хасида смотрит Вечность, а его языком двигает Провидение.

Секретарь Ребе оторвал голову от книги, и взглянул на реб Шлойме. Толстые линзы увеличивали его зрачки до неправдоподобных размеров, человек, впервые приходящий на прием, пугался уже при одном виде секретаря.

– Ребе сейчас занят, – сказал он, неодобрительно рассматривая реб Шлойме. Судя по выражению его лица, посетители, безостановочно толпящиеся в приемной, лишь отвлекали Ребе от важных дел. – Придется подождать.

Реб Шлойме покорно кивнул и опустил в кресло. Ребе всегда занят, за всю свою жизнь реб Шлойме только один раз попал на прием без долгого ожидания; Рахель рожала двенадцатого, и нужно было срочное вмешательство врачей, а делать операцию без совета Ребе хасид никогда не согласится.

Оставим же его сидящим в приемной, нервно покусывающим кончики усов и припоминающим возможные прегрешения. Неважно, что скажет ему Ребе, жизнь сложна и многогранна, и каждому мудрецу найдется о чем поговорить. Главное – как воспримет его слова тот, кто пришел за советом. Быть хасидом на самом деле куда сложнее, чем быть Ребе. Но за нашего героя можно не беспокоиться: указания Ребе он исполнит до последней точки, до самого конца острой завитушки буквочки «юд».

А в это время... Обидно сознавать, что самые эффектные приемы повествования давно затерты до дыр, и рассказчику приходится рассыпаться мелким бесом, дабы найти им замену. И вместе с тем множество непрестанно повторяющихся идиом до сих пор не превратились в трюизм. Сколько ни повторяй: «пропади оно всё пропадом» или «Г-споди, помоги», никому в голову не придет упрекнуть тебя в банальности. Давайте же отставим в сторону условности, придуманные критиками, и посмотрим, что же происходило в это время на главной улице Бней-Брака.

Незадачливая посетительница мясной лавки шла, с трудом удерживая слезы. Нет, слова реб Шлойме ее не задели, тем более что их смысл остался для нее сокрытым. О вреде и бессмысленности религиозных запретов она тоже не думала: ее мнение сформировалось много лет назад, в агитбригадах «Синей блузы».

Но почему всё время «она» да «она»? Давайте назовем имя героини в полный голос и еще раз оглядим ее всевидящими глазами повествователя.

Итак, она звалась Соней, роста была среднего, худощава, двигалась легко и грациозно. Платье из чуть выгоревшего голубого ситца ладно охватывало фигуру, коротко подстриженные седые волосы создавали вокруг головы подобие сияния. О возрасте женщин говорить не принято, поэтому и мы не станем произносить его вслух, отметив лишь, что вторая цифра в нем была шестеркой, а первая недалеко ушла от второй.

Приехала Соня из деревушки в Восточной Сибири, название которой ничего не скажет читателю, где преподавала русский язык и литературу, вырастив несколько поколений любителей поэзии. Из всех поэтов, после Пушкина, Соня выделяла Ивана Бунина и часто на уроках читала его стихи. Здоровье, кроме небольшого покалывания в желудке, позволяло о себе не думать. Маленькая точка, притаившаяся на слизистой оболочке, через несколько лет обратится в большую проблему, но к нашему рассказу она не имеет никакого отношения.

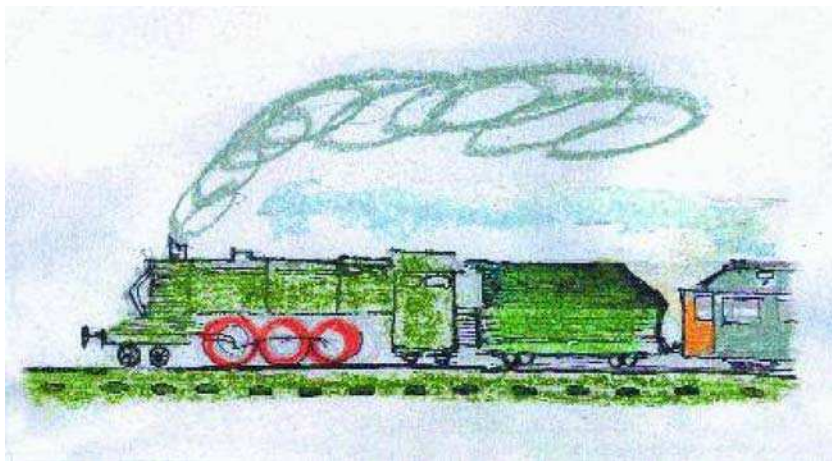
В Израиль Соня попала вместе с мужем Артемом. Вы спросите, как из безымянной сибирской деревушки оказываются в Бней-Браке? Я скажу вам, я отвечу. Иначе для чего, собственно, мы затеяли разговор...

В тридцать шестом году начальника Н-ского военного округа вызвали в Москву. Округ располагался далеко за Уральским хребтом, и его размеры, особенно по тем безсамолетным временам, казались необозримыми.

В Москву начальник округа отправился на бронепоезде, вместе с двенадцатилетней дочерью.

«Командировка – прекрасная возможность показать ребенку столицу», – думал начальник округа, прислушиваясь к мелодичному позваниванию стакана в подстаканнике.

Чай – крепкий, рубинового цвета напиток давно был выпит, за окном шелестела темнота, и мысли, которые начальник гнал от себя последние месяцы, потихоньку завладевали его сердцем.

Предчувствие – так на языке людей именуется последняя, не закрытая до конца связь с Высшим началом. Своими поступками, словами и мыслями закрывает для себя человек диалог с Первоисточником, собственными руками возводит бетонную стену, сквозь которую мысль не пролетит и крик не пробьется. И только предчувствие – узенькая щелка, оставленная по милости Всевышнего, позволяет уловить запах чернил Небесной канцелярии.

– Сонюшка, – позвал начальник округа, – сядь возле меня.

Девочка послушно отложила книгу и пересела из глубокого кожаного дивана на стул рядом с отцом. Она дорожила каждой минутой отцовского внимания, редкой радости ее одиноких будней. Мать Сони умерла при родах, отец, бесконечно занятый на службе, появлялся дома только поздно вечером. Воспитывали девочку школа, домработница и книги, которые она читала взахлеб, погружаясь в смутный мир теней по самую макушку.

– Со-ня, – произнес отец, словно проверяя каждый звук ее имени. – Со-ня. Давно хотел тебе рассказать, но не получалось. Ты уже большая, взрослая девочка, вот, послушай.

В начале Гражданской меня ранило, рана быстро затянулась, но навалился тиф, а за ним подоспели белые. Наш госпиталь оторвался от частей и застрял в Ковне. Когда появились казацкие разъезды, охрана сбежала, бросив подводы с ранеными прямо на улице. Я плохо помню, как всё произошло: шел снег, у меня был жар, и я не мог даже смахнуть снежинки с лица, они таяли, и прохладные струйки затекали за шиворот. Наверное, я бредил, скорее всего на идише, или повторял молитвы, вызубренные в детстве. Это меня и спасло.

Проходившая мимо девушка услышала мое бормотание, побежала за отцом, и они перенесли меня к ним домой. Спустя несколько часов не успевших заморзнуть раненных изрубила в куски казачья сотня.

Начальник округа посмотрел на дочь и вздохнул.

– Ты знаешь, как меня зовут?

– Конечно! – удивленно откликнулась девочка. – Семен Иванович, разве я могу не знать?

– Мое настоящее имя Шлойме, Шлойме Исаакович. Так меня называли в честь деда. И тебя я назвал тоже не просто так.

Девушку, что спасла меня, звали Соней. Я прожил в их доме до весны, пока полностью оправился от болезни. Она ухаживала за мною, словно за самым близким человеком, и в конце концов произошло то, что часто случается в таком возрасте.

Начальник округа замолчал и испытывающе поглядел на Соню.

– Вы полюбили друг друга? – подсказала девочка.

– Да, – с облегчением вздохнул начальник. – Хорошо, что ты уже всё понимаешь.

Мы очень хотели пожениться, но отец Сони даже слушать не хотел. Их семья была религиозной, а я, юный безбожник, совсем не вписывался в его представление о зяте. Наверное, нужно было просто убежать вместе, но Соня не могла ослушаться родителей.

– Пусть закончится война, – решила она после долгих колебаний. – Если и тогда отец не согласится, уйду вместе с тобой.

Война закончилась, и Соня оказалась в Литве, а я в РСФСР. Мои попытки разыскать ее через наше посольство ни к чему не привели, но я не успокаивался, писал, навёл справки до тех пор, пока меня не вызвал командир дивизии и прямо не предупредил, что эти поиски до добра не доведут. А потом, потом я встретил твою мать, и всё изменилось. Но имя тебе я выбрал не просто так, понимаешь, не просто так.

Начальник округа отвернулся и долго смотрел в темноту за окном.

– Прошлой ночью я видел во сне своего деда, – наконец произнес он. – Того самого, Шлойме. Он сказал мне, что мы скоро увидимся.

Девочка недоуменно повела плечами.

– Ерунда это, папа. Сны – поповские выдумки. Скоро мы перекуем наше сознание и перестанем видеть сны. Лег и встал; свежий, готовый к новому дню.

– Да, конечно, – вздохнул начальник округа. – Конечно, ты права. Наверное, я просто устал. Пойду отдохну. Спокойной ночи, Сонюшка.

– Спокойной ночи, папа.

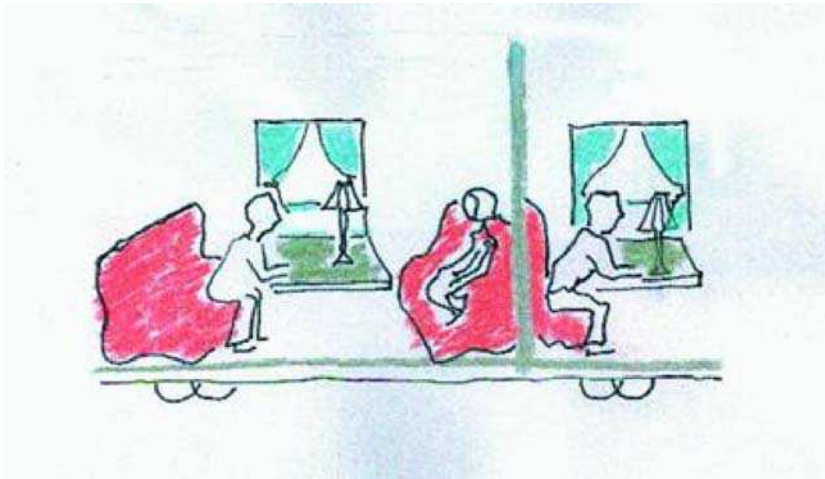
Возле двери начальника остановил голос дочери:

– Папа, а почему ты не назвал меня в честь мамы?

– Это было бы слишком тяжело, дочка, – ответил начальник и вышел из купе.

Придя к себе, он уселся на диванчик, уронил голову в руки и надолго задумался. Он думал об ограниченности человеческого сердца, не способного вместить больше одной любви, о жене, не сумевшей заполнить пустоту, возникшую в его душе, о дочери, в которой совместились две женщины: одна – любимая и вторая – единственная. Он слишком мало занимался Соней, пытаясь остудить сердце пеной ежедневных забот, а в результате... В результате ему не о чем говорить с собственной дочерью.

«Ничего, ничего, – успокоил себя начальник, укладываясь на диван. – Всё еще можно переменить. С завтрашнего дня, да, прямо с завтрашнего дня он начнет уделять Соне больше времени. Она еще маленькая, всё еще можно переменить. Ничего, ничего...»

Разбудил его резкий стук в дверь. За стеклом по-прежнему стояла темнота, но вагон не покачивало, значит, поезд остановился на каком-то полустанке.

– Извините, – командир бронепоезда выглядел растерянным. – Тут вот, – он указал подбородком на трех человек в форме. – Говорят, что за вами.

Что случилось с отцом, Соне неизвестно. Возможно, где-нибудь в архиве хранится его дело с подробностями следствия и тюремной фотографией, у нее же, кроме короткого сообщения о реабилитации и детских воспоминаний, не осталось ничего, совсем ничего.

После ареста отца Соню перевели в детский дом для детей врагов народа, квартиру со всеми вещами конфисковали. О нескольких годах, проведенных в этом учреждении, Соня старалась не вспоминать. Много там было всякого, но какой спрос с ребенка? Ни мужу, ни детям своим она ничего не рассказывала. В последнее время ей стало казаться, будто выдавила из себя эти воспоминания.

В сорок втором году, сразу после того, как Соне исполнилось шестнадцать, ее выслали в Сосновку, крохотную деревушку, затерянную среди дремучих зауральских лесов Курганской области. До районного центра нужно было добираться полтора дня, и советская власть в деревушке существовала лишь номинально. Жили тут по старинке, как привыкли, заменив лишь церковные праздники пролетарскими, а вместо портрета царя повесив изображения Ленина.

Будущее рисовалось Соне в самых черных красках; помимо ежедневного изнуряющего труда требовались отвоєванный у леса участок, инвентарь, домашняя живность и главное – навыки выживания в этом краю, которые у нее, городской жительницы, отсутствовали напрочь.

Но у человека свое видение ситуации, а у Провидения свое. На второй день после приезда к Соне пришел секретарь партячейки.

– Вот чо, красавица, – сказал он, внимательно оглядывая Соню. – Я слышал, ты грамотная, книжки читать любишь.

– А от кого вы слышали? – не удержалась от вопроса Соня. В Сосновке она еще не успела ни с кем разговориться, и осведомленность секретаря настораживала.

– Добрые люди рассказали, – усмехнулся председатель. – С тобой дело пришло, следить я за тобой должен и в центр сообщать, ежели чего.

Он замолчал, хитро поблескивая глазами. Его откровенность еще больше насторожила Соню.

– Да не бойсь, не бойсь ты так, – принялся успокаивать секретарь, – у нас тут не Москва и даже не Курган. Мы не по бумажкам человека судим, а по его сути, по душе. Душа у тебя хорошая, это сразу видно. И грамотная ты, книжки читать любишь. А у нас детишек учить некому, не посылать же их мять

лапти за тридцать верст. Будешь у нас учительницей. Избу сегодня приготовим, а с завтрава и приступай. Кормить будем всем сходом, в складчину, только детишек хорошо учи. Лады?

Так началась Сонина жизнь. Настоящая жизнь, словно не было детдома и зловещего личного дела. По документам, оформленным секретарем, она работала уборщицей при сельсовете, а обязанности учителя выполнял сам секретарь. Несколько раз в неделю он появлялся в школе, строго насунив брови, обходил детей, расспрашивая об оценках и поведении, а в конце визита выдавал отличникам самодельных петушков на палочке. Петушков варила из жженого сахара жена секретаря.

Комиссии до Сосновки не добирались, и несколько лет протекли медленно, словно вода в Соснушке – мелкой речке, лениво бормочущей у околицы. Летом утро начиналось разноголосым перезвоном колокольчиков – колхозное стадо брело на лесные поляны. Розовый туман врывался в открытые окна школы, стоящей на самом берегу Соснушки; черная как деготь, ночная вода голубела, с каждой минутой становясь прозрачней. Сквозь нее проглядывали промытые камушки, утонувшая хвоя и оловянные, суетливо снующие рыбки.

Соня жила при школе: горница избы служила классом, а в маленькой комнатке размещались постель и нехитрые пожитки учительницы. День пробегал незаметно, заполненный до краев бесчисленными заботами деревенского хозяйства. Всё нужно было делать самой, без водопровода, электричества и даже примуса.

Вечером над улицами повисали запахи парного молока и пыли, поднятой копытами возвращающихся коров. По мерцающей воде расходились широкие круги – крупная рыба поднималась со дна, играя на закате. Темнота наливалась в зарослях, дрожали низкие звезды, крупные, словно серебряные пуговицы. Ночами в лесу, стеной окружавшем деревню, негромко выли волки.

«Они, наверное, скучают в темноте, – думала Соня, – и просятся в деревню, поближе к людскому теплу».

Зима опускалась на Сосновку в конце сентября и стояла, неотступная, точно латышский стрелок, до начала апреля. Каждое утро, растапливая печь, Соня мечтала о коротком лете и мимолетней осени, мечтала с замиранием сердца, не понимая, что ожидает, на самом деле совсем другого. Но другое не наступало, парней в деревне не осталось, всех забрали на фронт.

Удивительное существо человек! Ко всему он приспособится, в любом положении сойдет уютную норку и начнет претендовать на большее. Еще совсем недавно положение учительницы казалось Соне недостижимой мечтой, запредельным блаженством, и вот она уверенно расхаживает по деревне, здороваются с матерями учеников, заводит неспешные разговоры об успеваемости и проказах, а сама мечтает и томится, словно мало ей спокойной жизни и надежного куска хлеба.

О предательстве отца Соня старалась не думать. Оно казалось ей чудовищным недоразумением, ошибкой, нелепицей. Предположить нечто большее, заподозрить партию или самого товарища Сталина Соня не могла. Школа вместе с домработницей хорошо воспитали бедную девочку.

Успокоение пришло после разговора с секретарем партячейки. Спустя полгода ее пребывания в деревне, он пришел в школу в неурочное время, под вечер. Придирчиво осматривал класс: не протекает ли крыша, не дует ли из окон, листал журнал, рассматривал исписанную доску, а потом, свернув самокрутку, заговорил, отводя глаза в сторону.

– Ты, того, дочка, не думай на советскую власть худо. Не держи зла. Страна большая, люди разные, мало ли чо... Я твоего батьку два раза видел, он у Блюхера комиссаром полка был, а я помкомвзвода. Помню, как выступал, как народ его слушал. Не может такой человек стать японским шпионом. Ошибка тут вышла. Как с Блюхером. Но разберется партия, увидишь, во всем разберется.

Пока партия разбиралась, жизнь шла своим чередом. Закончилась война, вернулись мужики и парни. Сыграли несколько свадеб, но на Соню никто не позарился. Или потому, что чужая, непривычная к деревенской работе и жизни, или тень репрессированного отца продолжала висеть за ее плечом, словно ангел-губитель. Соня понимала свое положение и не роптала, лишь ждала всем сердцем наступления лета.

И невозможное произошло. Говорят, что чудо – это проекция мечты на человеческую реальность. Иногда проекция получается кривой, иногда горбатой, иногда выходит под стать, словно по заказу, но если не мечтать, не плакать ночами в подушку и не вздыхать, просыпаясь в одинокой постели, вообще ничего не произойдет. Не бывает слез, пролитых напрасно. За подкладкой каждого чуда скрываются чьи-то просьбы и молитвы до рассвета, но со стороны кажется, будто всё случилось само собой, по мановению волшебной палочки.

В сорок седьмом возвратился из армии Артем, сын секретаря. Вся гимнастерка в медалях и орденах, старший лейтенант, войну закончил на Эльбе. Сосновские красавицы, да что там сосновские, красавицы целого района, мечтали о его благосклонности, а он как увидел Соню, так и присох, точно приклеенный. Соня поначалу не верила своему счастью, а когда убедилась, что это не сон, успокоилась и расцвела, словно водяная лилия.

Свадьбу сыграли скромную, зачем лишнее внимание привлекать, своей радостью людям глаза занозить. Артема вскорости назначили председателем колхоза, он поднял крепкий дом, рядом с избой отца, и зажил с любимой женой. Спустя год родился мальчик, названный Семеном в честь отца Сони, а за ним и девочка, Настасья, по бабушке Артема.

В начале пятидесятых, то, чего опасалась Соня, наконец произошло: в Сосновку приехал инспектор. Он посмотрел поурочные планы, журнал, заполненные женским почерком, поговорил с ребятишками на улице и пошел к секретарю.

– Что же это такое получается? – спросил инспектор, укоризненно глядя на секретаря. – Советскую власть обманываешь? Знаешь, что за такое бывает?

– Ты вот чо, Митя, – ответил секретарь, – ты мне невестку не трожь. Это во-первых. А во-вторых, какого рожна тебе надо? В деревне она десятый год, никуда не выезжала, и к ней никто не наведывался. Пишем она не пишет и обратно не получает – это я самолично проверял. Детей учит лучше некуда, да своих двоих поднимает.

А про советскую власть не говори. Советская власть – мы с тобой. Нам и решать, доверять Соне или еще одну судьбу под откос пустить.

Проверяющий в двадцатом ходил с армией Блюхера на Владивосток, успел поработать в райкоме и чудом избежал репрессий, зацепившись на посту инспектора наробраза. Неприметно провернулись колесики Провидения, и еще одно чудо всплыло в нашу реальность.

– Предположим, – ответил проверяющий, отводя глаза, – я всякое такое напишу, не замечу. А если чужого принесет, из области? Что тогда делать?

– Пока комиссия нагрянет, – философически ответил секретарь, – нас с тобой уже не будет. Зачем думать о плохом? Давай надеяться на лучшее, тогда оно наступит.

Так и выжила Соня, проскользнув мимо смертельных опасностей, словно овечка между семидесяти волков. А в пятьдесят пятом в простом конверте пришла бумага, сообщающая о посмертной

реабилитации незаконно репрессированного начальника военного округа. Соня даже не заплакала, жизнь вне Сосновки казалась ей сном, несуществующей, придуманной сказкой.

– Разобралась партия, – подвел итог секретарь и велел жене накрывать на стол. – Выпьем за покойного, Семена, как его по батюшке?

– Исааковича, – подсказала Соня, вспомнив последний разговор с отцом. – Шлойме Исааковича.

– Шлойме Исааковича, – согласился секретарь. – А тебе спасибо от советской власти, что не озлобилась и не очерствела.

Секретарь всё еще считал себя представителем государства.

Прошло несколько лет, в Сосновку провели электричество, проложили шоссе. Соня закончила заочно пединститут и теперь законно считалась сельской учительницей. Успеваемость в ее школе была одной из лучших по области, и стены горницы начали потихоньку покрываться почетными грамотами и выпелами.

Несчастье пришло внезапно. Впрочем, когда его ждут? Не верит человек зловещим прогнозам, рассчитывая на лучшее, и когда валится на него давно предсказанная беда, удивленно разводит руками – как же так, за что и почему?

Три года подряд стояло засушливое лето, не сказать засуха, но необычное по малости дождей время. Колхоз три года подряд не выполнил план по сдаче зерна и, невзирая на объективные обстоятельства и предыдущие заслуги, Артема сняли.

Первое время он ходил растерянный, не в силах поверить в случившееся, а потом запил. Пил он несколько лет, пил истово, словно отдавая долг. Соня пыталась бороться, но быстро сдалась, только часто плакала по ночам, вспоминая счастливые годы, пролетевшие слишком быстро.

– Соня, твою принесли, – раздавался посреди дня крик соседки. – Иди, сымай.

Дружки доволакивали Артема до ограды и вешали на забор, точно мокрое белье. Он или спал, пуская слюну, или ошалело поводил головой, икая и порывивая.

В один из дней Артем пришел к ней на работу около полудня, небритый, но трезвый.

– Соня, – Артем выглядел виноватым. – Я знаю, ты мне не поверишь. – Он замолчал, разглядывая пол перед сапогами. – Ну, в общем, я больше не пью. Всё.

Соня не поверила, но на всякий случай, обхватив мужа руками и прижавшись к его колючей щеке, немного порыдала. Артем гладил ее по плечам и повторял:

– Всё, раз сказал всё – значит, всё. Всё, и всё тут. Всё!

Оказалось, что он не соврал. Жизнь постепенно пошла на выправ, распрямляясь, разглаживаясь, словно белье под тяжестью утюга. Спустя год Артема назначили бригадиром, а выше он и не стремился. Бригада быстро стала передовой, ударной, показательной, и вслед за почетными грамотами посыпались предложения.

– Плавали, знаем, – отвергал он очередную должность. – Мне и тут хорошо.

Выросли дети, Семен женился и осел в Сосновке, а Настя, радость и утешение Сони, уехала учиться на актрису. Столичная жизнь закружила голову деревенской девочке. Большим талантом она не обладала, но, несмотря на второстепенные роли, из Москвы уезжать не хотела. В своих творческих неудачах Настя винила юдофобов, пронюхавших о национальности ее матери. Правда, заподозрить в ней еврейку мог только необычайно проницательный антисемит: статью и говором Настя походила на Артема и могла служить образцом сибирячки.

Возможно, эта обида и сыграла решающую роль в ее судьбе: как только приоткрылась щелка в железном занавесе и поток еврейских репатриантов полился благословенным дождем на Святую землю, Настя собрала документы и упорхнула.

В Израиле ее жизнь покатила по совсем другим рельсам: после двух никем не замеченных ролей Настя вышла замуж за богатого человека, родила дочку и оставила сцену. Судя по письмам и передаваемым через третьи руки подаркам, муж Насти оказался не просто богатым, а очень богатым. Но счастья это богатство ей не принесло, спустя несколько лет брак распался, и Настя осталась с дочерью на руках. Правда, беспокоиться о куске хлеба и крыше над головой не приходилось – бывший муж платил солидные алименты.

В Сосновке многое изменилось, появились телевизоры, избы-пятистенки снесли, и вместо них поднялись двухэтажные хоромы с обязательным гаражом для «Нивы». Крепко жила Сосновка, зажиточно и спокойно. Артем и Соня несколько раз ездили на курорты в Крым, и в первый же раз по дороге обратно завернули в Москву. Столица показалась им слишком нервной, заплеванной и неудобной – розовые туманы над Соснушкой из Москвы выглядели как символ безмятежного счастья.

А потом... Потом нахлынули перестройка, ускорение, распад, приватизация – всё, на что была положена жизнь, оказалось напрасным и смешным. Вплотную подошла старость, Артем, измочаленный тяжелой работой и годами пьянства, сильно сдал, а Соня еще держалась, балансируя на едва заметной грани, отделяющей стареющую женщину от старухи.

В одно осеннее утро Артем с трудом поднялся с постели и, еле добравшись до умывальника, не смог сдержать подкатившую тошноту. К вечеру рвота повторилась, на следующее утро тоже. Соня, не слушая возражений мужа, попросила одного из бывших учеников, и на его «Ниве» отвезла мужа в больницу. Главным врачом больницы работал другой бывший ученик Сони; ее воспитанники, закончив институты и техникумы, заняли в районе почти все руководящие должности.

На скудном оборудовании районной больницы Артема проверили с максимальной тщательностью и почти сразу обнаружили то, чего больше всего опасалась Соня.

– Что же делать, Коля? – спрашивала она главврача. – Что же делать?

– Есть лекарство, – ответил главврач, смущенно покачивая начинающей сесть головой. – Но у нас его нет. И в области нет. Может, в Москве или за границей. Если вы знакомы с кем-нибудь в Америке или Израиле, – он сделал многозначительную паузу, – стоит обратиться к ним.

К Насте удалось дозвониться только через три дня. Вообще-то междугородняя станция находилась в районном центре, и дожидаться связи нужно было в холодном зале переговорного пункта, но начальница станции, тоже бывшая Сонина ученица, самолично переводила разговоры в Сосновку, на номер сельсовета.

– Бабушка? – мягко прозвучал в трубке голос, очень похожий на Настенькин. – Бабушка Соня?

Трубку взяла внучка, выяснилась, что она дома случайно, поскольку живет в общежитии при учебном заведении, а мама уже полгода как в Австралии. Выслушав Сонин рассказ, внучка немедленно приняла решение.

– Нечего вам там сидеть, – произнесла она тоном приказа. – Собирайтесь и приезжайте. Гражданство оформим на месте, и деда сразу положат в больницу. У нас с этой болезнью умеют бороться.

Бороться с болезнью в Израиле действительно умели, опасность отступила, но не исчезла, свинцово затаившись в розовых раструбах костей. Артема постоянно мучило, он перепробовал разные виды пищи, но всё вызывало только приступы тошноты.

– Свининки бы, – просил он жену. – Молодой, розовой. И огурчиков соленых.

Огурчиков в Израиле хватало, а вот со свиной дело обстояло куда хуже. Соня попыталась расспросить внучку, но та в ответ так выкатила глаза, что вопрос застрял в гортани, словно рыба кость. Внучка, как выяснилось, стала религиозной и училась в суперортодоксальном заведении-интернате, а слово «свинина» произносила с презрительной гримасой отвращения. Собственно, из-за этого заведения, расположенного в Бней-Браке, Артем и Соня сняли небольшую квартирку на окраине святого города.

Забравшись на пятый этаж, Соня отперла дверь и вошла, стараясь не шуметь. Но напрасно.

– Сонюшка, – раздался из салона голос Артема. – Принесла?

– Ох, – тяжело вздохнула Соня. – Я долго думала, Тема, брать или не брать, а потом всё ж таки не взяла. Очень жирные куски, не умеют тут выращивать поросят, сплошное сало. Ничего, завтра с утра поеду в Тель-Авив, в деликатесных магазинах поищу. Потерпишь еще денек?

– Потерплю, – ответил Артем. – Куда мне деваться, потерплю.

Соня вошла в салон. Артем сидел на диване, худой, с ввалившимися щеками. От прежнего красавца с орденами во всю грудь почти ничего не осталось. Только глаза.

– Посюдова ходи, – указал Артем рядом с собой. – Расскажу чо.

Соня послушно опустилась на диван возле Артема.

– Ты пока гуляла, я вниз спустился. На воздух. Посидел с полчаса, а тут мальчонка мимо прошел. Чернявый такой мальчонка, из местных. Глянул он на меня, аж сердце перехватило. Сразу вспомнил.

– Что вспомнил?

– Та я ж тебе никогда не сказывал про то. Щас расскажу. Помнишь, как я пить бросил?

– Уже забыла, – ответила Соня, пряча горькую улыбку. – Давно забыла, сколько лет прошло.

– Давно не давно, а было. Случай у меня на войне случился, весной сорок пятого. Потерял я свою группу и залетел по ошибке в лагерь. Он потом американцам достался. Наши танки опоздали на пару часов, так они и вошли.

Много я там увидеть не успел, но с одним мальчонкой поговорил. Спешил очень, двумя словами перекинулись, и я рванул. Он, видно, думал, будто свобода пришла, а как понял, что я срываюсь, так глянул, аж конь подо мной замер, как чо есть. А делать-то нечего. Взять его с собой я не мог, отдал ему паек: хлеба да пару банок свиной тушенки и вскачь.

Потом, когда пил сильно, просыпаюсь однажды, голова гудит, во рту сухо, еле глаза продрал. А у постели Настюха стоит и смотрит на меня, как тот мальчонка из лагеря. Точно так смотрит. Слово с жизнью через меня прощается. И сказал я себе, чо ты, гад такой, делаешь? Нешто дети твои виноваты! И бросил, завязал навсегда.

– Навсегда, навсегда, – согласно покачала головой Соня.

– Вот я и говорю. Увидел утром мальчонку, и шевельнулось чо-то в нутре. Не болит, но присутствует. А чо не пойму.

– Давай, Тема, я шанешки заведу. Может, поешь тепленьких? Глядишь, и полегчает.

– Давай, – прикрыл глаза Артем. – Может, и полегчает.

Поставщик, ожидая реб Шлойме, неспешно прогуливался по рамат-ганской улице. Шум и толкотня почти не отвлекали его внимания от расчетов: предстоящая сделка служила всего только звеном в сложной цепочке передачи товаров, обмена чеками, полудоговоренностей и устных соглашений. Прибыль от этих комбинаций была невелика, но всё-таки была. Прикидывая, соображая и прибрасывая, поставщик медленно проходил мимо входа в ресторан, неподалеку от места условленной встречи. Заскрипев тормозами, рядом с ним остановился «фиат», из него выбрался ортодоксальный еврей в капоте и шляпе.

«Реб Шлойме», – подумал поставщик, но в то же мгновение понял, что обознался. Неизвестный ортодокс двинулся ко входу в ресторан, а «Фиат», круто взяв с места, умчался по направлению к Бней-Браку.

Автоматически проводив глазами ортодокса, поставщик отметил некоторую странность его наряда. Шляпа у него была типично «литовская», но капота – хасидская, брюки не заправлены в носки, а из-под них выглядывали кроссовки. И ресторан, зачем такому ортодоксу нужен некошерный ресторан? Поставщик еще размышлял над увиденным, как вдруг его внимание переключилось на куда более удивительное зрелище. Оранжевое солнце, висевшее в небе, словно огромный апельсин, раскололось на тысячи маленьких плодов, и все они с оглушительным грохотом посыпались с неба прямо на улицу Рамат-Гана. Недоумевая, поставщик задрал голову, и тугая струя взрыва расплющила его лицо.

КОРОЛЬ МАТИУШ И СТАРЫЙ ДОКТОР

נְעִיטְא-דַאסְאֵי . עֵוֹאֵלֹוֹדִי וְעֵ מַאי אֲדַע. (יְאֵעֵעֵוֹוֹן אִי מְדַאֵי עֵ.)

Михаил Калик, Александр Шаров

Окончание. Начало в № 4, 5, 2005

Януш Корчак (Генрик Гольдшмидт, 22.07.1878, Варшава – август 1942, Треблинка), польский педагог, писатель, врач и общественный деятель. Интеллигент в третьем поколении. Дед Корчака сотрудничал в газете «Хаммагид» (см. Краткую Еврейскую энциклопедию, т. IX, стр. 591–592). Отец – адвокат, автор работы «О бракоразводном праве по положениям Закона Моисея и Талмуда» (1871).

Януш Корчак окончил мединститут в Варшаве, служил в еврейской детской больнице. Участник русско-японской войны. Основал Дом сирот (1911), которым руководил до конца жизни. Редактировал приложение к сионистской газете. Выступал по радио, читал лекции, защищал в суде малолетних правонарушителей.

Печатался с 1898 года, когда взял свой псевдоним. Повести «Дети улицы» (1901), «Дитя гостиной» (1906), «Моськи, Иоськи и Срули» (1910; позднесоветский перевод – «Дело в Михалувке», 1961), «Король Матиуш Первый» (1923; русский перевод – Варшава, 1958). Корчаку принадлежит свыше двадцати книг о воспитании, главные из которых – «Как любить детей» (1914; частичный раннесоветский перевод с предисловием Крупской, 1922) и «Право ребенка на уважение» (1929).

Как подлинный интеллигент, Корчак отличался широкой веротерпимостью и видел в вере источник морального очищения. Присутствовал на сионистском конгрессе. Преклонялся перед Теодором Герцлем, но считал себя поляком во всем, кроме религии. Ждал, как великого чуда, независимой Польши, однако кровавые еврейские погромы (1918–1919) вызвали в нем глубокое разочарование.

Дважды посетил Палестину, где встретил многих своих прежних воспитанников. Писал в 1937 году: «Приблизительно в мае еду в Эрец... Там самый последний не плюнет в лицо самому лучшему только за то, что он еврей».

В Доме сирот (уже в гетто) изучали иврит и основы иудаизма. Сам Корчак страстно мечтал вернуться к истокам.

За несколько недель до Пейсаха (1942) собрал детей на еврейском кладбище, где они присягнули на Торе, что будут хорошими евреями и честными людьми. Отдавал Дому сирот все силы. Героически добывал пищу и медикаменты. Отклонял предложения о тайном бегстве. В августе 1942-го подчинился приказу о депортации. Со своей помощницей и другом Стефанией Вильчинской (1886–1942) возглавил ребячью колонну из двухсот человек. Снова, в последнюю минуту, отказался спастись. Принял смерть (вместе с детьми) в газовой камере.

В дворцовый зал врываются два глашатая. Взахлеб, перебивая друг друга:

– Король Матиуш прибыл в столицу и приближается...

– ...ко двору! За ним везут сто клеток с дикими...

– ...зверями! И двести клеток с дикими...

– ...птицами! И триста клеток с дикими...

– ...крокодилами! А кроме того...

– ...Матиуш привез с собой...

– ...черную принцессу!

Министры сбились в ужасе вокруг Куклы. Первым опомнился Старший Министр:

– Не так давно Король Матиуш посадил нас в тюрьму, а сейчас... Поди знай, чему он там научился. Чего доброго, съест вопреки э-э-э... этикету.

– Или, – заметил Министр Просвещения, – отдаст зверям на съедение. Такие, хм, случаи бывали, хм, в первом... нет, хм, в шестом... да и в шестнадцатом веке...

– А может быть... может быть... – И Военный Министр набрался решимости: – А может быть, ать-два, шагом марш... – И глянул на МВД.

Но горбатый Министр принохивался да прислушивался к Внутренним Дела́м – к уличному ликующему шуму.

В городе – нечто невообразимое. Взвиваются, рассыпаются ракеты, гремят хлопушки. Стеною стоят дети, наблюдая медленное шествие. Впереди – Матиуш и Клю-Клю на слоне. Фелек оседлал зебру. Старый Профессор ведет на поводке буйвола. Клетки со львами, тиграми, обезьянами...

Дети оглушительно кричат, подкидывают в воздух шапки, колотят в ладоши, танцуют...

– Ура! – подпрыгивает Марыська. – Ура!

Важная мама одергивает ее.

Комната Корчака в Доме сирот. Чердак со скошенным потолком. На кровати – детская фигурка под одеялом. Старый доктор пишет.

ТЯЖЕЛОЕ ЭТО ДЕЛО – РОДИТЬСЯ И НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ. МНЕ ДОСТАЛАСЬ ЗАДАЧА КУДА ЛЕГЧЕ – УМЕРЕТЬ. (Выстрел... Шуршит перо по бумаге.) ПОСЛЕДНИЙ ГОД, ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ ИЛИ ЧАС... ХОТЕЛОСЬ БЫ УМЕРЕТЬ, НЕ ТЕРЯЯ ПРИСУТСТВИЯ ДУХА, В ПОЛНОМ СОЗНАНИИ.

Заскрипела дверь. На пороге – Бенюсь. Босой, в ночной рубашке.

– Что, Бенюсь?

– Стреляют...

Доктор уложил мальчика на свою кровать, подоткнул плед:

– Спи, не бойся.

– А на самой маленькой звезде – тоже люди?

– Да.

– Маленькие-маленькие?

– Как гномики... Спи.

Бенюсь засыпает. Солнце просыпается. Корчак поливает цветы на подоконнике. Часовой наблюдает.

МОЯ ЛЫСИНА – ОТЛИЧНАЯ ЦЕЛЬ. ПОЧЕМУ МЕДЛИТ? НЕТ ПРИКАЗА?.. КИВНУТЬ ГОЛОВОЙ? ДРУЖЕСКИ ПОМАХАТЬ?.. ВДРУГ ОН НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ВСЁ ТАК, КАК ЕСТЬ? ПРИЕХАЛ ТОЛЬКО ВЧЕРА...

Светает. И раннее утро различает на лице Корчака каждую морщинку.

В комнате Старого доктора спят дети.

В домике, построенном из Свода законов, спит Матиуш. А любимый пац, наверно, за сторожа... Пустая, залитая светом детская...

И вдруг всё меняется. Серая дорога. Черные странные деревья. Матиуш и пац (очень похожий на рыжего Шимека) идут как во сне. На обочине – коричневые домики правильными рядами. Маршируют солдатики в коричневых мундирах. Гремит барабан.

– Оп-ля! – кувыркается пац. – Мотаем отсюда! Оп-ля! – Сделал сальто и приземлился на огромный цветной мяч. – Оп-ля! Ха-ха-ха! Бежим отсюда!

Но Матиуш не слышит его.

– Ать-два! – доносится издали. – Ать-два!

Два человечка по-строевому отбивают шаг. По лицу и повадке – точно глашатаи или стражи у дворцовых королевских дверей.

– Скажите, пожалуйста, – учтиво интересуется Матиуш, – как называется этот город?

Первый. О! Весьма знаменитый город одинаковых человечков.

Второй. Очень известный город!

Первый. Тут всё одинаково – и люди, и дома.

Второй. Прекрасно и благотельно, правда? Ведь если бы всё не было одинаковым, появились бы различия.

Первый. Различия! Представляете?.. Какое неудобство. Для разных человечков – разные костюмы. Для разноцветных домов – разные краски.

Второй. Да! Для разных людей – разные головы.

Марширует отряд. Сквозь барабанную дробь – бодрые слова командира:

– Ать-два! Смирно! Глаза закрыть!

И парные одинаковые человечки зажмурились.

– Скажите, пожалуйста, – спрашивает Матиуш, – как нам покинуть ваш город? Нас ждут дети. Я и мой друг спешим в детский парламент, а дороги не видно.

Первый. Невозможно увидеть то, что хочешь, если видишь то, что есть.

Второй. Закройте глаза, как мы! Тогда увидите то, что хотите, а не то, что есть.

Первый. Скорее закройте глаза!

И глаза сами собой закрываются.

– Оп-ля! – Паяц сделал двойное сальто и пошел «колесом». – Не смей закрывать глаза! Смотри, как красиво! Оп-ля! – Встал на руки, подкидывая ногами золотые шары. – Оп-ля! Ха-ха-ха! Смотри, как красиво! Открой глаза! Скорее открой глаза! Оп-ля! Красота!

...И Матиуш проснулся в обнимку с тряпичным паяцем.

Детский парламент. Развевается зеленое знамя с золотой веточкой клевера. Под куполом – паяц на трапедии. Летают цветные воздушные шарики. Хитроумные сооружения из кубиков и деталей конструктора. Много цветов. Много солнца. Много детских рисунков.

Матиуш на трибуне:

– Вы депутаты первого детского парламента. До сих пор я был один. И хотел управлять для общего блага. Да одному трудно... трудно угадать, что нужно каждому... что нужно детям для счастья. А вести заседания будет Фелек – первый детский министр.

Аплодисменты. Фелек раскланялся и занял председательское кресло.

– Прошу высказываться...

Поднялся невообразимый гвалт:

«Я хочу держать голубей... А я собаку!.. Чтоб всякий ребенок имел часы!.. И чтобы нас не целовали!.. И чтоб рассказывали сказки!.. Чтоб поздно ложиться спать!.. И побольше карманов!.. Чтоб разрешалось раз в месяц разбить стекло!»

Долго пришлось звонить Фелеку, покуда затихли.

– Друзья! Коллеги! Надо говорить по очереди. А кто будет галдеть, выставим за дверь... холера вас заберит!

Перерыв. Депутаты носятся как угорелые. Затеяли чехарду, раскачиваются на трапеции, карабкаются по канату...

Шныряют в толпе двое глашатаев с неотлично сходными лицами: усики, буравчики-глазки... Останавливают парламентария, недавнего оратора:

– Почему вы, господин депутат, не хотите, чтобы вас целовали?

– Было бы у вас столько теток, как у меня... Если взрослые любят лизаться, пускай сами целуются.

– Не правда ли, – вкрадчиво спрашивает глашатай, – надо сделать так, чтобы взрослые ходили в школу, а дети – на службу? И чтобы дети ставили взрослых в угол? И...

– Не знаю. Лучше мы будем ставить их в тупик. – И помчался играть.

Дворец. Горбатое МВД в Тронном зале... А вот и глашатаи-близнецы.

– Листовка готова? – осведомился Министр.

– Так точно! – рапортует первый.

Второй оглашает:

– Дети! Поднимайте бунт против взрослых! Требуйте своих прав! Помогите устроить детскую революцию! Я очень хочу быть Королем всех детей мира – белых, желтых и черных.

Идите! – Отлично! – Горбатое МВД потирает руки. – Пусть эту галиматью размножат немедленно!

Глашатаи исчезают.

...И вот уж бегут по улицам, размахивая листовками:

– Последние новости! Последние новости! Матиуш хочет поднять восстание! Матиуш против взрослых!!!

Сердитая мама еще сильнее вцепилась в Марыську:

– А-а, до чего дожили! – И шлепает дочку.

– Король Матиуш хороший и милый! – говорит девочка (и получает еще разок). – И красивый... И всё это неправда... И лучший на свете... Ура!

Прохожие разбирают листовки. Пронзительно кричат глашатаи.

Крики доносятся до тронного зала. На троне – Кукла.

– Ваше Величество и Господа Министры! – вещает горбатое МВД. – Наступило время низложить Матиуша, избличенного в государственной измене, и короновать нового Государя.

– Виват! – радуются Министры.

На Куклу возлагают корону. Новый король распрямляется и отчетливо, по слогам, металлическим голосом отчеканивает:

– На-гра-дять!

Министры сгибаются до земли.

– Мудро! – одобряет Министр Просвещения. – У нас царствовал Владислав Свирепый и Ростислав Кровожадный, Богумил Беспощадный и Мражек Мстительный. Наконец, этот... хм... презренный Матиуш-реформатор. Не удивлюсь, коли нового короля в скором времени нарекут Мудрым, хм, хм... Смеею утверждать, что этому решительно, ни в коей мере не удивлюсь.

Детский парламент. Фелек вызванивает в колокольчик.

– Будем обсуждать такие вопросы. Пункт первый: о детях и взрослых. Пункт второй: о том, чтобы детей не целовали. Пункт третий: чтобы у детей было больше карманов. Прошу высказываться.

Девочка-депутат (очень похожа на Ганну) тянет руку.

– Иди на трибуну! – говорит Фелек.

– Я хочу, – сказала девочка, – чтобы меня не ругали, когда смотрю не в учебники, а в окно. Там бабочки, и зеленые деревья, и облака... И чтобы никто никогда никому не врал.

– А когда мама дает горькое лекарство, – задумался Фелек, – что ж ей, предупреждать, что горькое?

– Да! – И девочка топнула. – Даже пускай очень горькое!

Аплодисменты... На трибуне – следующий депутат:

– Если взрослых о чем-нибудь спросить, они или сердятся, или смеются. Взрослые уверены, будто всё знают. А мой отец не мог сосчитать, сколько рек в Америке. Ведать не ведает, из какого озера вытекает Нил.

– Нил не в Америке, а в Африке.

– Заткнись!..

– Дурак!

Тут Фелек позвонил в колокольчик:

– Нельзя депутатов называть «дураками». За это будем исключать из заседания.

– А что значит «исключать из заседания»?

– В школе говорят «выставить за дверь», а в парламенте – «исключить из заседания».

У ворот королевского дворца – ватага злобных бритоголовых подростков. Глашатаи науськивают их выразительными жестами... И завершая инструктаж, пронзительно свистят в два пальца.

Бритоголовая ватага сметает на пути всё.

Выстрел из рогатки – со звоном посыпалось стекло. Удар ногой – и, как футбольный мяч, отлетела маленькая собачка. Раз (опять из рогатки) – камнем рухнул на мостовую почтовый голубь.

Детский парламент. Звенит колокольчик.

– Слово для приветствия от детей Африки имеет принцесса Клю-Клю!

Под аплодисменты депутатов принцесса поднимается на трибуну.

– Когда-нибудь, – переводит Профессор, – дети всего мира соберутся так же, как съехались сегодня дети вашей страны. Белые, черные и желтые, дети скажут – каждый, – что им нужно. Например, черным детям ни к чему коньки, потому что нет льда... разве только искусственный... И зоопарк ни к чему. Зато мороженого надо в два раза больше...

Бритоголовые с гиканьем и свистом ворвались в детский парламент. Девчонок дергают за косы, пуляют из рогаток... Кричат на Клю-Клю:

– В клетку с обезьянами!.. Королевская невеста!.. Жених и невеста! Тили-тили тесто!.. Долой Матиуша! Долой Короля!

Бритоголовый рябой подросток сбросил на пол малыша-депутата. Вскочил на кресло, свистит...

– Антек! – грозит ему Фелек. – Зубы вышибу!

– Попробуй! Видели его? Министр! Фелек-картофелек! – И повернулся к Клю-Клю: – Долой черную обезьяну!

Одною рукой схватилась Клю-Клю за канат, как в цирке, свисающий с купола, раскачиваясь-извиваясь, перелетела через журналистов («пресса») и – бац – приземлилась около Антека. Ударила без замаха. Разом головой, ногой, двумя руками...

И Антек грохнулся на пол, стучаясь бритой, как бильярдный шар, головой... Клю-Клю смочила платок, приложила к разбитому его носу.

А в парламенте – настоящая потасовка. Бледный Матиуш растерялся: что предпринять?..

Топоча сапогами, появилась шеренга солдат. С ними – Король-кукла, министры, глашатаи-близнецы.

Первый глашатай. Мы, жители города, решительно протестуем, чтобы Матиуш был королем. Пусть освободит трон!

Второй. Довольно тирании безумного мальчика!

Первый. Разогнать сопливый парламент!

Второй. Долой Матиуша! Под суд!

Горбатое МВД подает знак. Солдаты окружают Матиуша. Блестят примкнутые штыки. Король-кукла, не сгибая колен, шествует меж депутатскими скамьями.

– Смир-рна! – гаркнул Король-кукла, и все как бы оледенели: депутаты, министры, солдаты... даже бритоголовая ребячья ватага.

Между двумя рядами эсэсовцев – скорбная процессия: женщины, мужчины, старики, дети...

Странная, нечеловеческая улыбка на лицах эсэсовцев – будто отштампованная. Улыбка манекена. Пустые глаза с выражением любопытства.

...Идут, идут люди.

Столовая в Доме сирот. Неясный гул толпы, топот тысячи ног...

Пани Стефа резко тряхнула головой и сказала дежурной, что собирала посуду:

– Не надо, Анелька. Пожалуй, мы не успеем вымыть тарелки.

Шимек у пана Зигмунда. Тот ходит по комнате, бесцельно перекладывая вещи. Снял со стены старую фотографию, где он, пан Зигмунд, – в гренадерском мундире... косая сажень в плечах... Повертел... бросил на пол.

Шимек поднял, спросил:

– Можно, возьму?

– Конечно.

– Ой! – просиял Шимек.

Ребята и воспитатели – во дворе.

Пани Стефа заплела Ганне голубую ленту. А Ганна баюкает тряпичного паяца. Анелька утешает малышку:

– Ничего... ничего... ничего... – Будто позабыла другие слова.

Мальчики жмутся к Корчаку:

– Пан доктор, мы куда поедем? На дачу?

И Корчак кивнул, потирая высокий лоб.

Во двор вошел офицер СС. Огляделся и вежливо говорит:

– Bitte!

– Пора, пан доктор, – сказал Зигмунд. – Пора.

Громким и властным голосом скомандовал Корчак:

– Янек! Принеси знамя!

И Янек побежал выполнять... Вот он идет вдоль колонны, осененный зеленым знаменем с вышитым трилистником клевера.

САМОЕ ВРЕМЯ СКАЗАТЬ БЫ СЕЙЧАС СОЛНЦУ: «ОСТАНОВИСЬ»...

Знойное августовское утро. Солнце в безоблачном небе.

Ребята на улице. Люди уступают дорогу. Даже эсэсовцы сторонятся. Исчезает штампованная улыбка.

Идет колонна. Впереди – Корчак, поддерживая самых слабых – Бенюся и Ганну. Дети умыты, нарядны. Девочки с бантами. Зеленое знамя полощется на ветру.

И возникает мелодия.

По деревянным мосткам поднимаются дети в товарные вагоны. Шимек прижимает к груди фотографию гренадера. Играет оркестр.

Старший Министр трижды ударил жезлом.

– Сейчас Их Величество свершит свой суд над изменником Матиушем!

Король-кукла на троне. Ниже, на ступеньках – горбатое МВД в черной мантии. Еще ниже – близнецы-глашатаи. Тоже, подобно Министру, в черном. С гусиными перьями наизготовку.

У подножия трона – Матиуш. Бледный, худенький.

– Признаёте ли вы, – допрашивает горбатое МВД, – признаёте ли добровольно, что выпустили Обращение к детям всего мира не слушаться взрослых?

– Нет, не признаю... Ложь!

Скрипят гусиные перья... Неподвижное лицо Короля-куклы.

– Но вы признаёте, что хотели возглавить детей, вооружив их зеленым знаменем?

– Признаю. Недалек тот день, когда у всех ребят будет одно зеленое знамя. И совсем не будет войн. Подумайте сами! Если дети полюбят друг друга, покуда маленькие, они перестанут драться и после... А зеленым наше знамя будет потому, что лес зеленый. А дети так любят лес!

Строчат писцы. Блестят штывки... Горбатое МВД обернулось к Королю-кукле:

– Ваше Величество! Матиуша необходимо казнить, иначе не будет порядка... А детского министра Фелека – сослать на необитаемый остров.

Кукла распрямилась, как раскрывается складной нож, и режущим, металлическим голосом вякнула:

– Каз-нить!

Теплушки с зарешеченными окнами готовы к отправке.

Идет вдоль вагонов ээсовский офицер. Остановился, распорядился... На мгновение, выпуская Корчака, откатываются двери. В щелях обшивки, меж досками – ребячьи глаза...

– Вы Януш Корчак?

– Да.

– Я в детстве читал ваши книги... «Банкротство маленького Джека», «Чародей»... И мои дети читали... Хорошие книги. (Корчак молчит.) Вот что. Ради вас я совершу должностное преступление. Потому что сейчас, в данный момент, мне решать, кто еврей...

– И что ж вы решили?

– Можете остаться, доктор.

– А дети?

– Вы, – надавил голосом, – можете остаться...

Корчак молчит.

– Вам известно, куда идет эшелон?

ХОЧУ УМЕРЕТЬ, ИБО ЛЮБЛЮ. ЖАЖДУ СМЕРТИ, ИБО НЕНАВИЖУ.

– Подумайте! – говорит офицер.

Детские глазенки – в щелях теплушки.

– Можно идти? – спросил Корчак.

Снова открывается и закрывается дверь. Лязгнули сцепления и запоры...

Под барабанную дробь ведут Матиуша.

Двадцать солдат с саблями наголо, и он посредине. Легким шагом, в детских кандалах...

За военным кордоном, за толпами жителей – зеленое знамя. Это Януш Корчак и Дом сирот. Они явились в мир сказки, куда Старый доктор пытался вновь и вновь увести детей и куда вместе с ними пришло настоящее горе.

Мир сказки. Он существует. Несмотря ни на что.

Стоят Анелька и Янек, маленький Бенюсь, рыжий вихрастый Шимек...

На площади, перед строем гвардейцев – Его Величество Матиуш. Первый Реформатор. Король детей... Подбежала Клю-Клю, лопочет по-своему:

– Клю-Клю кики рец, Клю-Клю кин брун...

– Не плачь, Клю-Клю! – сказал Матиуш. – Меня ждет прекрасная смерть от руки моих врагов. И врагов детей всего мира.

Но Клю-Клю плакала и твердила:

– Клю-Клю кики рец, Клю-Клю кин брун.

Корчак один, чуть сгорбившись, впереди. Солдаты преградили ему путь, но Старый доктор взглянул им в глаза, и мальчики с ружьями расступились. Корчак идет по площади, где у столба и могильной ямы – Матиуш, закованный в кандалы.

Старый доктор приближается...

Только, гляньте-ка, это уже не Корчак, а ученый Профессор. Подошел к маленькому Королю и переводит:

– Клю-Клю очень любит Матиуша. Клю-Клю не оставит его. Клю-Клю хочет умереть вместе с ним. – Снял очки, сунул в карман. – И Старый Профессор тоже не оставит Матиуша.

А взвод солдат заряжал ружья.

Горбатое МВД – во дворце. Увидел тряпичного паяца и детскую хлопушку. Взял волосатыми пальцами, захохотал. Паяца кинул в окно, хлопушкой, ясное дело, хлопнул.

Раздался залп.

На дорожке королевского сада валяется тряпичный паяц.

Темный, задраенный наглухо товарный вагон. Стучат колеса. Блики света падают на ребят. Корчак рассказывает:

– Они стояли под дулами гвардейцев – Матиуш и Клю-Клю.

– И Старый Профессор? – спрашивает детский голос.

– И Старый Профессор, конечно.

– И их... их убили?

– Нет, – отвечает Корчак. – Там ведь была Марыська, которая говорила: «А всё-таки Матиуш самый милый на свете!» Вот Марыська и крикнула: «Не смейте! Он маленький! Не смейте!»

– Прямо взяла и крикнула?

– Прямо взяла и крикнула. Да так громко, на весь белый свет! И солдат с седыми усами, который участвовал в десяти войнах, опустил винтовку. Это, говорит, моя внучка Марыська. Будь я проклят, коли выстрелю... И другие солдаты тоже опустили винтовки.

Стучат, стучат колеса. Гудит паровоз...

– И его... его не убили?

– Нет.

– Ура!

– Я так и знала! – кричит девочка в темноте. – Ура! Так и знала! Так и знала! Не убьют, не убьют, не убьют!

Ослепительно яркая зелень заливает вагон... мелькает, светится, несется, хохочет... И сказочная, веселая, печально-возвышенная музыка сливается с размеренным стуком колес по рельсам.

Ї оієєаоєу Ї єїєє Аої аїїїїє є Аєаїї єдї Оаїїїї

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

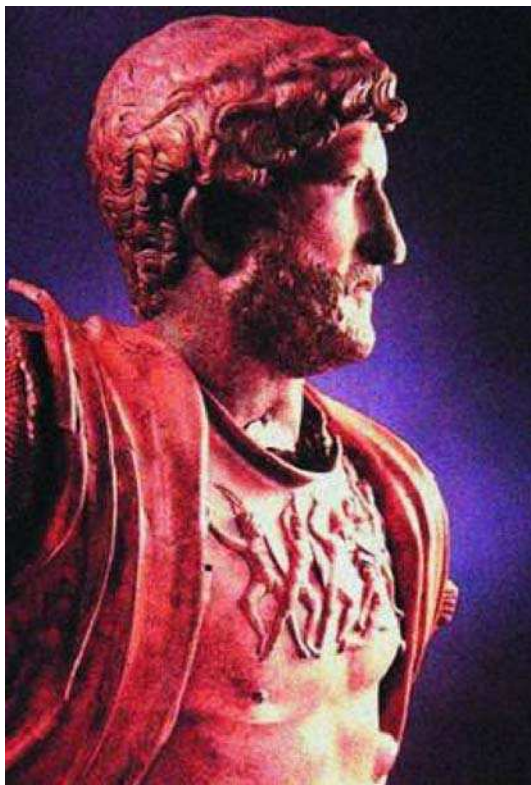
(Āqēāò è i āāāī èā Nūī à çāçāū)

Āēāēīāī ād Yēūyōīā

Nīāūōēy, èi āāōēā i āāōī ā Yōāō-Ēīdīyē n 115 iī 135 āā īīāē yōū, īēāçāēē īāōī īīā āēēyīēā īā ēīōīdēp āāāāā Nāī ūī āāēī ūī, īāī āēī, āēy nōdāī ū nō āēī āīīōāī ēā 132-135 āāāā

Īdē-ēī ū āū ōā ī dīōēā dēī nēīā āēāū-āīōāā āūēē āīūū ā īāōīçī ūī è.

В 117 году умер император Траян. К власти пришел его приемный сын Публий Элий Адриан, один из самых умных и деятельных правителей в истории Рима. Превосходный воин и государственный деятель, он был еще и незаурядно образованным человеком. Адриан учился в Афинах и не только освоил язык эллинов, но по праву соперничал с ними в пении, рисовании, ваянии, математике и медицине. Характер же имел капризный, даже заносчивый. С годами дурные стороны его натуры усугубились, что отмечали и античные авторы: «Он бывал серьезным и веселым, приветливым и грозным, откровенным и лицемерным, жестоким и милостивым и всегда, во всех своих проявлениях был переменчив».

Èī īāāōīd Ī ōāēē Yēēē Āādēāī.

Вскоре после восшествия на трон Адриан объявил евреям, что намерен разрешить восстановление Храма, но несколько лет спустя отказался от этой идеи. Вероятно, потому, что, будучи эллином по воспитанию и убеждениям, то есть последовательным политеистом, исполнился неприязни к вере иудеев в единого Б-га. В результате Иерусалим был низведен до статуса обычного римского города. Одновременно император издал эдикт, запрещающий обрезание: оно приравнивалось теперь к нанесению умышленного увечья и, следовательно, являлось уголовным деянием. Нарушение эдикта каралось смертной казнью. Документ поставил целый народ в положение преступников, подлежащих уничтожению. Есть сведения, что плохо знакомые с иудаизмом римские юристы вообще трактовали обрезание как кастрацию. Римский историк Дион Кассий свидетельствует: «В Иерусалиме он (Адриан) основал город на месте настоящего и назвал его Элия Капитолина, а на месте Храма Б-га он воздвиг храм Юпитера. Это вызвало

войну, свирепую и затяжную, ибо евреи сочли нестерпимым, чтобы чужаки поселились в их городе и чтобы отправляли там чужие культы».

Далее Дион Кассий пишет, что евреи долго и тщательно готовились к восстанию. Накапливали оружие, создавали укрепленные позиции по всей стране, налаживали четко действующую систему связи. В ту же пору началось брожение среди иудеев по всей Римской империи. Оно охватило и другие народы, практиковавшие обрезание, – самаритян и египтян. Мыслям евреев о восстании в немалой степени способствовали бесчинства Тиния Руфа, наместника Эрец-Исроэл. Пока сам Адриан пребывал в восточных провинциях, ситуация представлялась людям более или менее контролируемой. В честь венценосца даже чеканились особые монеты. Но после возвращения императора в Рим вспыхнуло восстание, переросшее в длительную, яростную борьбу за национальное освобождение.

Непосредственным толчком к мятежу послужило нападение легионеров на свадебную процессию в Тур-Симоне.

Борьбу против римлян возглавил Шимон бар-Косева, получивший впоследствии прозвище Бар-Кохба, что в переводе с арамейского значит «сын звезды». Народ воспринял его как вождя, ниспосланного самим Небом. Правда, ранние талмудические летописцы, жившие уже после разгрома восставших, называли его Бар-Козива. Имя это по написанию схоже с именем Бар-Кохба, но смысл имеет принципиально иной – «сын лжи». Считается, что в нем отразилось глубокое общее разочарование: восстание было подавлено, римляне разграбили, опустошили страну.

Шимон Бар-Кохба взял себе титул «Князь Израиля». По дошедшим до нас отрывочным данным, войско его состояло из двухсот тысяч тяжеловооруженных воинов, тридцати тысяч легковооруженных лучников и двадцати тысяч всадников. На знамени вождя золотились слова: «Взошла звезда от Яакова».

Те, кто желал вступить в армию Бар-Кохбы, поначалу проходили суровое испытание: каждый доброволец отрезал себе палец в доказательство преданности великому делу и решимости идти до конца. Но законоучителя запретили этот обряд как противоречащий духу иудаизма. Тогда военачальники предложили добровольцам другое: на полном скаку выдергивать из земли молодые кедр.

Духовный вождь восстания, рабби Акива бен-Йосеф, родился примерно в 50 году. Выходец из бедной семьи, он женился на дочери иерусалимского богача, хотя тот был против этого брака. Молодые жили в крайней нужде. Жена Акивы, Рахель, однажды продала свои волосы, чтобы купить еды. Но именно по ее настоянию Акива начал учиться.

Глубокий и своеобразный ум выделял Акиву среди учеников ешивы города Лидда. Тринадцать лет спустя, давно закончив образование, рабби Акива открыл в Бней-Браке собственную ешиву, и там собрались на редкость одаренные молодые иудеи. Акива с юности отличался смелостью и независимостью суждений; это он внес немалый вклад в упорядочение Устного Закона. Когда вспыхнула война против римлян, рабби Акива приветствовал ее всем сердцем. Талмуд цитирует его слова о Бар-Кохбе: «Вот он – царь-избавитель, Мессия!» Впрочем, этот всплеск восторга одобрили отнюдь не все еврейские мудрецы. Один из оппонентов рабби Акивы, рабби Йонатан бен Торта, опроверг собрата: «Акива! Скорее трава прорастет сквозь твои [мертвые] челюсти, а сын Давидов всё не придет!»

По совести говоря, история донесла до нас некоторые высказывания полководца иудеев, свидетельствовавшие о том, что благочестия ему подчас не хватало. Как-то он воскликнул: «О Б-же, не хочешь помогать нам – не помогай, но хотя бы не мешай!»

По талмудическим преданиям, Акива перед самым восстанием посетил Парфянское царство, Аравию и некоторые страны Европы и Африки. Надо полагать, эти поездки он совершил, надеясь склонить еврейские общины в дальних краях к восстанию против Рима или, в крайнем случае, убедить их обеспечить посылку добровольцев в Эрец-Исроэл и материальную помощь.

В начале войны боевые действия против римлян протекали весьма успешно. В руках восставших оказались вся Галилея, вся Иудея, плато Голан. Иерусалим был освобожден, страну разделили на военные и административные округа. Восставшие чеканили монеты с надписью: «Первый год после освобождения Иерусалима», «Второй год...», «Третий год...». Шимон Бар-Кохба сосредоточил в своих руках всю военную и политическую власть.

Сохранились его письма и распоряжения. Речь там идет не только о боевых действиях и тыловом обеспечении, но и о проблемах административного, политического характера. Читая эти документы, понимаешь: командующий войском иудеев был человек поистине выдающийся. Как раз такого военачальника народу и не доставало в эпоху первой Иудейской войны.

Тем не менее сохранились свидетельства о том, что Бар-Кохба был весьма вспыльчив, а временами даже неоправданно жесток...

Не придавая поначалу волнениям в Эрец-Исроэл большого значения, император Адриан поручил усмирение страны Тинию Руфу. Однако усилия наместника не увенчались успехом, и тогда на помощь ему был отправлен легат Сирии Публий Марцелл. Вопреки ожиданиям, прибытие дополнительных воинских частей не изменило положения в пользу римлян. Бар-Кохба разбил и Марцелла. Теперь уже успехи повстанцев вызывали у императора вполне обоснованную тревогу. Если бы евреям удалось восстановить независимость Эрец-Исроэл, за ними неизбежно восстали бы и другие римские провинции. А ухудшение внутренней ситуации в империи могло спровоцировать нападение внешних врагов – германских племен и сарматов на Рейне и Дунае, парфян на восточных рубежах.

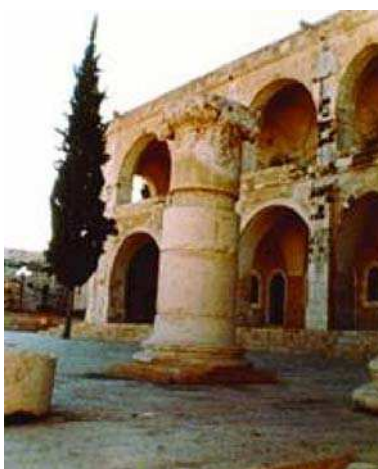
Поэтому Адриан отзывает из Британии своего лучшего полководца Юлия Севера и дает ему для подавления восстания Бар-Кохбы двенадцать легионов. Мало того. Он присовокупил к ним еще и вспомогательные отряды. В этом походе Севера сопровождал Квинт Лоллий Урбик (Урбан), бывший ранее наместником Нижней Германии. Известно, что и сам Адриан некоторое время находился на театре военных действий. Операции могучего сухопутного войска римлян поддерживались имперским флотом. Словом, активные боевые действия велись и на суше, и на море. А ведь во время первой Иудейской войны армия императора Веспасиана состояла всего лишь из пяти-шести легионов и нескольких вспомогательных частей...

Начав вторжение с севера, римляне заняли хорошо укрепленные города Кабул, Сихин и Магдалу. Ареной кровопролитных сражений стала долина Римон. Натолкнувшись на ожесточенное сопротивление, Юлий Север стал избегать открытых сражений и применил тактику выжженной земли. Страна подверглась страшному опустошению: крепости были разрушены, деревни уничтожены, население частью перебито, частью продано в рабство. По свидетельству Диона Кассия, римляне разгромили пятьдесят укреплений и почти тысячу деревень. Погибло при этом не менее пятисот восьмидесяти тысяч человек. Еще до окончания боевых действий имперская администрация обнародовала целый свод антиеврейских законов. Под запретом оказались еврейская система судопроизводства, изучение Торы, строительство новых синагог. Таким способом римляне, похоже, пытались осуществить одну из первых в обозримой истории попыток «окончательного решения еврейского вопроса».

Но и захватчики понесли жестокие потери. Это подтверждает послание Адриана, извещающее сенат о победе в жестокой войне – в послании отсутствует обычная в подобных случаях фраза: «Если вы и дети ваши здоровы – хорошо. Я и мои легионы здоровы».

К 135 году новой эры римляне добились коренного перелома. Для этого, по талмудическим источникам, им пришлось выдержать более пятидесяти сражений. Последним оплотом евреев стал Бейтар –

крепость на горном хребте, высившемся над долиной Сорек. Взятие Бейтара римскими легионами произошло 9 ава 135 года. Причиной падения крепости была не слабость повстанцев, а то, что они полностью лишились продовольствия и воды. По другим данным, взятие Бейтара врагами стало следствием измены двух братьев-самаритян – Менаше и Эфраима. Сам Шимон Бар-Кохба погиб, вероятно, несколько раньше – во время одной из многочисленных вылазок бойцов. Об осаде Бейтара упоминает, в частности, ранний христианский историк Евсевий Кесарийский. «Война, – пишет он, – достигла наибольшего размаха в восемнадцатый год правления Адриана в Бетере (Бейтаре), которая была сильной крепостью недалеко от Иерусалима. Осада ее продолжалась долгое время, покуда мятежники не погибли от голода и жажды, а зачинщик этого безумия получил заслуженное наказание».

После падения Бейтара несколько уцелевших еврейских отрядов скрывались в горных пещерах и продолжали неравную борьбу. Наиболее крупным был отряд, воевавший близ Тивериадского озера и возглавлявшийся некими братьями из Кефар-Харубе. Но римляне методически истребляли и истребили последних повстанцев.

В том же 135 году они казнили и рабби Акиву.

Вот как описывает эту казнь Агода: «На рассвете Судного дня рабби Акиву вывели во двор тюрьмы... Привязали к столбу. Римские палачи рвали его тело раскаленными щипцами, но ни единого вопля не вырвалось из его губ.

Светало, на востоке небо окрасилось в пурпур. Рабби Аквива приложил руку к глазам и возгласил:

– Слушай, Израиль! Г-сподь Б-г наш есть Г-сподь единый...

Ученики приблизились месту казни учителя, и рабби Меир сказал:

– Рабби, сердца наши обливаются кровью из-за того, что на твою долю выпали такие страшные муки.

– Мои любимые дети, – ответил рабби, – не горюйте обо мне. Я достиг своей цели, мои желания исполнились. На протяжении восьмидесяти лет я страстно желал отдать мою жизнь для освящения Имени Б-жьего, ибо сказано: “И возлюби Г-спода Б-га твоего всем сердцем твоим...” Разве есть лучшее доказательство этой безмерной любви, чем смерть, освящающая Имя Б-жье!

И он вновь возгласил:

– Слушай, Израиль! Б-г наш есть Г-сподь единый!

И когда он произнес слово “единый”, смерть настигла его, и душа вознеслась к небесам».

После подавления восстания множество евреев продали в рабство на невольничьих рынках Хеврона и Газы. Продали по самой низкой цене. Тех, кого не удавалось продать в Эрец-Исроэл, отправляли в Египет. Значительная часть этих людей погибла от голода или в результате кораблекрушений. Страна обезлюдела.

С тех пор воплощение мечты евреев о восстановлении независимости Эрец-Исроэл было отодвинуто на долгие столетия. Началась эпоха голуса – изгнания, продолжающегося вот уже почти две тысячи лет.

РАССКАЗЫ ИЗ ТАНАХА. САРА И АГАРЬ

Илана Арци

«...Nada, xai a Aadaai a Ia ot xea ai o

a o ia daai y - aai o yi ea

ii ei ai e Aadi...»

(Ade eñ 16:1).

Поселился Авраам с семьей в земле Ханаан. Незаметно пролетели годы. Детей как не было, так и нет! А ведь обещал Ашем многочисленное потомство.

Но Авраам и Сара были праведниками и не роптали.

Говорят наши мудрецы: если десять лет в браке детей нет, надо брать другую жену.

У Сары была рабыня. Звали ее Агарь. Голубых кровей – египетская принцесса по происхождению.

Как она попала в рабыни? Почему оказалась в доме Авраама?

Сама захотела! Так отцу-фараону и заявила. Еще девчонкой:

– Лучше мне быть рабыней у Авраама, чем владеть Египетским царством.

Фараон удивился, но возражать не стал.

Маленькая Агарь присоединилась к каравану Авраама. Госпоже ни в чем не перечила. Та относилась к ней как к родной дочери. Души в ней не чаяла.

Выросла Агарь. Стройная стала да статная. Смуглая кожа, блестящие черные волосы. Большие карие глаза, пушистые ресницы. Хоть и красивая, но скромная.

– Дам ее Аврааму в жены, – решила Сара, – пусть родит нам сына.

Как только Агарь понесла, сразу перестала уважать хозяйку.

«Не праведница она вовсе, раз Ашем ей детей не послал, – думала Агарь. – То ли дело я. Мне теперь почет и уважение...»

– Принеси воды, Агарь, – просит Сара.

– Тяжело нести!

– Замеси тесто.

– Голова что-то кружится.

– В палатках подмети!

– Я устала.

Пожаловалась Сара Аврааму:

– Девчонка совсем от рук отбилась. Что она себе позволяет! Так дальше продолжаться не может. Я дала ее тебе в жены, а теперь она на меня плюет!

– Агарь – твоя рабыня. Поступай с ней, как сочтешь нужным, – ответил Авраам.

Агарь подслушала их разговор и решила убежать к отцу в Египет.

Бредет она по пустыне. Устала. Прилегла в тени огромного кактуса. Вдруг за клубился туман и появился ангел:

– Вернись к своей госпоже, смирись под руками ее. В награду за покорность родится у тебя сын. Станет он родоначальником большого народа. Назови его Ишмаэлем.

Огорчилась Агарь, да только деваться было некуда. Возвратилась, стала служить Саре. В положенный срок родила. Нарек Авраам младенца Ишмаэлем.

Вспомнил Ашем о Саре – та тоже родила мальчика. Назвали его Ицхаком, что значит «смеющийся».

Соседи перешептывались, хихикали в кулак:

– Аврааму сколько лет, знаете?

– ???

– Сто!

– А Саре?

– Девяносто!

– Где ж это видано, чтоб в такие годы рожали?

– Нашли подкидыша и выдают за своего...

Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Не знали злыдни, что от Ицхака произойдут евреи и получат Тору. Станут избранным народом. Что в конце концов придет Мошиах, и Ицхак посмеется над ними.

Сделал Творец Ицхака похожим на Авраама, как две капли воды. Когда младенцу исполнилось два года, устроил Авраам грандиозный пир. Соседки принесли грудничков, и Сара кормила их своим молоком. Ашем сотворил чудо: молока было много. С тех пор перестали сомневаться в том, что Ицхак действительно сын Сары.

По словам мудрецов, от тех детей, отведавших Сариного молока, произошли все прозелиты – иудеи.

Ишмаэль задирает Ицхака:

– Ты союз с Ашемом – «брис-милу» – когда заключил?

– На восьмой день.

– Ха! Ты же в это время ничего не соображал. Вот я – другое дело! Мне тогда тринадцать минуло. Считаю, взрослый мужчина!

– Подумаешь, – отвечал Ицхак, – если потребуется, я жизнь за Ашема отдам.

Ицхак)... (Слово не воробей: выпало ведь потом Аврааму вести любимого сына на заклание – «акедас

Услышал эти речи ангел-обвинитель и мигом к Престолу Славы. Ашему доносит:

– Обязуется малец за Тебя жизнью пожертвовать. Взять этого хвастуна да и проверить!

– Всему свое время. Не горячись...

Раз Ишмаэль позвал Ицхака «играть». Поставил его под деревом, на голову ему положил яблоко, взял лук и стрелы и стал похваляться:

– Я за сто шагов в самую середку попаду.

Засвистели стрелы над головой младшего брата.

Увидела эту картину Сара и закричала:

– Как ты можешь, дубина стоеросовая, стрелять в такую кроху?! Убить хочешь?

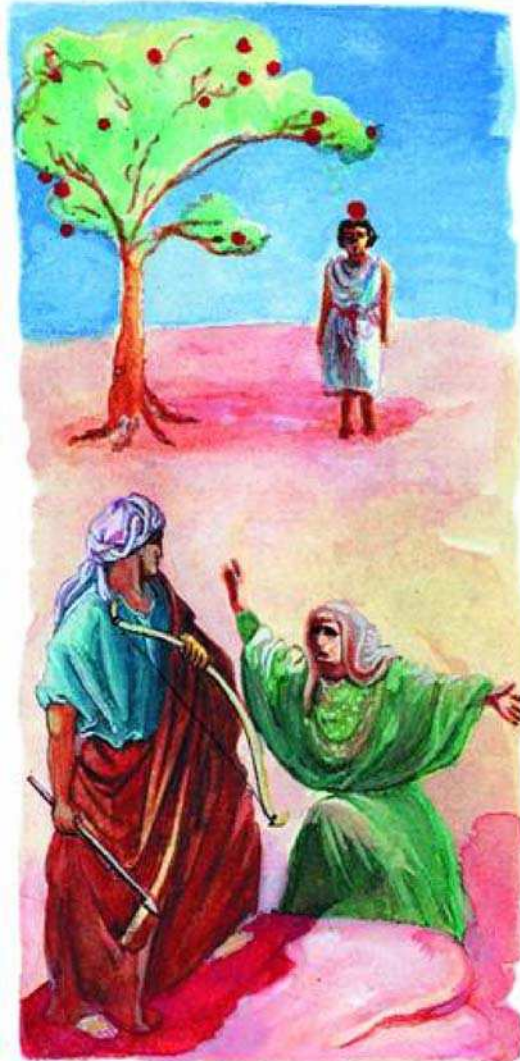
Выхватила лук, побежала к Аврааму:

– Сил моих больше нет! Пусть убираются восвояси, в Египет!

– Как же так? Ишмаэль ведь тоже мой сын!

– Не наследовать ему тебе вместе с Ицхаком!

– Надо посоветоваться с Ашемом.

– Как мне быть? – с мольбой спросил Авраам Всевышнего.

– Слушайся Сару! – был ответ.

Авраам отослал Агарь и сына.

Ишмаэль вырос сильным, ловким. Истинная гроза караванов и пугников. Ашем свое обещание тоже выполнил: стал сын Авраама и Агари отцом двенадцати князей. Пошло от них народу великое множество.

Минуло несколько лет. Аврааму захотелось навестить своего первенца.

Собрался в путь. Долго ли, коротко ли добирался, видит – палатка.

У входа женщина медный сосуд чистит.

– Мир вам, уважаемая! Не тут ли живет Ишмаэль?

– А тебе зачем?

– Давно не виделись. Он дома?

– На охоте.

– Позволь воды испить и перекусить с дороги.

– Нету ничего!

– Понял. Передай хозяину, что вход в дом у него плохой! – Поднял Авраам верблюда и был таков.

К вечеру вернулся Ишмаэль домой.

– Как дела? Что нового? – спрашивает.

– Да проезжал мимо старик. Хотел тебя повидать. Велел сказать, что вход в жилище у нас негодный, переделать надо!

– Хм, интересно... А ты его напоила, накормила? В тени палатки отдохнуть позвала?

– Вот еще, стану я всяких проходимцев ублажать!

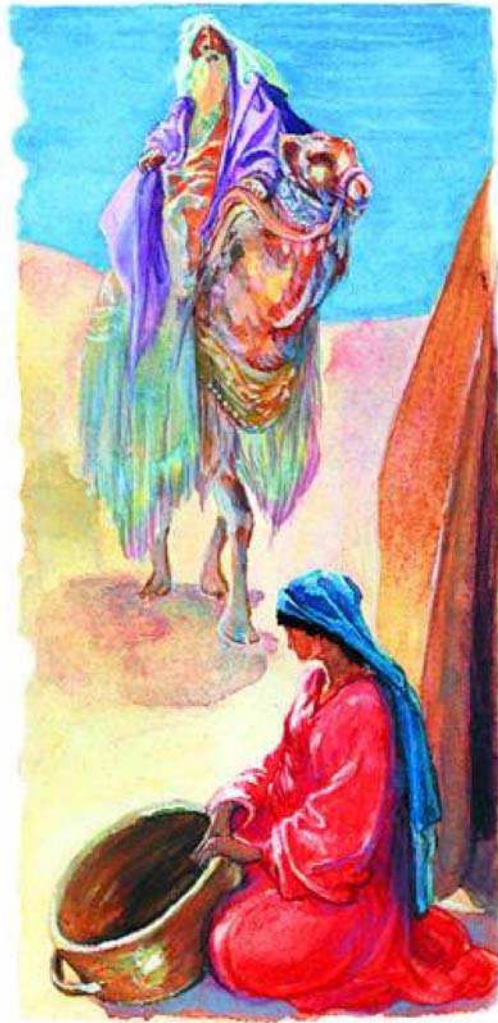
– Ох, наверное, это мой отец был! Прав он на все сто, действительно, придется «вход в дом» менять! Бери, что тебе любо, и отправляйся назад к отцу!

Через какое-то время женился Ишмаэль снова. Уехал на охоту, а тут опять Авраам в гости пожаловал.

– Мир вам! Не это ли шатер Ишмаэля?

– И вам мир! Он здесь живет, только сейчас на охоте... Да вы проходите, подождите его. Холодной водицы испейте. А я вам сейчас свежих лепешек на меду испеку.

– Спасибо, добрая женщина, ничего не надо. Только передайте мужу, что на сей раз у него вход в шатер в полном порядке.

РАББИ ШМУЭЛ А-НАГИД

Маркус Леман

Продолжение. Начало в № 9–12, 2004; № 1–3, 2005

23 *Á iîèñáò íòáíòá*

Вернувшись под утро домой, рабби Шмуэл и не подумал лечь в постель, а долго расхаживал взад и вперед по комнате, размышляя о создавшемся положении и грозящей беде, ища способы примирить двух братьев. Один за другим он отменил несколько вариантов. Потом решил начать действовать. Первейшим долгом главного визиря страны было утешить близких халифа, скорбящих по поводу его кончины, и выразить им соболезнования. Наш герой собирался воспользоваться этим неизбежным ритуалом, чтобы получить представление об умонастроении каждого из братьев и степени упрямства. Это помогло бы ему понять, насколько выполнимы его собственные планы. Он надеялся, что и в том, и в другом случае сумеет понемногу направить разговор в нужное русло, а затем исподволь подведет и Бадиса, и Балкина к сознанию его, рабби Шмуэла, правоты. Правоты лучшего, умнейшего помощника почившего в бозе Хабуса.

Первым делом он отправился к Бадису. Тот бросился ему навстречу, обнял и долго плакал на его груди.

– О счастливейший, достойнейший! – восклицал наследный принц. – Тебе выпала высокая честь находиться у постели умирающего отца моего! Меня-то он в эту минуту отослал от себя... Поведай же – каковы были его последние минуты?

– До самого последнего мгновения повелитель сохранял ясный рассудок, – начал свое повествование рабби Шмуэл. – Расставаясь с нашим миром, он прозревал духовным взором грядущие события и превратности, возможные в судьбе своего государства.

– Так Расскажи, Расскажи скорей, как всё это было! – требовал Бадис едва не со слезами на глазах. – Что он говорил, о чем думал?

– В последние часы он страшно ослабел, – продолжал рабби Шмуэл, – настолько, что произносить слова мог уже только с большим трудом. Однако, увидев меня, встрепенулся: казалось, к нему вернулись силы. Он собрался с духом и начал говорить. Я почти дословно помню всё, что услышал. И постараюсь передать тебе. «Дорогой мой Шмуэл, наступил наконец день, когда я должен буду ответить за все свои поступки перед Создателем. – Это была его первая фраза. – Да простит Он мне все мои прегрешения. А ты приклони ко мне слух и хорошенько запомни то, что я тебе сейчас скажу. Властители Гранады издревле особое внимание проявляли к духовной стороне человеческой жизни – к искусствам, наукам, мудрости священных книг. Мы старались развивать и торговлю. Однако во времена моего правления мы, пожалуй, сильно забросили военное искусство, стратегию и тактику ведения войн. Возможно, это и характеризует нас достаточно лестно – как миролюбивых политиков, сильных и уверенных в себе. Но не следует забывать, что со всех сторон мы окружены врагами. Вокруг нас – страны и правители, которые не видят большого проку ни в искусстве, ни в науках, ни в мирном сосуществовании. Они помышляют только о ратных подвигах, военных победах, неважно где, как и какой ценой, – лишь бы завоевать славу. С севера исходит серьезная угроза для всей арабской культуры и для главных установлений жизни нашего полуострова. Такой человек, как ты, не может этого не понимать, потому что угроза с севера смертельна и для евреев. Вряд ли вы сможете под властью северян жить столь же счастливо и безмятежно, как живете сегодня. Посему я прошу тебя – будь опорой и помощником моему старшему сыну, служи ему верно – как служил мне. Я надеюсь на Бадиса. Будет куда хуже, если трон унаследует младший сын, несмотря на его горячее к этому стремление. Думаю, ты согласишься со мной, да и религия иудейская обязывает тебя признать приоритет старшего наследника над младшим...»

Так говорил со мной халиф. Я постарался успокоить его, искренно заверив, что в точности исполню его волю. Я сказал ему: «Мне бы не хотелось, чтобы господин мой халиф видел будущее в столь ужасном свете. Пусть он живет и здравствует, пусть правит еще долго ради блага своих поданных». Но в ответ твой отец лишь грустно покачал головой: «Нет, дорогой Шмуэл, любому царству рано или поздно приходит конец. Вавилон, Персия, Греция, Рим, империя Александра Македонского – все они завершили свое существование, и то же судьба уготовила моему царству. Лишь вы, евреи, пребываете на Земле как нечто вечное и неизменное... Но пока что да будет мир». То были его последние слова.

Бадис вновь упал на грудь рабби Шмуэлу и горько зарыдал. Спустя некоторое время он немного успокоился, принялся молча мерить шагами комнату и вдруг заговорил, словно размышляя вслух:

– Да, отец не ошибался. Слишком много внимания уделяли мы искусству и наукам, слишком мало – воинскому мужеству, героизму. В будущем это несомненно должно измениться... А может, прав отец и наше царство вскоре разрушится?.. Ладно, будь что будет, а теперь я халиф и на мне лежит ответственность за существование Гранады, за спасение ее от внешних и внутренних врагов.

– Ты еще не халиф, – мягко возразил рабби Шмуэл.

– Что ты говоришь! – вскипел Бадис. – Как это я не халиф, почему не халиф? Разве не сказал отец мой перед смертью, что я должен править после него? И кто посмеет встать на моем пути?

– Ты прекрасно знаешь кто. Твой младший брат. Плоть от плоти халифа Хабуса. Я уже велел разузнать, каковы настроения в народе, к чему склоняется страна. С великим сожалением вынужден признать, что твои шансы на победу весьма малы.

Бадис побледнел.

– Арабы, конечно, на твоей стороне, – продолжал рабби Шмуэл. – Они ценят тебя как человека справедливого и честного. И хорошо помнят, что ты считался с ними и входил в их положение даже тогда, когда халиф оставался глух к их мольбам. Они уверены, что ты заступался за них даже передо мной. А вот берберы, братья твои и единоверцы, коих в стране большинство, приняли сторону Балкина. Да и меня они смертельно ненавидят. Как ты собираешься их пересилить?

Бадис с минуту пребывал в задумчивости, потом промолвил:

– Я слышал, и среди твоих братьев-евреев есть такие, что тебя сильно недолюбливают. Да, положение и вправду крайне тяжелое, если вообще не безнадежное. Но, может, мы всё-таки попробуем объединить всех наших сторонников и склонить их к решительным действиям? Ведь арабов в Гранаде тоже много. В их числе и простые люди – так называемый народ, далекий от политических козней. Мы должны добраться до них, понять их устремления, должны найти дорогу к их сердцам.

– Превосходно, – отвечал рабби Шмуэл. – Ты говоришь весьма дельные вещи. Как раз сейчас, пока мы тут беседуем, самые влиятельные арабы собрались в кофейне неподалеку. Давай оденемся

крестьянами, вымажем лица сажей и попробуем пробраться на это собрание. Послушаем, о чем они там толкуют.

Бадис с радостью согласился. Минут через тридцать они покинули дворец, переодетые и, можно сказать, загримированные.

Те задачи, что в наши дни выполняет пресса (формирует, скажем, общественное мнение, привлекает внимание граждан к объективным недостаткам их бытия, влияет на отношение народа к правительству), в арабской среде далекой той эпохи возлагались на священнослужителей. Последние собирали толпы людей, произносили перед ними проповеди, наставляли на путь истинный, держали пламенные речи, где содержались вполне прозрачные намеки на непопулярных политиков, крупных чиновников-мздоимцев, вообще на происходящее в стране, в ее повседневной жизни, в ее внешней и внутренней политике.

Рядом с одной из самых больших мечетей города стояло некое весьма вместительное строение. Поначалу в нем предполагалось устроить благотворительную столовую для бедных и кормить их там после молитвы. Но зал этот уже давно превратился в своеобразную кофейню, где арабы любили собираться чуть ли не каждый день, чтобы отдохнуть с друзьями или обсудить свои дела за чашечкой излюбленного коричневого напитка. Стены и массивные каменные столбы внутри кофейни украшали бесчисленные таблички; на табличках искусной арабской вязью были начертаны изречения из Корана. Пол устлали ковры и циновки; собравшиеся сидели на них, скрестив ноги по-турецки.

В этот день зал был набит посетителями до отказа. Арабский шейх, важная персона, пригласил в кофейню едва не всех своих политических единомышленников, то есть приверженцев Бадиса, чтобы рассказать им новую притчу. Среди приглашенных было много евреев. Пришли и крестьяне – те, что стояли за Бадиса и отвергали Балкина.

Едва шейх поднялся на кафедру, в зале установилась мертвая тишина. Он оглядел слушателей и неспешно начал:

– Жил некогда великий царь, который впоследствии умер, оставив после себя двух сыновей. Одного сына звали Истина, другого Ложь.

Такой зачин сразу же взбудоражил гостей. Многие тотчас догадались, о чем пойдет речь. Люди одобрительно перешептывались друг с другом.

– Великий царь горячо любил и баловал младшего сына. Того, что носил имя Ложь, – продолжал рассказчик. – Ибо юноша всегда приносил ему только хорошие вести. Говорил с восторгом, как счастлива страна, которой правит его отец, как богатеют с каждым днем ее граждане и сколь сильно возросла ее слава благодаря великой мудрости и великому же усердию венценосца. Царю такие речи были весьма по нраву. С наслаждением и радостью внимал он своему младшему отпрыску по имени Ложь. Но однажды настал день, когда другой его сын, которого звали Истина, вдруг попросил у царя аудиенции. Младший брат тотчас запротестовал. «Зачем тебе слушать его, отец? – пожимал он плечами. – Мы оба заранее прекрасно знаем, что может сказать тот, кто абсолютно во всем видит одно плохое. Речи таких людей, как мой брат, лишь беспричинно ранят сердца». Царь, однако, решил выслушать и другого сына. И тогда принц по имени Истина, поднявшись к нему в покои, объявил отцу: «До сего дня твои верные слуги не

могли править этой страной так, как ты того некогда желал, ибо ложь застилала глаза тебе, и ее сладкое пение не позволяло ушам твоим услышать хоть единое слово правды. Не доносились до тебя ни мольбы о помощи, ни стоны страдальцев, ни вести о том, что каждый день творится за окнами дворца. Никогда не пытался ты проторить себе путь к своему народу. Видеть перед собой ты хотел лишь слуг, до полу склонившихся в подобострастном поклоне, слышать жаждал только лукавые славословия. Всякий же, кто стоял перед тобой в полный рост, чьи уста возглашали истину, подлежал изгнанию. Ты ни капли не любишь свой народ, совершенно не понимаешь его и не желаешь ничего знать про его нужды и тяготы. Влияние моего брата, принца по имени Ложь, неслыханно и чудовищно по своим масштабам. Сегодня он – тот человек, который позволяет и запрещает, тот, чей приговор неотменим в нашем государстве».

Царь страшно разгневался, повелел выгнать дерзкого сына из дворцовых покоев и запретил ему показываться себе на глаза. Но прошли годы, правитель умер. И вот собрались граждане со всей страны и решили поставить над собой царем принца по имени Истина – чтобы принц по имени Ложь окончательно не вверг их в бездну.

– Да здравствует халиф Бадис, защитник правды! – закричали присутствующие в едином порыве. – Да здравствует Шмуэл, его визирь!

Шейх сначала прикинулся удивленным:

– Как странно, что на ум вам сразу пришли реальные имена! Я ведь рассказал всего только притчу. Обыкновенную поучительную историю... – Он лукаво усмехнулся. – Ну раз так, у меня уже нет выхода; придется открыть всё, что мне стало известно. Нынче ночью в горной пещере собрались берберы вместе с евреями и пытались организовать заговор против Бадиса, но разбежались в страхе, испугавшись завывания волков, которых переполошил греческий огонь. А до того, как разбежаться, они решили напасть на Бадиса и убить его. Убить они хотят и Шмуэла, главного визиря. Царем же намерены поставить Балкина. Я это вам всё к чему говорю? Сохраняйте, возлюбленные братья мои, спокойствие и не принимайте участия в беспорядках, дабы не стала участь ваша такой же печальной, какой непременно будет участь этих берберов. Мы должны тщательно и хладнокровно взвешивать каждый наш шаг.

Посетителей кофейни снова охватило необычайное волнение.

– Да здравствует Бадис! – воскликнули они. – Пусть он придет к нам! Пусть он возглавит наши ряды! Пусть будет нашим предводителем! Под его руководством мы снесем с плеч головы поганых берберов и тех евреев, которые их поддерживают!

Рабби Шмуэл сделал Бадису знак: нужно, мол, немедленно уходить. Но именно в эту минуту их заметил какой-то араб и завопил:

– А кто эти два оборванца, которые жмутся вон там, в углу? Их никто не знает... Конечно, это шпионы Балкина! Больше и быть некому. Хватайте их!

К счастью, рабби Шмуэл и Бадис стояли почти рядом с дверью; им удалось выбежать наружу и в ближайшем переулке смешаться с толпой. Рабби Шмуэл сразу зашагал к дому, а Бадис направился в свой дворец, в Аль-Хамру: рабби Шмуэл считал, что это неразумно – в такой момент появляться на людях вместе.

24 Nèèà óááèááí èÿ

В эту ночь рабби Шмуэл созвал всех своих учеников – чтоб они вместе с ним читали Тору и постигали ее смысл. «Если мне суждено нынче отправиться к праотцам, – рассудил он, – то пусть уж смерть придет за мной в час, когда я погружусь в глубины Торы». Еще раньше он позаботился о том, чтобы не пропали его сочинения, не исчезли навеки в неразберихе и сумятице междоусобных стычек. С этой целью он велел сделать триста копий своего введения в Талмуд и раздал их ученикам.

В тот раз они разбирали трактат «Бава-Кама». Главу «Бык, который забодал корову». Ученики сидели тихо, недвижно и почти ничего не могли сказать по существу дела. О чем шла речь на страницах священной книги, молодые люди даже не задумывались. Размышляли они о своем наставнике. Их изумляло, как может этот человек, оказавшись в эпицентре государственных событий, грозящих ему не просто превратностями судьбы, но самой настоящей гибелью, сохранять такое спокойствие. Жизнь его висит на волоске, а он углубился себе в Гемору, рассуждает, осмысливает формулировки, толкует не вполне понятные места, будто ничто другое на свете его не тревожит. Мало того – в эту ночь он казался им еще более хладнокровным и уравновешенным, чем обычно. Его объяснения были краткими и ясными, как никогда, определения – особенно отточенными, и ничего странного за этим не крылось; просто готовность умереть, читая Тору, вознесла дух рабби Шмуэла до недостижимых высот. Он углубился в спор между рабби Сумхусом и другими мудрецами и в связи с этим начал подробный разбор основополагающих положений закона о презумпциях...

Тут вошел один из людей рабби Шмуэла: главный визирь разослал по городу несколько человек, чтобы те держали его в курсе происходящего.

– Господин мой, – начал прибывший, с трудом переводя дух, – город буквально бурлит, повсюду волнение и смута. Берберы захватили большую часть главных укреплений. Их отряды укрылись в потаенных местах и ждут лишь приказа, чтобы начать действовать. У них наготове масса оружия; в любой момент они могут раздать его населению. Довольно много арабов собралось и под предводительством шейха; этот немалочисленный отряд уже готов к бою. Если господин пожелает, шейх охотно пришлет сюда вооруженных людей для вашей защиты.

– Передай шейху, что лично у меня пока что нет ни малейшей надобности в защитниках, но скажи, чтобы он постарался хорошенько защитить Бадиса, – с полным самообладанием ответил рабби Шмуэл и повернулся к ученикам:

– Что ж, продолжим. Таким образом, на первый взгляд два эти отрывка противоречат друг другу. Вы же помните – из текста главы «Занимающий у товарища» следует, будто Сумхус категорически не согласен делить спорное имущество между двумя субъектами. За исключением, правда, случая, когда корова оказывается на ничейной земле, а не во владениях какого-то одного определенного человека...

В этот момент в дверях возник новый посланец и доложил взволнованно:

– Берберы во главе с Балкином вот-вот набросятся на Бадиса и убьют его. Они уже окружили дворец. Они и тебя собираются убить сегодня ночью. Шейх велел передать, чтоб ты срочно переоделся в чужое платье и бежал отсюда, пока жив. Может, тебя не узнают и не настигнут...

Рабби Шмуэл подошел к окну и сквозь щель в ставнях поглядел наружу. Мимо дома безостановочно шли вооруженные люди, крайне возбужденные, выкрикивающие какие-то имена. Главный визирь Гранады расслышал и свое имя. Мятежники размахивали копьями и мечами, горланили воинственные песни и поносили его всевозможными способами. Эти люди, казалось, совершенно потеряли человеческий облик, превратившись в неуправляемое кровожадное стадо.

– Похоже, бежать невозможно, – сказал рабби Шмуэл. – Впрочем, я и не собирался этого делать. Оставайся-ка и ты с нами, – обратился он к нарочному от шейха. – Снаружи опасно. Я скажу, чтобы тебя покормили, а мы тем временем продолжим занятия... Так вот... Я вам уже говорил, друзья мои, что имеются некоторые несоответствия между этим местом и третьей страницей главы «Занимающий у

товарища». Мы, разумеется, могли бы объяснить противоречия тем, что во втором случае речь идет о ситуации, при которой корова находится на ничейной земле, а не во владениях одного из участников спора. Однако...

И снова в дом рабби Шмуэла ворвался вооруженный человек. На сей раз то был высокий юноша с худым лицом и злыми глазами. Головной убор он, видно, где-то потерял и, вполне вероятно, этого даже не заметил. В правой руке он сжимал обнаженный меч. Смертельная бледность разлилась по лицам собравшихся, когда они узнали в незваном госте самого Балкина.

– А-а-а! Еврей! – вскричал сын халифа диким голосом, вперив ненавидящий взор в рабби Шмуэла. – Всё еще ищешь власти над правоверными? Получи же наконец заслуженное воздаяние!

Он взмахнул мечом, явно намереваясь вонзить его в сердце рабби Шмуэла, и с насмешкой процедил сквозь зубы:

– Следом за тобой придет и очередь Бадиса! Братца моего единоутробного...

Смертоносное лезвие уже почти коснулось груди рабби Шмуэла, стоявшего неподвижно, точно каменное изваяние, но тут руку Балкина уверенно перехватила чья-то могучая рука, и меч со звоном упал на пол.

– Кто посмел это сделать?! – заревел Балкин, ослепленный гневом. – Кто бы ты ни был, негодяй, готовься – пришла твоя смерть!..

И он обернулся, желая тотчас броситься на человека, не побоявшегося выбить меч из его руки. Человек этот, не шелохнувшись, бестрепетно встретил взгляд Балкина. Глаза принца налились кровью, он снова сделал было резкое движение, снова вытянул руку с мечом, но потом вдруг отпрянул назад, потрясенный, почти испуганный:

– Б-же правый! Ты? Ты, рабби Ицхак, спаситель моей жизни, мой верный сторонник? Как ты сюда попал, что делаешь в доме нашего злейшего врага?

– Я пришел сюда, чтобы во второй раз спасти твою жизнь, – отвечал ему рабби Ицхак. – Однако сегодня собираюсь спасти не только тело твое, но и душу: убережешь ее от смерти в мире будущем. Разве ты не понимаешь, что намереваешься сотворить? Двойное убийство! Ты только сию минуту кричал, что заколешь самого благородного и уважаемого человека в нашем поколении, а потом порешишь родного брата... Одумайся, Балкин! Приди в себя... Не иначе рассудок твой помутился. Скажи, неужели ты и вправду хочешь, чтоб души умерших преследовали тебя днем и ночью до конца дней? Неужели не сознаешь, что в целом мире не найдется для тебя убежища от них? Они станут преследовать тебя, проклинать, угрожать тебе, они превратят твой сон в сплошной кошмар. Невыносимый и неотступный... Днем и ночью вопли невинно убиенных будут раскалывать твой череп. Ты что же, действительно обезумел и ничего больше не соображаешь? Забыл, что убийство противно всякому, кто верует в единство Всевышнего? Да и где совесть твоя? Остановись на секунду, задумайся, сколь ужасны будут последствия злодеяний, которые ты готов совершить. Не знать тебе спокойной жизни ни в этом мире, ни в будущем; души погубленных однажды отомстят тебе, и ты умрешь ужасной, мучительной смертью. И спустишься в преисподнюю, да, да, в ад крошечный, и уже не выйдешь оттуда. Очнись, Балкин, еще раз говорю тебе, очнись и подумай хорошенько о том, что хочешь содеять!

Выражение лица юноши переменилось. Во взгляде появились растерянность и страх. Суровые слова рабби Ицхака явно произвели на принца впечатление. Однако он всё-таки попытался настоять на своем:

– Разве моя священная обязанность не заключается в том, чтобы восстать против старшего брата, предавшего память предков, народ наш? Разве он поступил честно, поставив берберов, а значит, и своего брата на одну доску с арабами и евреями? И разве это не правда, что сама земля наша восстала против него? Против него всё – горы, реки, долины! Само небо над Гранадой!

– Взор твой затуманен, и сердце твое глухо! – негодуя воскликнул рабби Ицхак. – То, что в твоих глазах выглядит осквернением и предательством, – не более чем справедливость. Естественная и закономерная. Если бы Бадис поставил другие народы выше своих братьев-берберов, тогда, возможно, и возникли бы основания противиться его власти. Но разве не ты сам только что признал, что он стремится дать равные права всем гражданам государства? Брат твой уважает достоинство и права всякого человека. А ты... Что ты собирався сделать? Ты хотел начать свое царствование с позорного и страшного кровопролития, с убийства благородных, ни в чем не повинных людей. Стыдись, Балкин!

Принц стоял посреди комнаты, опустив голову, и выглядел совершенно уничтоженным. По природе своей он был вообще-то человек не злой, в какой-то мере даже совестливый, был отходчив и характер с младенчества имел довольно миролюбивый. Беда состояла в том, что его ослепили жажда власти и нескончаемая лезть сподвижников. Беспощадные упреки рабби Ицхака, которого он справедливо считал спасителем своей жизни и, стало быть, другом, в конце концов сломили упрямство юноши.

– Что же мне теперь остается? – воскликнул он в ужасе и с искренним недоумением.

– Только одно, – раздалось в ответ. – Теперь ты должен выйти к народу и провозгласить, что отказываешься от халифского трона, ибо целиком и полностью убедился: брат твой Бадис, в качестве старшего сына и согласно завещанию вашего отца, халифа Хабуса, имеет законное право царствовать в Гранаде. Поведи своих сторонников за собой, склони их к миру и будь первым, кто припадет к ногам нового халифа, признает его власть и попросит у него прощения и милости.

Некоторое время Балкин стоял, плохо соображая, как быть дальше. Человек, не способный к решительным действиям, он и теперь не знал, что должен делать. В душе его бушевали противоречивые чувства: испуг, обида, уязвленное самолюбие, стыд. В конце концов он сдался и поступил так, как требовал рабби Ицхак.

Большинство жителей страны, отнюдь не стремившееся к самоистреблению в ходе жестокой и кровопролитной войны за власть, с готовностью отозвалось на призыв Балкина и пошло вслед за ним к Бадису – чтобы возложить на его голову корону. Дружные крики толпы во славу Бадиса и его главного визиря рабби Шмуэла эхом разносились по городу и окрестностям; совсем недавно точно такими же радостными воплями народ поддерживал Балкина и благословлял его на убийство брата.

Вечером того же дня рабби Йосеф ибн Мигаш и рабби Нехемия Ашкафа покинули город, опасаясь мести Бадиса. Рабби Ицхак тоже не задержался в столице, поскольку не исключал, что Балкин может передумать, и не был уверен, что Бадис забыл о его измене. *יִצְחָק יָבֵן יְרָאֵל וְיִשְׁמֹעֵל בְּנֵי יוֹסֵף וְיִשְׁמֵעֵל בְּנֵי נְחֵמְיָהוּ אֲשָׁכַף וְיִשְׁמֹעֵל בְּנֵי יוֹסֵף וְיִשְׁמֵעֵל בְּנֵי נְחֵמְיָהוּ אֲשָׁכַף*

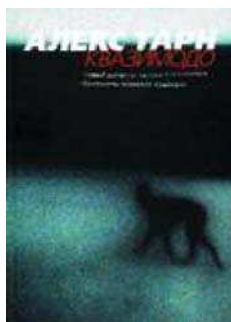
ЧЕРНО-БЕЛОЕ КИНО

Àéàéñ Òàòí

Éààèì Ìáì

Đí ì àí

Ì.: Ì ñò ù ééüò óòú; Jerusalem: Gesharim, 2004 – 288 c.

Московско-иерусалимское издательство «Мосты культуры – Гешарим» выпускает уже вторую книгу русскоязычного израильского прозаика Алекса Тарна (Алексея Тарновицкого). И чем дальше, тем определеннее становится то странное впечатление, которое возникает при чтении его романов. Основное ощущение от них – это ощущение избыточности. Да, кажется, слово найдено: проза Тарна откровенно избыточна, все ингредиенты наличествуют здесь в ином составе и в намного большем количестве, чем нужно для решения тех задач, которые ставит автор. И «Квзимодо» с этой точки зрения, пожалуй, еще показательнее, нежели первый роман Тарна «Протоколы сионских мудрецов» (о нем см.: [Лехаим, 2005, №2](#)).

На этот раз писатель рассказывает историю двух тель-авивских бомжей, репатрировавшихся из России в Израиль и по разным причинам (в обоих случаях скорее психологическим, чем социальным) оказавшихся на улице. Как и в предыдущем романе прозаика, действие разворачивается на фоне террористической войны, развязанной палестинскими арабами против Государства Израиль.

Казалось бы, черно-белая палитра, используемая писателем для характеристики героев, и биполярная расстановка персонажей, их четкое разделение на положительных и отрицательных, недвусмысленно сигнализируют о принадлежности «Квзимодо» к тому сегменту изящной словесности, который называют тривиальной, формульной, массовой литературой или попросту беллетристикой. В то же время языковая изощренность, композиционные изыски, а главное – чистая, пронзительная нота, нота подлинной тоски, которая беллетристике не положена «по штату», вроде бы свидетельствуют, что мы имеем дело с «большой» прозой.

Немало в романе Тарна и частных удач. В первую очередь это касается заглавного «персонажа» – пса Квзимодо, образ которого получился невероятно обаятельным. Прибавим к этому изящную литературную игру – покалеченную собаку ее новый хозяин, бомж Мишка, называет именем знаменитого персонажа романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». На самом деле похожий на постоянную улыбку шрам от уха до уха на песьей морде отсылает, конечно, к другой не менее известной книге французского писателя – «Человек, который смеется».

Нельзя не упомянуть и о мягком тарновском юморе, вплетаемом в общую ткань повествования без чрезмерного нажима, без лобовых гэгов, без вкусовых провалов. Комические фрагменты удачно оттеняют общую трагическую атмосферу романа: без этих «просветов» книга, и так являющаяся не самым простым испытанием для нервной системы читателя, была бы невыносимо мрачна. Роман вообще выстроен очень пропорционально, что свидетельствует не только о таланте, но и о вкусе автора.

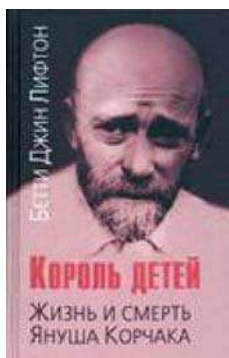
Однако оказываются ли эти достоинства романа решающими? Достаточно ли их для того, чтобы признать за «Квзимодо» статус явления «высокой» литературы? На мой взгляд, не вполне.

КОРОЛЬ ЯНУШ ПЕРВЫЙ

Áàòòè Áæèí Èèòòíí

Êíðíëí äàò äé. Æèçí ü è ñ äðòüßí óóà Êíð: äéà

Ì.: Ðóãíì èíí; Óáèòò, 2004 – 398 с.

Человеку, ставшему мифом, биографии противопоказаны. Исследователи начинают копаться в архивах, изучать письма, не для них предназначенные, интимные дневники, мемуары обиженных женщин... В итоге вылезают всякие неприглядные бытовые подробности и психологические перверсии – кто из нас без греха? Не успеешь оглянуться – а от легенды ничего не осталось, одно лишь чувство разочарования.

Книга Б. Дж. Лифтон – исключение. Образ Старого доктора, сложившийся в сознании тех, кто в детстве читал сказку про короля Матиуша Первого, а в более зрелом возрасте слушал поэму Александра Галича «Кадиш», она не разрушает, а скорее углубляет, делает его более объемным. Хотя, может быть, исключение – сам Януш Корчак, а не его американский биограф?

Но как бы то ни было, заслуги автора Короля детей несомненны (как, добавлю, и заслуги переводчиков: русскому читателю повезло знакомиться с этой книгой в замечательном переводе И. Гуровой и В. Генкина). Не случайно исследование Лифтон считается лучшей биографией Корчака. Цель автора – показать закономерность последнего решения великого педагога, отказавшегося от планов бегства и севшего вместе со своими воспитанниками на поезд, отправлявшийся в Трешлинку. Поэтому жизнь своего героя Лифтон представляет не как цепочку биографических фактов, а как последовательность жестов выбора, в конце концов приведшую к окончательному выбору. Жизнеописание перерастает в своего рода «роман воспитания», в книгу о том, как Генрик Гольдшмидт стал Янушем Корчаком.

Случилось это, когда Генрику было 20 лет. Псевдонимом, взятым в честь героя романа популярного польского писателя Юзефа Игнацы Крашевского (впрочем, того звали Янаш), он впервые подписал посланную на какой-то литературный конкурс четырехактную пьесу. По предположению Лифтон, старинное шляхетское имя давало Генрику возможность подчеркнуть свою двойную, еврейско-польскую идентичность.

Собственно, и свой сиротский приют он в мечтах видел польско-еврейским заведением, где сосуществовали бы дети разных национальностей и вероисповеданий. Однако идея смешанного приюта не вызвала восторга ни у католиков, ни у представителей иудейской общины.

Итак, в начале 1910-х годов Корчак стал директором еврейского Дома сирот. А если точнее – президентом детской республики. В отличие от популярных в тот период доктрин швейцарского педагога Марии Монтессори (в книге почему-то Монтрессори), в теории и практике Корчака основной упор делался не на нетрадиционные методы обучения, а на общение с ребенком. Маленький человек воспринимался как равноправный партнер, заслуживающий самого серьезного отношения. Поэтому воспитанники Корчака избрали свой парламент, организовали суд, начали выпускать собственную газету.

Парадокс в том, что великий воспитатель вовсе не был наивным руссоистом и не идеализировал детей. Их мир представлялся ему отнюдь не более разумным, чем мир взрослых, – все помнят, чем закончилась в его сказке попытка Фелека, премьер-министра при короле Матиуше, ввести власть школьников. Кроме того, у малышей есть один существенный недостаток – они быстро взрослеют и перестают занимать педагога.

Лифтон рассказывает историю о детях ближайших сотрудников Корчака, супругов Элиасбергов. Когда Корчак, после четырехлетнего отсутствия, вернулся в Варшаву и зашел к Элиасбергам, четыре их дочери радостно бросились к дверям, чтобы поприветствовать своего друга, чью лысину они в детстве так любили раскрашивать цветными карандашами. Каково же было разочарование 18-летней Хелены и Ирэны, которой исполнилось 16, когда Корчак, едва поздоровавшись, направился к младшим девочкам и весь вечер проговорил с ними! Хелена и Ирэна проплакали всю ночь, но делать было нечего – они больше не были детьми, и Корчак потерял к ним всякий интерес...

В межвоенной Польше детская республика была крошечным островком, существовавшим по совершенно другим законам, нежели окружающее общество. Не случайно многие воспитанники Корчака, начав самостоятельную жизнь, обнаруживали, что навыки, полученные ими в приюте, скорее мешают, чем помогают. Они не были подготовлены к борьбе за существование, к жесткой конкуренции, их приучили относиться к другим людям как к братьям, а в реальной жизни приходилось «толкаться локтями», чтобы выжить. Как это часто бывает, мир, любясь и восхищаясь утопией, на практике ее отторгал.

Крах утопической республики Корчака начался еще до немецкого вторжения. В 1935 году, после смерти маршала Юзефа Пилсудского, диктатора и юдофила, антисемитские настроения в польском обществе резко усилились. В этот период Корчак начинает всё больше интересоваться опытом еврейского ишува, дважды посещает Палестину, читает лекции в кибуцах, молится у Стены Плача. Он даже собирается переселиться в Иерусалим, но постоянно откладывает окончательное решение – откладывает до тех пор, пока в Варшаву не входят немцы.

Źródło: Yiddish.org

ВОСЕМЬ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОИСКАХ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Ì. Àéçáí ááàðã Á. Àéñáí íá Á. Àðííáá Á. Àéòíá Í. Çàé:èé, Á. Í àéí àí, Á.
Íííá È. Òëëëéäÿ

Á Èçðàèëü è íáðàò íí. Í óò àç áíò àèá àí áðáí àí è è í ðíò ðàí òò áá

Ì.: Áàãðéóñ 2004 – 288 с.

Жанр путевых очерков ныне почти не распространен, что и неудивительно: мир всё более становится единым, почти везде все бывали или будут, и становится необычайно трудно поведать читателям о том, что ты видел, а они – нет. «Хождение за три моря» или заметки Марко Поло о его путешествии сейчас, наверное, не будут востребованы; нашему времени более подходит что-то типа «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, в котором важно не то, что автор обнаружил в своем странствии, а его переживания и умозаключения, вызванные путешествием.

Я никогда не бывал в Израиле.

С одной стороны, это большое жизненное упущение, которое, в том числе, сильно мешает при чтении книги очерков о Земле обетованной восьми русских писателей, побывавших там в декабре 2003 года, в разгар интифады: мне не с чем сравнивать их впечатления. С другой стороны, мое восприятие, не обремененное собственными ощущениями, позволяет читать эту книгу, так сказать, «в чистом виде», почти как познавательную.

Книга удивляет своей неоднородностью, отсутствием цельности: к концу чтения не покидает ощущение, что не только авторы не договорились между собой, какого типа произведения они поместят под одной обложкой, но и редактор просто «свалил в кучу» весь представленный ему материал, и в таком-то виде всё вышло.

Одни авторы (В. Попов, М. Айзенберг) написали путевые заметки не только о конкретном путешествии, но и о вообще об Израиле; другие (А. Битов, Л. Улицкая, А. Найман) опубликовали рассказы, отрывки из романов, по сюжету зачастую лишь условно связанные со Святой землей (например, в рассказе Битова о его тете эта связь заключается в том, что тетька – еврейка). Третьи авторы совместили то и другое: например, первая часть раздела В. Аксенова состоит из почти классического путевого очерка, а вторая часть представляет собой отрывок из романа «Новый сладостный стиль», с Израилем связанный только тем, что там происходит весьма не реалистическое действие этого романа.

Но дело не только в этом. И не в том, что все авторы, независимо от степени их дарования, писатели очень разные, пишущие в разной творческой манере. Важным здесь оказывается сам «предмет повествования», о котором я сужу в том числе по этой книжке.

Если верить всему, мною прочитанному, Израиль – страна донельзя неоднородная. Причем не в том смысле, что «Нью-Йорк – город контрастов», а в том, что не складываемые между собой реалии, присутствующие там, бесконечно борются за право доминировать. Поэтому, наверное, и книга получилась, как печатный «слепок» с этой уникальной страны, возникшей в XX веке наперекор всякой политической логике. Как пишет один из авторов книги, «настоящее Событие – само существование Израиля».

Если рассматривать авторов поодиночке, то мне лично ближе всего простые на первый взгляд, но очень поэтические по сути заметки Михаила Айзенберга, которые вызывают восторг и уникальное чувство «сопричастия» в том мире, о котором он пишет, вдохновенную грусть и даже некую экзальтацию.

Предваряющая статья Марка Зайчика преисполнена излишнего пиетета ко всем остальным участникам поездки: даже завидно, что остались еще люди, для которых писатели – это ПИСАТЕЛИ.

Рассуждения-парадоксы Анатолия Наймана словно рассчитаны на полемику, в которую даже хочется вступить, но... пока у меня нет такого права: ведь я не был в Израиле. Его отрывок о еврействе из романа «Сэр» слишком мудрен и, как мне представляется, надуман, хотя интересен.

Стиль Василия Аксенова – этот «новый сладостный» – как, впрочем, стиль всех шестидесятников, хорошо соответствует жанру путевого очерка. Чувствуется, как автор «кайфует» от написания географических названий, имен, вообще обозначения места и времени. Всё-таки девиз хиппи – «here and now» («здесь и сейчас») – накладывает совершенно определенный отпечаток на текст. Аксеновский отрывок из романа еще более характерен: то, что действие происходит в Израиле, прямо скажем, неважно. Этот отрывок ничем не отличается от эпизода из романа «Ожог», где тоже творится что-то невообразимое, но в Африке. Помню, прочитав «Ожог», я подумал: похоже, что автора во сне и наяву слова буквально душат. Сейчас мне кажется, что ему просто нравится писать, сочинять что-то литературное. В этом смысле он чем-то напоминает позднего Берроуза: эдакая талантливая графомания, красивое словоблудие.

Из этой разнородной книги всё-таки «выбиваются», на мой взгляд, два текста: это рассказ А. Битова и отрывок из несостоявшегося романа Л. Улицкой о католическом священнике-еврее Освальде Руфайзене. Это талантливые произведения, но в книге стоящие явно особняком.

Думается, для публицистических книг сегодняшнего времени читательская оценка «интересно» немалого стоит. Об этой книге можно так сказать.

Андрей Давыдов

ΕΔΑΪ ΕΥ. Ι ΙΑΕΕΑ Ι ΑΕÇΑΑΝΟΙ Ι ΑΪ ΝΙ ΕΑΑΟΑ.

8 Ι ΑΒ 2005 ΑΪ ΑΑ

Αεααί τε δαααί Βιηρέε Ααδε Εαααδ αιçααεε ααεααοεβ ααδαιεεε φαεείυ, ετοίδαυ αιçεταεεεα ααίτε ε ι φαεεα Ι αεçααοί ια μεααοα Α ααεααοεβ αιçεε ααοααί υ-ααδαε, ι δααο ααεγαεεα ααα οταα αιεεε. Ι ηεα αιçεταεαι εγ δαααί Εαααδ ι οτ-εοαε ι ιι ειαεευ οφ ι τεεοαοί ιι αιεται, ι φααοει α αιοεαα ηι αοεçι ιι.

5 мая раввин Берл Лазар участвовал в торжественной церемонии открытия Социально-культурного центра для ветеранов войны и труда в рамках проекта, реализуемого Федерацией еврейских общин России совместно с Международным фондом Залмана с целью создания достойных условий жизни для ветеранов войны и труда независимо от их национальности и вероисповедания. В тот же день в МЕОЦ состоялась презентация Медали Спасения, учрежденной ФЕОР к 60-летию Победы в память о спасении человечества от ужасов нацизма. Медаль, изготовленная на Московском монетном дворе Гознака в количестве 63 экземпляров, представляет собой Звезду Давида из серебра 925-й пробы. К знаку прилагается голубая с серебром матерчатая лента. На лицевой стороне выгравированы даты «1945–2005»; на оборотной – надпись на иврите и на русском языке: «Помни». **ΑΑΪ**

7 апреля участие в торжественном открытии синагоги и еврейского общинного центра в Екатеринбурге. Главный раввин России в своей речи напомнил, что первый храм евреи открыли 3300 лет назад в пустыне, когда вышли из Египта. И было это, как и сейчас, в преддверии праздника Пейсах. Рассуждая о том, почему синагогу открывают накануне Пейсаха, а не в праздник Рош а-Шона, раввин Лазар рассказал о споре двух раввинов. Первый утверждал, что Б-г сотворил мир на Новый год – в сентябре, в месяц тишрей. Второй говорил, что это произошло в нисан, в марте–апреле. Кто же был прав? Правы оба, считает главный раввин России: в тишрей был создан мир тяжкий, с его трудностями и проблемами; но существует и иной, чудесный мир — он есть в жизни каждого человека, когда тот творит добрые дела. Этот мир рождается в наших душах в месяц нисан: «в Пейсах мы можем стать сильнее, чем законы природы». «То, что я вижу, – это действительно чудо, — сказал раввин, — и когда я увидел это чудо, понял, почему мы открываем синагогу перед праздником Пейсах».

Раввин Берл Лазар поблагодарил губернатора Росселя, который вместе со своей командой очень много сделал для того, чтобы это чудо стало возможным, и всех, кто участвовал в строительстве комплекса. «Но губернатор без раввина не стал бы строить синагогу, — пошутил духовный лидер российской еврейской общины, намекая на решающее участие в строительстве раввина Ашкенази. — И вам очень повезло, что у вас есть такой энергичный и умный раввин, благодаря которому это всё получилось, — раввин, который верит в чудеса!» (Подробнее об открытии Екатеринбургского общинного центра и синагоги см. раздел «Регион».)

10 апреля в МЕОЦ участие в презентации очередного издания трудов Ребе «За буквой Закона», осуществленного издательством «Лехаим». Главный раввин России рассказал собравшимся о том, как вместе с составителем оригинала этого сборника Яковом Таубером, двоюродным братом раввина, в годы учебы они посещали лекции Ребе. Иногда эти выступления проходили в Шабос, когда нельзя было делать никаких записей, но среди слушателей присутствовал обладавший феноменальной памятью раввин, со слов которого в дальнейшем воспроизводились слова Учителя.

20 апреля встреча с мэром Москвы Юрием Лужковым. В ходе встречи обсуждались проблемы противодействия антисемитизму в стране, а также развития еврейской общины. В беседе принимали участие первый заместитель мэра столицы Владимир Ресин, глава Комитета по связям с религиозными организациями Николай Меркулов и вице-президент ФЕОР Александр Борода. В ходе встречи Юрий Лужков высказал озабоченность наметившимся ростом экстремистских объединений, костяк которых, по его мнению, составляют маргинальные элементы. Он подчеркнул необходимость борьбы с любыми проявлениями экстремизма и фашизма. «В этом направлении Федерация еврейских общин России и московская мэрия будут активно взаимодействовать», – сказал мэр. Юрий Лужков отметил, однако, что в последнее время евреям в столице стало жить комфортно, и он со своей стороны готов содействовать дальнейшему улучшению условий деятельности общины и развитию Московского еврейского общинного центра.

Главный раввин России заявил, что еврейская община готова активно взаимодействовать с мэрией в социальной и гуманитарной сферах.

23 апреля ведение одного из пасхальных сейдеров в МЕОЦ.

27–28 апреля визит в Израиль в составе официальной делегации, сопровождавшей президента Российской Федерации Владимира Путина.

3 мая участие в торжественном собрании во МХАТе им. Горького, посвященном 60-летию Победы в Великой Отечественной войне и организованном Федерацией еврейских общин России и Российским еврейским конгрессом.

Áëàáí úé ðáááëí Ðíñëè Ááðë Èáçàð:

СÁВÁËÁÍ ÈÁ

Выступление перед журналистами **29 апреля** по поводу визита президента В. Путина в Израиль:

«Несмотря на то что накануне визита были попытки отдельных СМИ в Израиле и в России сконцентрировать внимание на разногласиях между нашими странами, очень быстро всё встало на свои места; этот визит сейчас в Израиле действительно воспринимают как исторический — и не просто потому, что он первый, а потому, что наши отношения изменяются к лучшему, и это находит отражение в конкретных делах».

«Для меня как еврея и раввина были особенно важны три момента в этом визите — посещение Стены Плача, визит в Яд ва-Шем и беседа с президентом Кацавом об антисемитизме». Раввин Лазар отверг «спекуляции некоторых российских СМИ» относительно посещения Владимиром Путиным Стены Плача, которые писали, что «президент якобы не хотел туда ехать и не хотел надевать кипу». На самом деле «Путин, как только прибыл в Иерусалим, сразу попросил отвезти его к Стене Плача. Но тут вмешались израильские службы безопасности; они заявили, что нельзя проводить такие мероприятия экспромтом, они не могут на сто процентов обеспечить безопасность российского президента, а потому ни в коем случае его к Стене не подпустят. Наш президент на площадь всё-таки приехал. Это снимали десятки телекамер, так что теперь, надеюсь, поводов для спекуляций не осталось. Кстати, на следующее утро он очень меня укорял, почему я с ним туда не пошел. Ну, кто мог ожидать, что первое место, куда захочет ехать глава Российского государства, будет святыня еврейского народа! На меня эта демонстрация уважения к евреям, к нашей вере и традициям произвела огромное впечатление».

«На следующий день президент Путин еще раз показал свое отношение к еврейскому народу, когда посетил Мемориал жертв Холокоста. Я по опыту общения с ним знаю, что это очень сдержанный человек. Но в залах, повествующих о трагедии, я увидел, как он расчувствовался. Потом президент обратился ко мне и предложил, чтобы и российская еврейская община подумала о создании мемориала Холокоста. «Это очень важно, чтобы и будущие поколения помнили об этой трагедии, только тогда мы будем уверены, что она не повторится», — сказал он и добавил, что, если евреи примут такое решение, он лично позаботится, чтобы власти оказали необходимую поддержку. Кстати, входя в здание Мемориала, Владимир Путин надел кипу и не снимал ее, пока мы все не вышли на улицу».

О необходимости помнить ужасы прошлого, чтобы не допустить их повторения в будущем, шла речь и в ходе встречи российского президента с президентом Израиля Моше Кацавом. «Владимир Владимирович с большим беспокойством говорил о росте антисемитизма в Европе, о попытках реабилитации нацизма в странах Балтии. В моем присутствии он дважды говорил Моше Кацаву, что в борьбе с антисемитизмом он ни в коем случае не будет ограничиваться словами осуждения, но намерен действовать, реагировать предельно жестко».

«Владимир Путин знает о возрождении российской еврейской общины и говорит о нем с гордостью; он сообщил Моше Кацаву, что в России действует более 200 еврейских общин и свыше 100 раввинов. Даже во время официальных переговоров президент не упустил случай рассказать о приезжающих в Россию раввинах, о том, что еврейская община динамично развивается и вносит созидательный вклад в развитие России».

Áëááí úé ðáááëí Ðíññè Ááðë Èáçáò

СÁВÁËÁÍ ÈÁ

26 апреля интервью по поводу послания президента России Владимира Путина Федеральному собранию.

«В послании впервые прозвучала тема, на которую религиозным деятелям никак нельзя не отреагировать — особая важность социально-нравственной, духовной сферы развития нашего общества».

«Президент понимает, что семья, рождаемость, воспитание детей — это общенациональные проблемы... Кто знает историю России и ее народов, тот непременно скажет, что основой стабильности в обществе всегда были семейные ценности». В то же время, когда семейные ценности забывались, последствия были самые катастрофические, вплоть до братоубийственных войн. «К сожалению, сейчас мы видим у молодого поколения именно ослабление семейных уз, уменьшение приверженности традициям, ценностям здоровой полноценной семьи. Очень хорошо, что президент обращает внимание на необходимость повысить престиж материнства и отцовства, создать условия, благоприятствующие рождению и воспитанию детей. Однако решить этот комплекс проблем без помощи и содействия духовных лидеров невозможно, и президент это понимает».

Раввин Лазар отмечает и другой важнейший момент в послании президента Путина: это этика в бизнесе. «Мудрецы еврейского народа почти два тысячелетия назад говорили, что критерием праведности человека является его поведение в деловой сфере. Наиболее развитые страны мира процветают именно потому, что бизнес постоянно находится там под прессом жесткой религиозной морали. Президент совершенно прав, когда говорит, что без следования общепринятым в цивилизованном обществе нравственным стандартам современный российский бизнес вряд ли может рассчитывать на то, чтобы признаваться уважаемым». Чтобы закрепить связь бизнеса с этикой поведения, надо «вернуться к традиционным ценностям российской духовности, религиозности, благотворительности — ко всему, что веками обеспечивало величие страны».

«Единственный момент в президентском послании, который вызвал у меня и, наверное, у других религиозных деятелей, присутствовавших в зале, определенное отторжение, это слова г-на Путина о внеправовых методах борьбы за национальные и религиозные интересы. Я понимаю, что президент имел в виду прежде всего терроризм под флагом одной из религий. Но здесь я считаю своим долгом подчеркнуть, что не может быть борьбы за религиозные интересы неправовыми методами. Если вы видите насилие под религиозными лозунгами, поверьте, это не религия, это действуют люди, забывшие Б-га или никогда не знавшие Его. Они просто нашли удобную ширму для прикрытия своих политических планов и амбиций. Мы, религиозные деятели, — первые, кто говорит об этом».

Сáвáëáí èá á ñáýçè ñèçáðáí èáí Èíçáòá Ðáòòèí áñðá Í áí íé Ðèí ñèè

«Евреи во всем мире с удовлетворением восприняли избрание Йозефа Ратцингера 265-м понтификом. У нас есть уверенность в том, что Йозеф Ратцингер намерен быть таким же последовательным сторонником развития отношений между иудеями и католиками, как Иоанн Павел II».

Раввин Лазар отметил, что в роли главного теолога Ватикана при Иоанне Павле II Йозеф Ратцингер сыграл заметную роль в налаживании отношений с еврейской общиной, «его можно назвать архитектором политики Ватикана в отношении Израиля при Иоанне Павле II».

«Именно под его руководством в 2000 году была издана книга “Память и Согласие: Церковь и ошибки прошлого”, где приводятся документы, указывающие на упущения и ошибки Римско-католической церкви в отношении евреев; в частности, там осуждались антисемитские настроения, поселившиеся в сердцах христиан во время нацистских гонений на евреев. Он также руководил публикацией в 2002 году книги “Еврейский народ и его Священные Книги”. В ней высказывалось сожаление, что некоторые тексты христианской Библии, где осуждались поступки отдельных евреев, использовались для оправдания антисемитизма».

«Израильские власти и еврейские общины по всему миру положительно оценили такой выбор. Мы надеемся, что при новом Папе Ватикан и Израиль продолжат движение вперед. Мы также надеемся, что, учитывая дела Бенедикта XVI в прошлом, он, как и его предшественник, всегда будет осуждать антисемитизм во всех его формах».

Εί ὁ ἀδὸ ἀεὶ

Āēāāī ūē dāāāēī Dīnēē Āādē Ēācād

ḤĀBĀĒĀĪ ĒĀ

Ī īcāāāāī ēā āāāēēēē īāūēī ā nō dāī ū ā ēāī ōī ī dācāī īāāī ēy Ī āēīāōā

«Дай Б-г, чтобы этот праздник, символизирующий освобождение нашего народа из рабства, дал каждому из нас подлинное чувство свободы — свободы от ненужных ограничений, свободы от тревог за пропитание, — чтобы мы с легким сердцем и вольной душой могли идти по правильному пути, начертанному в святой Торе.

Наши мудрецы учат, что “каждый еврей должен ощущать себя, в каждом поколении и каждый день, так, словно он сам вышел из Египта”. Наверное, евреям бывшего СССР это чувство знакомо лучше, чем кому-нибудь другому. Не буду объяснять почему – это и так всем понятно.

Но почему сказано “в каждом поколении” и почему “каждый день”? Разве могли чувствовать себя “вышедшими из Египта” те поколения наших предков, которые жили в условиях куда худшего рабства?! А с другой стороны, как может ощутить себя “выходящим из Египта” тот, кто уже свободен?

Дело в том, что мы здесь говорим о свободе не только от рабства физического, но в первую очередь от рабства духовного. Духовно свободным человек может быть, даже если живет при самом тяжелом тоталитарном режиме. В дни Пейсаха я всегда вспоминаю советских евреев, которые молились Б-гу, выполняли заповеди, учили Тору, не обращая внимания на атеистическую вакханалию вокруг. Я вспоминаю ясный ум этих людей, их великое душевное спокойствие — они были свободными людьми в океане несвободы, они своей жизнью воплотили заповеди Пейсаха.

А когда наши мудрецы говорят “каждый день” – они дают понять, что обретение свободы есть не одномоментный акт, а длительный, постоянный процесс. Уровень свободы, достигнутый человеком вчера, уже недостаточен для него сегодня, он должен продолжать подниматься по ступеням освобождения, всё время приближаясь к полной свободе в Б-ге, которая придет к нам в дни Мошиаха.

Конечно, этот ежедневный подъем по пути к свободе требует больших сил, большой внутренней дисциплины. И эту силу мы получаем на сейдере, когда не просто рассказываем о событиях далекого прошлого, но как бы сами участвуем в них, переживаем их, передаем их нашим детям. Как учит Рамбам, “каждое дело, совершаемое в эту ночь (ночь сейдера), следует вершить на путях свободы”. Недаром на сейдере каждый еврей – Царь, каждая еврейка – Царица.

Только так, “на путях свободы”, мы добьемся того, чего желаем друг другу в конце сейдера: “В будущем году в Иерусалиме, с приходом Мошиаха!”»

**Ī ādāūāī ēā āēāāī īā dāāāēī ā Dīnēē Ā. Ēācādā ē mī ōā: ānō āāī ī ēēāī ī ī
nēō: āp Āī y Ī īāāū**

Дорогие братья!

Примите самые искренние поздравления со славной датой, 60-летием Великой Победы!

К сожалению, многих ветеранов и участников Великой Отечественной войны нет больше с нами, но мы никогда не забудем их неоценимый вклад в Победу. То, что сказано в Книге псалмов – «заслуга его пребудет вечно», – полностью относится к вам, наши дорогие ветераны.

Ваша победа полностью изменила мир и дала сегодняшним поколениям право на свободную жизнь. Благодаря мужеству и героизму участников ВОВ сегодня больше не существует угрозы повторения такой страшной войны.

Мудрецы нашего народа учат, что каждый человек – это целый мир, «спасающий одного человека спасает целый мир». Самое великое проявление героизма – это когда человек подвергает

опасности собственную жизнь, чтобы спасти жизнь другого человека. Мы, евреи, всегда будем чувствовать великую благодарность к каждому бойцу Красной Армии, ко всем участникам этой исторической Победы за их отвагу и мужество. Ваш беззаветный героизм не будет забыт, он послужит примером во всех поколениях.

От всей души желаю ветеранам доброго здоровья, крепости сил, счастья, мира, благополучия, помощи Б-жией во всех делах!

С Днем Победы!

ÀÏÌ, ÈÏÒÌÐÙÉÏ ÌÏÑÒÐÌÈÈ ÇÀÈÈÃ

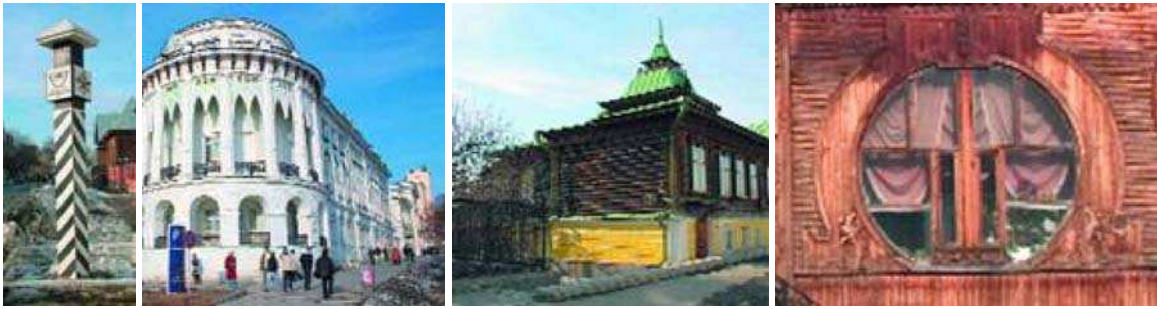
Ìðè Òàààðàòèè ààðàèíèèò òàùèí Ðíííèè Ìà-àèà ðààíòàòù ðààèííàèùíàÿ ðàààèèèÿ. Àà çààà-à - à ðàçíóò ãòíààò, à òíí -èèèà à ðààèàííèè àèòàèíèà çàèèíèòùíÿ ñ æèçíùò ì àíòíóò ààðàèíèèò òàùèí.

À òòèèèà Òàèà ì ù ìðèíòòòàíàèè ìðè òèèòòèè àèèèèèèííà çàèèÿ òàùèííà òàí òðà è ñèíààè; ìíçàèèí èèèííàæèçíùò àèòààèíàòòàèèèèè òàùèí ù è ðààèèíí, àà àíçàààèÿòùèí; ìíàííàèè à àèííàçèè, ààòíèíí ñàò è ÿíèÿ òííàà «Ìð Ààíà»; ìíàííàíàèè ñ àíòàðàíàè è àòíðèè ìèðíàè è ìèè-èèè à ìíààðèè çàíà-àòàèùòò èíèèò ì ìèè, àíèèèòò è òè-èàèèò Ìíààù. Ì Àèòààèíàòòà - Ìàò ì àòàèè ðàííèèàç ì à òòàí èòàò ðààèèè «Àíçòíàèàí è».

Èñò ìðè-àíèàÿ ñí ðààèà

Основу еврейского населения Урала составили еврейские мальчики, которые в 1830-х гг. направлялись туда в военные школы кантонистов. В 1840–1850-х гг. в Екатеринбурге проживало чуть более 100 мужчин-евреев (0,5% от общего числа жителей). С середины XIX века вне «черты оседлости» разрешили проживать купцам 1-й гильдии, обладателям дипломов, ученых степеней, отставным нижним чинам, рабочим промышленных предприятий. В 1912–1913 гг. в Екатеринбурге создается ряд еврейских торговых и производственных фирм, многих евреев принимают на государственную службу и на горные заводы. В 1913 г. в городе проживало 1135 евреев (1,3% населения). Много беженцев, в том числе евреев, попало на Урал в начале первой мировой войны. В 1917 г. Екатеринбургскому еврейскому обществу сроком на 36 лет был отведен земельный участок под постройку бани и миквы на берегу реки Исеть. Существовало общество помощи неимущим евреям и богадельня. В 1919–1922 гг. в городе действовали 2 еврейские школы, еврейские детский сад, детский дом, ремесленное училище, несколько библиотек и 3 рабочих клуба. В 1920 г. в городе проживало 5605 евреев, по переписи 1923 г. – около 8000. В 1923 г. власти закрыли молельный дом, синагогу. В 1930 г. община была закрыта, и в городе осталась только одна синагога. В 1937 г. горсовет принял решение о ее ликвидации. В годы Великой Отечественной войны в Свердловск было эвакуировано множество заводов и учреждений, в числе сотрудников которых оказалось много евреев. В декабре 1945 г. вновь было зарегистрировано еврейское религиозное общество, ему было передано здание под молельный дом. В 1950-х гг. вновь была открыта синагога, но в 1961 г. община была распущена.

*«I ú æèááí íá äëý ò íã,
 ÷ ò í á ú ñ á è ð à ò ú ú á í á í è ú ñ ò ä è ý,
 à ä è ý ò í ã, ÷ ò í á ú á ú ò ú
 ñ: à ñ ò è è á ú ì è.
 À á ú ñ ò á á ñ: à ñ ò ú á
 ç à è è ð ÷ à à ò ñ ý á ò í ì,
 ÷ ò í á ú í ñ ñ í ñ à ò ú è ð á ý ì,
 á ú ò ú è ì í ó æ í ú ì è».
 Ð á á á Ì á í á ò á í - Ì á í ä è Ð í á á ð ñ í*

Церемония открытия нового здания всегда похожа одна на другую – и по смыслу, и по форме. Позади остались напряженные дни проектирования, тяжелые строительные будни и завершающий этап обустройства нового жилища. Перед собравшимися – гостями и хозяевами, архитекторами и строителями, инвесторами и представителями власти – предстает готовый результат долгих трудов многих людей. Остается разрезать ленточку. Но на самом-то деле за каждым строением – своя история, кусочки человеческих жизней, мистические повороты судеб. История эта тем более чудесна, если новый дом – это Храм.

У Исаака Бабеля есть рассказ под названием «История моей голубятни». Раввин Екатеринбург и Свердловской области Зелиг Ашкенази может написать историю «своей синагоги». Конечно, говорить так можно с большой долей условности, ибо к созданию нового комплекса – еврейского общинного центра и синагоги, открытие которых состоялось 7 апреля, – приложили руку многие, начиная от спонсоров, областных и городских властей и заканчивая архитекторами, дизайнерами, строителями. Но всё же главным руководителем и идейным вдохновителем стал раввин Ашкенази. Прилетевший на открытие нового здания главный раввин России Берл Лазар сказал так:

– Я не боюсь преувеличения, перед собой я вижу настоящее чудо!

Чудо начиналось совсем не сказочно. В сентябре 1997 года в аэропорту «Кольцово» приземлился самолет с молодым раввином Зелигом Ашкенази и его женой на борту. Начались поиски гостиницы. Им отказали в одной, во второй, в третьей... Лишь глубокой ночью они наконец нашли пристанище и смогли перевести дух.

С российской действительностью раввин Ашкенази столкнулся не впервые – еще до свадьбы и окончания ешивы он полгода прожил в Челябинске. Там его хорошо запомнили:

– Очень энергичный раввин. Жаль, что мы его из Челябинска отпустили! – поделилась впечатлениями женщина из местной общины.

«Ленин указывает дорогу к синагоге» – так шутили местные жители по поводу местонахождения арендуемого еврейской общиной помещения. Действительно, располагалось оно на улице Ленина, и точнехонько на него указывал стоящий на центральной площади города бронзовый вожь. Однако общине нужен был свой Дом.

Место для строительства новой синагоги выбирали несколько лет. История этого выбора и всех связанных с ним перипетий весьма драматична. Сначала осенью 1997 года р. Зелиг Ашкенази оказался на борту самолета, в котором делегация властных и деловых кругов Екатеринбурга летела в Израиль. Там-то, на встрече с Натаном Щаранским, было принято решение: общинному центру и синагоге в городе быть! Об этой встрече на открытии, 7 апреля, вспоминал мэр Екатеринбурга Аркадий Чернецкий. Но с того времени до начала строительства прошло больше пяти лет!

Daññeàcúââò ð CäèèÅeèáí àcè:

– Через месяц после того, как вернулись из Израиля, мы уже получили участок. Это был первый участок, находящийся рядом с этим местом – там, где стоит одноэтажный дом. Недалеко от этого места раньше была старая синагога. Нам сказали: «Снесите этот дом и стройте». Еще через месяц, в декабре 1997 года, сюда приехал известный израильский архитектор – Исроэл Гудович. Он сделал макет здания в виде талеса, получился такой шатер... Гудович создал этот проект очень быстро, он получился очень красивый, все были довольны. Но начались проблемы. Оказалось, что одноэтажный дом на участке, который нам передали, считается памятником архитектуры. Вообще это бывшие конюшни, но территория считается охраняемой зоной, строить ничего нельзя. Мы потеряли год или даже полтора. В конце концов поняли, что строить там действительно невозможно. Пришлось отказаться от этого участка.

Нам дали другой участок – пустующую территорию на ВИЗ-бульваре, недалеко от того места, где находится Вечный огонь, площадь Коммунаров, но с другой стороны парка. Однако Исроэл Гудович сказал, что у него нет времени заниматься новым проектом, и нам пришлось пригласить другого израильского архитектора. Он сделал другой вариант, потому что проект Гудовича для нового места не подходил. Новый проект был сделан в виде пирамиды. В течение года-полтора мы получили все документы и согласования на этот проект.

Мы уже начали проводить тендер на строительство, как случилась страшная вещь: разразился огромный скандал. «Вечерние ведомости» – желтая, бульварная газета, которую, слава Б-гу, уже закрыли, – вышла со статьей под заголовком: «Синагога строится на костях христиан». Потому что там недалеко, на территории парка, раньше было кладбище. Там похоронены не только русские, но и евреи. Газетчики нарисовали план этого места со стрелкой и надписью: «Здесь будет синагога». По их плану получалось, как будто мы собираемся строить рядом с Вечным огнем, – на самом деле расстояние там не меньше 500 метров. Подняли такой шум! В течение короткого времени появилось 15 статей, РНЕ распространяло листовки. Год мы воевали, это было в 1999-м и 2000 году. В городской администрации нам сказали: «Конечно, всё законно, у вас есть полное право, вы можете строить. Но вам придется это делать под охраной

автоматчиков». И мы решили вернуться к первому варианту, потому что в администрации нам пообещали помочь решить вопрос в отношении того, что там находится памятник архитектуры. В течение года-полутора мы пытались что-то сделать с этой бывшей конюшней, но безрезультатно.

Недалеко от того места, где мы в итоге построили наш общинный центр и синагогу, находился китайский ресторан «Харбин». Его хозяева арендовали всю эту большую территорию, здесь у них была стоянка машин. Тут же, немного дальше, на берегу реки Исеть когда-то находилась старая деревянная синагога. В 2001 году, когда р. Берл Лазар приехал в Екатеринбург на открытие школы «Ор Авнер», он мне сказал: «Давайте заложим первый камень на том месте, где будет синагога». Я ему объяснил, что с этим участком много проблем, здесь синагоги не будет в любом случае. Он мне ответил: «Давайте это сделаем, и Б-г поможет». И как будто действительно Б-г направил.

Мероприятие по закладке камня прошло 5 марта 2001 года, тогда выпало много снега. Мы приехали с трактором, чтобы почистить снег, подготовить место для закладки камня. Подумали: какая разница, давайте будем чистить снег чуть-чуть подальше, где автостоянка, где побольше места, чтобы собрать людей, а не рядом с этой бывшей конюшней. И получилось так, что первый камень мы заложили почти там, где сейчас находится центральный вход в новую синагогу. На мероприятии присутствовали раввин Берл Лазар, Леви Леваев, Эдуард Россель. На тот момент у нас был участок, на котором строить невозможно, а где на самом деле будет синагога, мы не знали.

В июне 2002 года произошло просто чудо. У здания, в котором находился ресторан «Харбин», поменялись хозяева: его занял магазин «Арбат Престиж». И его владельцы решили, что такая большая территория им не нужна. Нам сразу предложили этот участок под строительство.

Забыл сказать, что у нас уже был третий проект: мы переделали пирамиду, которую подготовили для второго участка, и сделали новый вариант. Но нам сказали, что подобное здание не подходит для нового, четвертого участка. И мы вновь начали искать архитектора, но на этот раз решили, что в Израиль обращаться не будем. Это очень сложно технически – каждое утро туда звонить, постоянно ездить. И мы обратились в местную фирму «Урал-проект Дубрава», к ее руководителю Марку Пакину. А СМУ-3 (генеральный директор Илья Полищук) стало генподрядчиком. В 2002 году сделали проект, а строить начали в 2003-м.

По рассказам старожилов, здесь, на берегу реки Исеть, еще в начале прошлого века существовала миква, затем на этом месте построили одноэтажную деревянную синагогу. К молельной комнате примыкала еще одна, для женщин, там же перед праздником Пейсах пекли мацу. Разрушили старую синагогу в конце 1950-х или начале 1960-х годов.

– Тут некоторые говорят, будто прежняя синагога была разрушена в 1962 году, – говорил на открытии новой синагоги губернатор Россель, не глядя в сторону мэра Екатеринбурга, который именно этот

год назвал датой сноса синагоги. – Так вот, я очень хорошо помню, когда это было. Синагога была сожжена в 1955-м. В текущем году как раз исполнилось бы 50 лет с тех пор, как синагоги нет, – продолжал свердловский губернатор. – И когда мы вместе с Зелигом Ашкенази два года назад принимали решение о восстановлении здания, я сразу сказал: синагога должна стоять на старом месте. Что бы ни говорили те, кто хотел построить ее не здесь. Я даже поставил метку на распечатке генплана и расписался, – веско добавил Эдуард Россель.

Раввин Екатеринбурга сохранил ту самую распечатку. Теперь эта карта стала своеобразной общинной реликвией.

То, что прискорбный факт разрушения синагоги имел место в 1950-х, подтвердил и председатель екатеринбургской еврейской общины Яков Соскин. Что же касается месторасположения старого здания, то профессор Уральской архитектурной академии, председатель общества уральских краеведов Всеволод Служин рассказал по этому поводу следующее:

– Екатеринбургская синагога была деревянная и одноэтажная. Я помню, как в детстве каждый день ходил мимо нее в школу. Старая синагога размещалась ближе к проезжей части улицы Малышева. От дороги ее отделял только парк, где стояли дремучие дубы. Мальчишками мы собирали там желуди. Синагога стояла практически на обрыве, над Исетью. В конце 40-х годов городские власти приняли решение поднять уровень грунта, потому как вода Исети размывала землю и дорога проседала. Парк завалили грунтом и мусором. Постепенно очередь дошла и до синагоги. Здание попросту разобрали. Я сомневаюсь, что сейчас кто-нибудь помнит, как она выглядела. Да я и сам с трудом припоминаю...

На строительство синагоги деньги выделил известный меценат Джордж Рор, на эти деньги была полностью построена коробка нового здания.

В начале строительства произошла неприятная история. Как нам «по секрету» рассказали в СМУ-3, возведение общинного центра началось под гарантии со стороны раввина Ашкенази – выплачивать строителям деньги по мере проведения работ. Коробка здания появилась за три первых месяца, а работники ООО «Водремстрой» успели проложить водопровод. Но потом деньги кончились. Строительство могло приостановиться на неопределенный срок, если бы не вмешательство главного раввина России. Берл Лазар помог найти недостающие средства.

Деньги собирали, как говорится, всем миром. Глава администрации губернатора Свердловской области Вениамин Голубицкий сумел привлечь на строительство 1 млн долларов. По 300 тыс. долларов пожертвовали СУАЛ-холдинг (Виктор Вексельберг), ТМК (Дмитрий Пумпянский) и УГМК (Андрей Козицын). Свой вклад в строительство внесли завод ОЦМ и концерн «Калина» – они перечислили по 10 тыс. долларов. Такую же сумму пожертвовал Сергей Нудельман – директор Института косметологии и пластической хирургии. Депутат Госдумы Евгений Ройзман дал 4 тыс. долларов и подарил старинный свиток Торы из синагоги во Львове, спасенный в годы Великой Отечественной войны. Остальные дарители – рядовые жители Екатеринбурга и Свердловской области – жертвовавшие по 100–300 долларов из своих накоплений.

Новый общинный центр имеет четыре этажа, внутренняя площадь составляет 4 тыс. квадратных метров. Интерьер молельного зала на 400 человек стилизован под иерусалимскую Стену Плача. В докольном этаже – женская и мужская миквы. В новом комплексе, кажется, есть всё – благотворительная

столовая, кухня, кошерный ресторан, компьютерный зал, библиотека, а также учебные классы, комнаты для занятий кружков, музыкальная студия, тренажерный зал, офисы общины. На первом этаже – комната памяти жертв Холокоста... Ничего лишнего: диапроектор и экран, на котором в темноте, под пронзительную музыку, – они, дети и старики, мужчины и женщины с могоендовидами на одежде. Их фотографии. И фотографии того, что с ними делали те нелюди в те страшные дни...

Все уроки, программы, занятия в кружках, тренажерном зале, еда в кошерной столовой – бесплатны. Единственное исключение – кошерный ресторан «Лехаим», расположенный на верхнем этаже общинного центра. Но и там, сказал екатеринбургский раввин, цены будут вполне приемлемы: «Задача – окупить затраты, о прибыли мы не думаем». Всё сделано просто, красиво и удобно – не для того, чтобы пустить пыль в глаза, а для жизни и молитвы, учебы и отдыха.

Выступая на открытии комплекса, губернатор Россель процитировал еврейскую пословицу: «Не то любят, что красиво, а то красиво, что любят». Новый дом еврейской общины Екатеринбурга получился и красивым, и, конечно же, достойным любви.

ÁÁÒÈ, ÒÁÍÐΒÛÈÁ Ì ÈÐ

Á Áεαοαδειαοοαα ι αοιταεοιηη αεειηοαα ιαη ι α Οθαεα αει ι αεηη ι αεαοι αοιαι ιαη οηιαα «Ιδ Ααιαδ», ααοηεεε ηαα ε ηηεε. Οεηεο ιοεοηεε ηηου εαο ιααα «Á ηοηη ααο ο ιαη ηαεεε», - ηη αοαηηοηη ηηαηεεα ιαι ιαη α εη ι αι. ααηη ααηηοαεοαεηη ι αοαηηοηη ηηεηι ο-ααηηηι αααηαι εαι, ααα ι ιηαα ααεααοηη ηηεηι ε οεαηι ε. Αηη αηεδα ηηαααοηη ια οηεηηεη δααηοιεεαι ε οεηεη, ιη ε οαηδεοηηη ηαι εηι ε ααοηηι ε. Á οαηδ-αηοαη, εαε εααηοιη, ηηη ιαα ηηαηαι εηη Ι εδα.

Α начиналось всё буквально на пустом месте. Раньше в этих двух рядом стоящих зданиях на окраине Екатеринбурга были две разные школы. В 1990-х годах одна из них «приказала долго жить». Мэрия и КУГИ передали здание еврейской общине города. В 2001 году школу открыли. Однако потребовалось на это много времени и сил.

Раввин Екатеринбурга и Свердловской области Зелиг Ашкенази признается, что это было «очень непросто»: нужно было убедить районную администрацию, районо, гороно, министерство образования области, пройти множество комитетов и согласований. Нужно было найти помещение, получить все документы на здание, зарегистрировать устав гимназии, набрать детей, сформировать весь коллектив. «Я помню, – рассказывает раввин, – как я сижу, а ко мне по очереди заходят представители организаций, которые участвуют в тендере на ремонт гимназии. Одновременно приходят родители и оформляют у секретаря своих детей, а еще в одном углу сидит моя жена и проводит собеседование с учителями. Это была сумасшедшая работа».

Но этого показалось мало, появилось желание развиваться и совершенствоваться. Как всегда, помог Б-г или случай. «В соседнем помещении, примыкающем к нашему, находилась другая школа, – вспоминает раввин Ашкенази. – Они сами обратились к нам с просьбой – найти для них другое здание. И

мы через администрацию города это сделали. А сами в этом помещении устроили детский сад и ясли. Открыли их полтора года назад, сегодня там четыре группы».

Но и этого было мало! Вокруг здания большая территория – 10 тыс. квадратных метров. Энергичный раввин добился того, чтобы получить землю вокруг школы и садика. Заключили договор аренды на 15 лет. Поставили забор, охрану, проложили дорогу, сделали детскую и спортивную площадки, соорудили трибуны. «Сегодня мы полностью всё благоустроили, – говорит екатеринбургский раввин. – Четыре месяца мы там работали, пять фирм в этом участвовали, вывезли оттуда 150 машин с мусором. Там был такой ужас! Жители соседних домов очень благодарили, что мы навели там порядок».

Директор учебного комплекса Эльвира Бабич подтвердила слова раввина. «Я тогда спрашивала местных жителей: “А вам какая с этого радость?” – “А нам приятно на балкон выйти!” – отвечали соседи».

Детишки екатеринбургской еврейской гимназии «Ор Авнер» представляют семь дней Сотворения мира. «У нас в конце четверти, в пятницу – концерт. Вообще, пятница – это особый день», – поясняет Эльвира Бабич. Каждую четверть выбирается новая тема – «Шабос», «Города Израиля», «Наши праматери и праотцы» и другие.

Сцена – сказочный лес, деревья, небо. Каждый класс показывает свой номер, «свой» день Творения. Старшеклассники поют и танцуют, разыгрывают сцены из Торы. Их одноклассники и учителя в зале настолько сопереживают, что иногда подпевают им. Малыши рассказывают про кошерных и некошерных животных, птиц, рыб. Каждый одет в соответствующий костюм. Юные таланты настолько перевоплотились, что, кажется, действительно творят Мир прямо на глазах у зрителей. Отыграв роли, дети еще некоторое время после ухода со сцены приходят в себя. А самые внимательные слушатели в зале – гости из Израиля, родители и родственники р. Зелига Ашкенази. Их лица выражают искреннее восхищение этими детишками, живущими в далекой заснеженной стране, поющими на иврите, знающими еврейские традиции и молитвы.

Сейчас гимназия – негосударственное учебное заведение, имеющее лицензию, аттестацию, аккредитацию, выдающее аттестаты государственного образца. В ней учится около 300 человек, в детском садике – 70 детишек, в яслях – 19. Особые предметы – изучение Торы, традиций и истории еврейского народа, иностранных языков – иврита и английского – с первых классов. Родителей не пугает, что учебный комплекс находится в отдаленном районе города, ведь автобусы по шести специально разработанным маршрутам каждый день привозят и увозят детей. Более того, по словам директора, попадают сюда не все желающие, приходится проходить конкурс. Мальчики с 13 лет после завтрака надевают тфилин. «Они считают, что это принесет им счастье», – объясняет Эльвира Бабич. Ежедневная молитва, прекрасная столовая и кошерная еда, по пятницам зажигают свечи.

Ученики гимназии сами издают газету под названием «Шалом, “Ор Авнер”», работают кружки, проводятся конкурсы, олимпиады, конференции старшеклассников. Хор мальчиков «Пирхей Русия» и хор девушек «Бат Мелех» известны своими выступлениями не только в Екатеринбурге. Создана школьная система самоуправления. Ее председатель Матвей Каплун говорит, что обсуждают они важные вопросы: о содержании процесса обучения, выборе итоговых тем, проведении зачетных недель, взаимоотношениях с учителями. Мы видели, как старшеклассники чистили снег, убирали грязную посуду в столовой, наводили порядок в зале и классах. Продолжали творить окружающий мир своими руками...

Конечно, говорят педагоги, дети сейчас непростые. Ибо живут – как и все мы – в очень непростом мире. Выходя на улицу, они встречают те же соблазны мегаполиса, что и другие дети, их сверстники. Наверное, им нелегко противостоять этим соблазнам. Однако некий иммунитет, способность противодействия злу в них уже заложены. Ибо Традиция – поступай так, как поступали твои предки, – уже укоренилась в их сердцах. Во всяком случае, стремление к ее постижению и исполнению. И, несмотря на годы неверия и забвения, благодаря заботам старших и сведущих, она приносит свои плоды.

Èëüÿ Èáðí áí èí

КНИГА ПАМЯТИ

*Είεᾱν Ῑαῑ ῡο̄ε «̄Ᾱ ᾱῑῡο̄ ε̄ ο̄δ̄ῡᾱ» Ἀε̄ο̄ ᾱδ̄ε̄ῑ ᾱο̄δ̄ᾱε̄ε̄ μ̄ᾱο̄ ᾱᾱδ̄ᾱ - ᾱᾱο̄ ᾱᾱῑ ῑᾱ Ἀε̄ε̄ε̄ῑε̄
Ῑο̄ᾱ-ᾱῑο̄ ᾱᾱῑῑε̄ ᾱε̄ῑῡ ᾱῑῑο̄ο̄ε̄ ε̄ 60-ε̄ᾱο̄ε̄ρ Ῑ ῑᾱᾱῡ. Ο̄ε̄δ̄ᾱε̄ ε̄ῑε̄ᾱ ῑᾱᾱε̄ῡο̄ῑε̄, ῑᾱῑ ᾱε̄ῑ ς̄ᾱᾱῑ μ̄ᾱδ̄ᾱῑ ῡ
ᾱε̄ῑᾱᾱο̄ε̄ ᾱε̄ε̄ᾱ μ̄ο̄ᾱ ο̄-ᾱῑο̄ῑε̄ε̄ῑᾱ ᾱε̄ῑῡ. Ἀ̄ᾱῑῑ ο̄ε̄δ̄ᾱε̄ ᾱῡε̄ ᾱᾱῑε̄ᾱο̄ῑῑ ο̄ῑς̄ᾱᾱῑ ᾱᾱδ̄ῡῑ ε̄ῑε̄ᾱε̄ ε̄ ε̄ο̄
ο̄ῑᾱῑο̄ ᾱᾱῑε̄ε̄ᾱῑ. Ῑ ο̄ῑῑ, ε̄ᾱε̄ ῑῑγ̄ᾱε̄ε̄ᾱῑῑ ῑ ῡῑε̄ῡ μ̄ς̄ᾱᾱο̄ῡ ο̄ᾱε̄ῑε̄ μ̄ᾱῑο̄ῑε̄ε̄ ε̄ ε̄ᾱε̄ ο̄ε̄ᾱ δ̄ᾱᾱῑο̄ᾱ ῑᾱᾱ ῑε̄ῑ,
ᾱε̄ο̄δ̄ῑ ᾱε̄ο̄ «̄Ε̄ᾱᾱε̄ῑ » δ̄ᾱῑμ̄ε̄ᾱε̄ε̄ ῑ δ̄ᾱῑμ̄ᾱᾱο̄ ᾱε̄ῡ ᾱ ο̄ῑᾱε̄ῑᾱ μ̄ᾱο̄ ᾱ ᾱᾱδ̄ᾱᾱ-ᾱᾱο̄ ᾱᾱῑ ῑᾱ Ἀε̄ᾱᾱε̄ῑ ε̄ο̄ Δ̄ᾱῑ ο̄ο̄ῑᾱ*

– Книга «В боях и труде» не первый сборник биографий евреев Екатеринбурга – ветеранов Великой Отечественной войны. В 2000 году уже выходила похожая брошюра под названием «Мы защищали Родину», также выпущенная Советом ветеранов Екатеринбурга. Однако тогда не удалось собрать биографии всех ветеранов столицы Урала.

За четыре года были найдены биографии тех, кто не вошел в первую книгу. К тому же за прошедшее время в нашей организации появились новые члены, чьими историями мы решили дополнить сборник. В течение двух лет В. Рапутов и еще три сотрудника редколлегии общались с дожившими до наших дней участниками войны и родственниками погибших ветеранов, буквально по крупицам собирая сведения о них. Помогли в этом и учащиеся екатеринбургской гимназии «Ор Авнер», с которыми давно дружит Совет евреев-ветеранов. Всего набралось 125 живых, невымышленных человеческих историй. 31 биографию редакторы объединили в раздел «Никто не забыт, ничто не забыто» – это рассказ о тех, кто не вернулся с полей сражений.

– Эту книгу можно назвать сборником подвигов, – говорит Владимир Рапутов. – Мы трудились над ней с целью сохранения памяти и издали в качестве подарка ветеранам, их родным и близким на 60-летие Победы. Особую благодарность хочется выразить раввину Екатеринбурга и Свердловской области Зелигу Ашкенази. Когда у нас возникли финансовые проблемы, он нашел и передал нам необходимую сумму.

Ἀ̄ῑ ε̄ο̄δ̄ε̄ Ἀ̄ῑ ο̄ο̄ῑᾱῑ ε̄ῑᾱ

ᾱ Ἀε̄ο̄ ᾱδ̄ε̄ῑ ᾱο̄δ̄ᾱ

НАШИ ИЮНЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

5 ИЮНЯ

65 *עָאָד ל"ה אִיּוֹן ה'תשס"ה* биолога, члена Национальной АН США, профессора Института исследований раковых заболеваний Слоуна и Кеттеринга, автора работ в области молекулярной биологии **Марка Пташне** (Ptashne; р. 1940, Чикаго).

8 ИЮНЯ

75 *עָאָד ל"ה אִיּוֹן ה'תשס"ה* математика, члена Национальной АН США, АН Израиля и Британской академии, профессора Иерусалимского университета, автора работ в области теории игр Роберта Исраэла Омэнна (Aumann; р. 1930, Франкфурт-на-Майне).

11 ИЮНЯ

70 *עָאָד ל"ה אִיּוֹן ה'תשס"ה* артистки балета, народной артистки СССР, первой исполнительницы партий Девушки («Ночной город»), Асель («Асель»), Эгины («Спартак»), леди Макбет («Макбет») и др. **Нины Владимировны Тимофеевой** (р. 1935, Ленинград).

13 ИЮНЯ

130 *עָאָד ל"ה אִיּוֹן ה'תשס"ה* пловца, обладателя золотой олимпийской медали 1896 года **Пола Ноймана** (Neumann; 1875–1932, Вена).

14 ИЮНЯ

95 *עָאָד ל"ה אִיּוֹן ה'תשס"ה* математика, члена Национальной АН США, профессора Нью-Йоркского университета, автора работ в области уравнений с частными производными **Фрица Джона** (John; 1910, Берлин – 1994, Нью-Йорк).

16 ИЮНЯ

185 ёаò ìì áìŷ ðĭæĭĭĕŷ врача, одного из основоположников педиатрии в Германии, подробно описавшего вариант геморрагического васкулита – т. н. абдоминальную пурпуру, **Эдуарда Геноха** (Henoch; 1820, Берлин – 1910, Дрезден).

65 ёаò ìì áìŷ ðĭæĭĭĕŷ государственного деятеля, министра транспорта США, губернатора штата Орегон **Нейла Эдварда Голдшмидта** (Goldschmidt; р. 1940, Юджин, США).

65 ёаò ìì áìŷ ðĭæĭĭĕŷ физика, члена Национальной АН США, профессора Тель-Авивского и Станфордского университетов, автора работ в области теории рождения кварков, разрушения слабых электрических симметрий и теории цепочек **Леонарда Зюскинда** (Susskind; р. 1940, Нью-Йорк).

50 ёаò ìì áìŷ ðĭæĭĭĕŷ государственного деятеля, экономиста, руководителя администрации президента РФ, министра финансов РФ, председателя правления РАО «ЕЭС России» **Анатолия Борисовича Чубайса** (р. 1955, Борисов Минской обл.).

17 ИЮНЯ

65 ёаò ìì áìŷ ðĭæĭĭĕŷ экономиста, члена Национальной АН США, профессора Индийского статистического института и Калифорнийского университета, основоположника информационной экономической теории, автора работ в области анализа рынков с асимметричной информацией, лауреата (совм. с М. Спенсом и Дж. Стиглицем) Нобелевской премии по экономике 2001 года **Джорджа Акерлофа** (Akerlof; р. 1940, Нью-Хейвен, США).

85 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* микробиолога и генетика, члена Парижской АН, Национальной АН США, Лондонского королевского общества, Датской королевской АН, Королевской АН Испании, АН Венгрии, профессора Пастеровского института и Коллеж де Франс, автора работ в области генетики бактерий и их вирусов (фагов), предложившего схему регуляции активности генов (концепция оперона) синтеза белка в бактериальных клетках, лауреата (совм. с А. М. Львовым и Ж. Л. Моно) Нобелевской премии по медицине 1965 года **Франсуа Жакоба** (Jacob; р. 1920, Нанси).

18 ИЮНЯ

60 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* кибернетика, члена-корреспондента РАН, профессора и ректора Самарского государственного аэрокосмического университета, директора Института систем обработки изображений (ИСОИ) РАН, автора работ в области математических методов обработки изображений и создания дифракционных оптических элементов, лауреата Государственной премии РФ **Виктора Александровича Сойфера** (р. 1945, Куйбышев).

22 ИЮНЯ

60 лет со дня рождения физикохимика, члена Лондонского королевского общества и Национальной АН США, профессора Оксфордского и Калифорнийского университетов, автора работ в области магнитно-ядерного резонанса **Александра Пинеса** (Pines; р. 1945, Родезия).

23 ИЮНЯ

70 *éàò ì áÿ ðæääéÿ* ватерполиста, обладателя золотых олимпийских медалей 1952, 1956 и 1964 годов **Дьордя Карпати** (Karpati; р. 1935, Венгрия).

100 έάò ìì áìŷ ðíαεάάίέŷ έεòάάάòóóíάάά, óεέίììòά, действительного члена АХ СССР, автора работ в области эстетики Михаила Александровича Лифшица (1905, Мелитополь – 1983, Москва).

24 ИЮНЯ

260 έάò ìì áìŷ ìì άðòε άììάάðòάάίίά άίŷòάέŷ, одного из ближайших сподвижников Петра I, первого генерал-полицмейстера Петербурга, генерал-аншефа, графа Антона Мануйловича Дивьера (1682, Голландия – 1745, Петербург).

30 ИЮНЯ

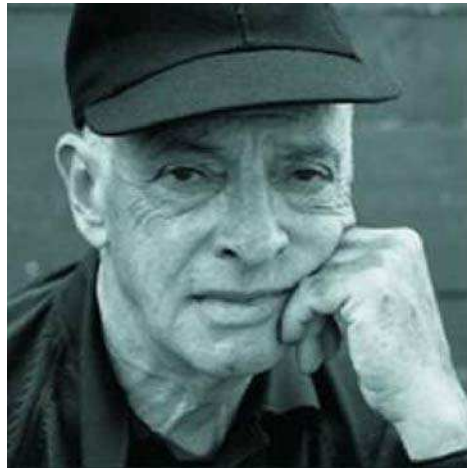
70 έάò ìì áìŷ рождения виолончелиста, педагога, народного артиста РФ, профессора Московской консерватории и Музыкальной академии им. Я. Сибелиуса Михаила Эммануиловича Хомицера (р. 1935, Харьков).

НАША ПАМЯТНАЯ ДАТА

СОЛ БЕЛЛОУ:

НЕ СТОПРОЦЕНТНЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Ολέουεε άά - ίάη:άηόεεάηε άεϋ έεοάάοόόη ΝΟΑ: άί έάάί άη ίάί ά çà άόάάε οόίάϋο ά ίάάύοεά Οόόίι θ άίόάεϋ ηόάεί εçάηόίί ί η άόε Νίεά Αάεείό ίάίίά εç άηάάηεόηϋ ίόάηόάεοάεε άι άδεεάίηείε ίόçη άόίόε ίίείάείύ ΟΟ άίεά Ιί ηείί:άείϋ ά ηάίάί άίί ά ά άόίάά Αόεεείά, οοάο Ι άηά:άηόη, ά άίόάηόά 89 έάο.

Младший сын русских евреев Абрама и Лизы Беллоуз (Белоус), эмигрировавших в 1913 году из Петербурга в Канаду, он до конца жизни так и не стал «стопроцентным американцем». Это позволило писателю по-своему, абстрагированно, взглянуть на современное ему американское общество; позиция стороннего наблюдателя – отличительная черта произведений Беллоу. Его героями стали мыслящие люди, интеллигенты, образы которых были редки в литературе США того времени, а его главными темами – извечное одиночество мыслящего человека и противостояние личности и общества. Но на счету писателя не только романы, но и несколько пьес, самая известная из которых – комедия «Последний сеанс», успешно шедшая на Бродвее.

Соломон Беллоуз, ставший впоследствии Солом Беллоу, родился в 1915 году в Лашине, пригороде Монреаля. Его отец занимался торговлей, которая приносила неплохой доход, позволявший семье безбедно существовать.

Детей Беллоузы воспитывали в традициях Торы, как полагается в правоверной еврейской семье. К девяти годам Соломон бегло говорил на идише, иврите, французском и английском языках. Позднее он всерьез увлекся литературой, отдавая предпочтение Шекспиру и русским классикам XIX века. Пробовал писать сам.

Окончив в 1937 году Северо-Западный университет со степенью бакалавра антропологии и социологии, Беллоуз-младший стал аспирантом университета Висконсина. Но спустя несколько месяцев бросил учебу и вернулся в Чикаго. На жизнь он зарабатывал, преподавая в педагогическом колледже и работая редактором энциклопедии «Британника».

Это были трудные годы: попытки «пробиться» в мир литературы терпели крах одна за другой, но Беллоуз не сдавался. Наконец, в 1941 году, под именем Сола Беллоу, в журнале Partisan Review он опубликовал рассказ «Два утренних монолога», что положило начало его писательской карьере и тридцати пяти годам восхождения по лестнице славы к Нобелевской премии 1976 года «за гуманизм и тонкий анализ современной культуры». Главными вехами на этом пути стали романы «Приключения Оги Марча»,

«Герцог» и «Планета мистера Сэмлера», отмеченные Национальной книжной премией, а также «Дар Гумбольдта», за который он получил Пулитцеровскую премию.

Во время второй мировой войны Беллоу проходил службу в торговом флоте США. К концу войны вышел его роман «Человек между небом и землей», сразу сделавший писателя известным. Потом была повесть «Жертва», принесшая автору стипендию Гугенхайма, благодаря которой он некоторое время жил и работал в Европе.

С начала 1950-х годов Беллоу преподает поочередно в Нью-Йоркском, Миннесотском и Принстонском университетах, а затем попадает в межфакультетскую комиссию по общественной мысли Чикагского университета. В период арабо-израильского конфликта в 1967 году освещает события в качестве военного корреспондента газеты «Ньюсдей». Последний роман Сола Беллоу – «Равельштейн» – вышел в 2000 году.

Беллоу был женат пять раз, у него четверо детей. Младшая дочь родилась, когда ему было 84 года. Близкий друг и поверенный писателя, адвокат Уолтер Позен сообщил, что до последнего момента Беллоу сохранял здравый рассудок и твердую память.

Î aceri Aaiëéáééí

НАША ПАМЯТНАЯ ДАТА

АРКАДИЙ ВАЙНЕР: НАШ СОВРЕМЕННОК

*Οἱ ἀδελφεοὶ Ἀρκάδιος - ἰαεὶ ἐς τὴν ὕψιστην ἀποδοξίαν ἀποδοξαίτω καὶ τὴν
παιδείαν ἡμετέραν, ἀδελφεοὶ ἰδὲ τὸν ἐκείνου Ἀπὸδοξοῦ ἰαυτοδοξίαν ἀδελφεοῦ
ἰδὲ τὸν ἐκείνου. Ὅτι ἰδὲ τὸν ἐκείνου 24 αἰῶνι ἀπὸ ἐκείνου ἰα ἀποδοξοῦ ὅτι
ἐκείνου ἀδελφεοῦ ἰα ἀδελφὸν τὸν ἰδὲ τὸν ἐκείνου. Ὅτι ἰδὲ τὸν ἐκείνου 28
αἰῶνι ἀπὸ ἐκείνου ἰα ἀδελφὸν τὸν ἰδὲ τὸν ἐκείνου. ἰα ἀποδοξοῦ ὅτι
ἐκείνου ἀδελφεοῦ ἰα ἀδελφὸν τὸν ἰδὲ τὸν ἐκείνου. ἰα ἀποδοξοῦ ὅτι
ἐκείνου ἀδελφεοῦ ἰα ἀδελφὸν τὸν ἰδὲ τὸν ἐκείνου.*

Редакцию журнала «Лехаим» связывали с Аркадием Александровичем теплые отношения. Мы приносим свои искренние соболезнования родственникам писателя.

В советское время братья Вайнеры были одним из непререкаемых авторитетов в детективной литературе, их имя – своеобразным знаком качества. Бренд «Аркадий и Георгий Вайнеры» гарантировал неизменный успех у читателей, и к началу 1990-х годов общий тираж их произведений превысил миллион экземпляров.

Писательская карьера Аркадия Вайнера началась в 1967 году, когда одновременно в двух журналах – «Нашем современнике» и «Советской милиции» – был опубликован его первый роман «Часы для мистера Келли», написанный в соавторстве с братом Георгием и положивший начало их литературному дуэту. С этого момента каждое следующее произведение Вайнеров – «Лекарство против страха», «Гонки по вертикали», «Визит к Минотавру», «Эра милосердия», по которому Станислав Говорухин в 1979 году снял фильм «Место встречи изменить нельзя», – обязательно становилось бестселлером. Помимо детективной романистики Аркадий Вайнер небезуспешно пробовал себя в драматургии и вместе с братом написал несколько сценариев к кинофильмам.

Аркадий Александрович Вайнер родился 13 января 1931 года в Москве. Окончив школу с золотой медалью, поступил в Московский авиационный институт, но после первого курса перевелся на юридический факультет МГУ. По окончании университета некоторое время работал следователем в 21-м отделении милиции, а закончил карьеру в должности старшего следователя по особо важным делам МВД СССР.

Выбранная им профессия и опыт работы в милиции сослужили хорошую службу: Аркадий не понаслышке был знаком с сыскным делом, и зачастую сюжеты романов брались из реальной жизни. Однако детективная составляющая вайнеровских произведений не была главенствующей. Не случайно сам Аркадий Александрович предпочитал называть свои произведения «психологическими романами на криминалистическую тему», избегая определения «детектив». Это, скорее, своеобразные саги, в которых

дух времени зачастую превалирует над сюжетной линией. Таковы «Эра милосердия», «Петля и камень в зеленой траве», посвященный темам преследования евреев в СССР и действий КГБ и МГБ, или «Евангелие от палача» – роман о «деле врачей-убийц».

Последние два романа писались без надежды на публикацию: за подобную работу в брежневские времена вполне можно было получить не один год тюрьмы. Однако пришел день, когда работа братьев Вайнеров увидела свет и была оценена по достоинству.

В последние годы Аркадий Александрович активно занимался организационной работой в качестве президента DetectiveFESTa – фестиваля фильмов и телепрограмм, посвященных работе правоохранительных органов. В этом году, чтобы попасть на церемонию открытия седьмого по счету фестиваля, старший Вайнер выписался из больницы, где находился в связи с болезнью сердца. Закрывался фестиваль уже без него.

И актеи Аакееаеи

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2005 ИЯР 5765 – 6 (158)
ИЗ НАШЕЙ ИЮНЬСКОЙ ПОЧТЫ
יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

Восьмого мая Германия капитулировала. Но остались еще места, где гремела канонада и мы хоронили боевых друзей. В одном из таких мест была блокирована крупная немецкая Курляндская группировка. На что рассчитывали немцы?

Наше командование понимало: ликвидация заблокированной группировки потребует немалых усилий. И немалых потерь. Потому решено было предложить противнику капитулировать. Немецкий штаб, по данным разведки, располагался довольно далеко от передовых позиций. Возникла идея: направить в немецкий тыл самолет. Пилот его должен был передать наши предложения германскому командованию.

Кто полетит и на чем? Выбор пал на биплан По-2, одномоторный самолетик из фанеры и перкаля. Лететь приказали Евсею Исааковичу Смушкевичу. Он окончил Энгельское летное училище в 1942 году. На фронте, на штурмовике Ил, совершил несколько десятков боевых вылетов. В 1943 году в самолет Смушкевича попал немецкий зенитный снаряд. Пилот с трудом дотянул до нашей территории. В этом бою он получил тяжелую черепно-мозговую травму.

После лечения Смушкевич вернулся на фронт; однако летать на тяжелых машинах ему запретили. И стал Евсей Исаакович офицером связи; быстро освоил неприхотливый «кукурузник». Вот ему и поручили доставить в немецкий штаб акт о капитуляции и текст, в котором советское командование гарантировало жизнь пленным офицерам и солдатам.

То был очень опасный рейс: По-2 летел над немецкими позициями и тылами на небольшой высоте. А броневой защиты у этого самолета нет, его можно сбить из любого пулемета и даже автомата.

Смушкевич мастерски провел свою машину и посадил ее на немецком аэродроме. Документы тотчас передали командующему группировкой, тот созвал совещание высших офицеров. Что говорилось на этом совещании, знают только его участники. Но решение было доведено до советского командования: немцы приняли оба документа. Так реально завершилась война. Евсей Смушкевич был награжден орденом Красного Знамени.

В 1946 году Смушкевич демобилизовался, приехал в родной Саратов. Окончил институт, стал инженером-строителем, дослужился до главного инженера проекта. А в 1996 году, в 74 года, эмигрировал в Израиль. Из писем Евсея я понял, что он жалеет об отъезде. Сын, внуки, друзья живут в Саратове. Не возьму в толк, как ему помочь...

א. ערעאן עעטא, אדמאאאאאאאאא אע אדרי אראע אראאאע א. ני אעאאע-א

נאראארא

Ì ÁÍ Ρ Ñ Β È Ì Î Ï Β

Ее имя – Мария, а соседи звали ее Манюсей. Она работала пекарем в местной пекарне, а ее муж Мونها был механиком. Манюся – очень красивая златокудрая блондинка с большими голубыми глазами, а Мونها – жгучий брюнет. Когда их видели вместе, то редкий прохожий не заглядывался на эту пару.

У них было двое сыновей – восьми и десяти лет, два цветочка, красивые, как и их родители. Старший, Моисей – голубоглазый блондин, в Маню, а младший – брюнет, в Моню. Их семья жила в одном из окраинных районов Харькова в небольшом деревянном доме. Окна его смотрели на большую зеленую лужайку, вокруг которой стояли еще несколько таких же домов. Солнышко очень любило этот двор. Когда наступали сумерки, оно подолгу задерживалось на окнах домов и на детских площадках.

Днем там играли дети, и оттуда далеко окрест разносились их смех и радостные голоса.

Вечером детей уводили спать, а на смену им собирались многочисленные обитатели домов. Там жили украинцы, армяне, русские, евреи, цыгане. Они пели свои песни, рассказывали анекдоты и, конечно, хвастались мужскими победами. Вечером туда же обычно приходили два рыжих кота, которые возлежали под старым громадным дубом и с интересом смотрели на всё происходившее. Иногда им компанию составлял ежик.

Потом началась война. Днем перестали раздаваться веселые детские голоса, а вечером песни и мужской смех. Манюся получила похоронку первая. Она как-то сразу почернела, а внутри у нее всё окаменело. На руках остались два цветочка, две кудрявые головки, что связывало ее с жизнью и заставляло утром идти печь хлеб, а вечером спешить домой.

Город заняли фашисты. Манюсе «сделали» русский паспорт, а дети ее оставались евреями. Однажды, придя домой, она не нашла своих мальчиков. Соседи сказали, что их схватили, бросили в машину и увезли. Манюся побежала на другой конец города, где за бетонной стеной содержались заключенные. Она пыталась узнать хоть что-нибудь о своих детях, но в ответ слышала только злобную ругань на немецком языке.

Она по нескольку раз в день бегала вдоль этой стены, обнесенной колючей проволокой. Манюся пыталась протиснуть голову сквозь колючки, чтобы увидеть своих мальчиков. Она бежала вдоль стены, плакала, кричала, звала детей. Всё бесполезно.

Вскоре Манюся сказала соседям, что не может оставить своих детей одних, и добровольно ушла за колючую проволоку. Потом от очевидцев соседи узнали, что их сожгли в одной печи.

Война кончилась. Мало кто вернулся. Никто больше не собирался в этом дворе, не раздавались песни, не приходили туда рыжие коты и ежик, а старый дуб потерял свою кору и совсем засох.

С тех пор прошло много лет. Жители того дома рассказывали своим внукам про Манюсю и Моню, про их детей. В городе открылись новые парки и скверы, но их обитатели поют уже другие песни и рассказывают другие истории.

Это подлинная история, она произошла с родной сестрой моей бабушки.

È Ì ùσέεία

Ì ññññ